

**ОЛЕГ
МУХИН**

**СЛУЖУ
ТРУДОВОМУ
НАРОДУ**

**ОЛЕГ
МУХИН**

**СЛУЖУ
ТРУДОВОМУ
НАРОДУ**

**ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ**

КРАСНОЯРСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО,
1985

ББК 84.3Р7
М 92

СОДЕРЖАНИЕ

И. Головин. По законам мужества	3
Предисловие	8
ДАЕШЬ ГРАНИЦУ!	13
ДЖАРКЕНТ — ГОРОД ПОГРАНИЧНЫЙ	44
ДЖИГИТЫ С БЕРЕГОВ ЕНИСЕЯ	66
ДОВЕРИЕ КОММУНИСТОВ ОПРАВДАЮ	96
НА ХОРГОССКОЙ ЗАСТАВЕ	113
ВЛАСТЕЛИН НЕБЕСНЫХ ГОР	176
ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ ПАРТОРГА	197

М $\frac{4702010200-050}{М 147(03)-85}$ без объявл.—85

© Красноярское книжное издательство, 1985

*И. Головин,
полковник в отставке,
бывший командир учебного
эскадрона Джаркентского
пограничного отряда*

ПО ЗАКОНАМ МУЖЕСТВА

Вспоминается победный 1945 год. Войска 2-го Украинского фронта 26 апреля в результате обходного маневра и атаки с фронта овладели крупным промышленным центром Чехословакии городом Брно. В тот же день я был назначен советским военным комендантом этого города.

Освободители братской Чехословакии пошли дальше, а в мое распоряжение командование выделило два полка пограничников и небольшое подразделение 6-й Орловской стрелковой дивизии. С этими силами, опираясь на местное население, главным образом на вышедших из подполья коммунистов, мы должны были не только навести порядок в городе, не только пресекать сопротивление и шпионско-диверсионную деятельность вражеской агентуры и различного контрреволюционного отребья, но и возродить Брно, ставить его на рельсы нормальной мирной жизни.

Работы было много. Трудной, порой и опасной.

Главной опорой военного коменданта стали пограничники. Я сам до начала Великой Отечественной войны прослужил на границе почти пятнадцать лет. Мне, коренному степняку, пришлось служить в горах Тянь-Шаня и Алтая, стать не только кавалеристом, но, практически, и альпинистом. Я сроднился с воинами в зеленых фуражках, живущих и в мирное время во фронтовой обстановке, по законам мужества. И в освобожденном нами словацком городе я был уверен, что поступившие под мое командование пограничники не подведут, как не подводили в боях на склонах пика Хан-Тенгри, на покрытых ледниками перевалах Тышканских гор, в мрачных ущельях и на высокогорных альпийских лугах Алтая.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов в тех местах то и дело вспыхивали самые настоящие бои. И не с отдельными нарушителями границы, а с отменно вооруженными бандами. На Тянь-Шане это были басмачи, в окрестностях пограничного городка Джаркента — казахские и уйгурские буржуазные националисты, на Алтае — недобитые колчаковцы и анненковцы. Подчас вся эта антисоветская нечисть выступала против нас единым фронтом.

Врагов было много. Но мы, чекисты-пограничники, не считали их, а били. Били по-суворовски: не числом, а умением. И побеждали противника, невзирая на его численный перевес, нередко многократный.

Каждую осень в Джаркентский пограничный отряд прибывало из различных районов, краев, областей и республик страны новое пополнение на смену отслужившим свой срок пограничникам. И тогда из новичков формировались учебные эскадроны. И мы, начальники застав, их помощники, строевые командиры управления отряда, становились на несколько месяцев наставниками новобранцев: командирами взводов, эскадрона. И приступали к боевой учебе. Сейчас боевая учеба в наших Вооруженных Силах проводится в условиях, максимально приближенных к боевым. Наши питомцы познавали азы пограничной службы, грамматику боя в самом настоящем бою.

Осенью 1930 года в наш пограничный отряд прибыло пополнение из Сибири. Это были в основном комсомольцы-добровольцы с берегов Енисея. Мне было приказано сформировать из них учебный эскадрон и вступить в командование им. Среди добровольцев был и девятнадцатилетний комсомольский работник из села Новоселова Константин Черненко.

Что можно сказать о рядовом красноармейце Константине Черненко? Это был с первого дня боевой учебы в моем эскадроне один из самых дисциплинированных, добросовестных и смелых бойцов-пограничников. В бой ему, как и всему личному составу эскадрона, пришлось вступить буквально через несколько дней после прибытия в отряд. Признаться, я вначале волновался: ведь мои новые бойцы не знали еще и азов военного дела, плохо владели шашкой, не совсем уверенно

держались в кавалерийских седлах. А банда, нарушившая нашу границу, была не только многочисленной и хорошо вооруженной, но и состояла из головорезов, которые знали толк в тактике боя, не были трусами, люто ненавидели Советскую власть и все, что с ней связано.

Но молодые пограничники действовали в первом бою если и не совсем умело, то дисциплинированно и смело. Я подчеркиваю: д и с ц и п л и н и р о в а н н о в первую очередь. Именно строгое выполнение боевых приказов командира эскадрона, командиров взводов и их помощников, командиров отделений — опытных воинов границы, помноженное на смелость и решительность, и помогло Константину Черненко и его товарищам-сибирякам одержать свою первую победу в первом же бою.

Потом этих боев было множество. Почти каждый день учебы нам приходилось по тревоге седлать лошадей и скакать туда, где требовалась наша помощь. И от боя к бою росло пограничное и военное мастерство бойцов учебного эскадрона.

Все сибиряки были беззаветно храбры в этих боях и исключительно упорны в учебе. Эти качества были присущи и молодому пограничнику Константину Черненко. Но наряду с этим он с первого дня службы выделялся своей образованностью и высокой политической сознательностью. Ведь тогда красноармеец со средним образованием в войсках встречался куда реже, чем сегодня — с высшим. И еще Константин Черненко выделялся среди своих товарищей умением работать с людьми, подойти к ним, найти путь к сердцу каждого. Он был вожаком по своему характеру и, я бы сказал, по призванию.

В марте 1931 года, после завершения учебы и службы в учебном эскадроне, Константин Черненко был избран комсоргом заставы Хоргос, а менее чем через год возглавил партийную организацию самой отдаленной в Джаркентском пограничном отряде высокогорной заставы Нарынкол, оставаясь рядовым красноармейцем-кавалеристом и продолжая нести службу на границе в нарядах, дозорах, секретах.

Я не буду приводить много примеров становления паренька с берегов Енисея как воина границы и комсомольского, а затем партийного вожака застав. Это достаточно полно сделал автор предлагаемой вниманию читателей документальной повести «Служу трудовому народу».

Забегая несколько вперед, скажу, что в боях на дальних подступах к Москве в сентябре 1941 года я был тяжело ранен и попал на излечение в один из красноярских военных госпиталей. Чуть больше десяти лет прошло с того времени, когда К. У. Черненко служил в моем пограничном кавалерийском эскадроне. В Красноярске я с удовлетворением узнал, что мой пограничный «крестник» избран и работает здесь секретарем краевого комитета ВКП(б). Приятно было услышать такое.

Во время командования учебным эскадром я встречался с красноармейцем Черненко и его товарищами постоянно в течение каждого дня и почти каждой ночи. Если не на учебном плацу, то в бою, если не в казарме, то в красноармейском клубе или отрядной библиотеке. Это и понятно: ведь я же был непосредственным командиром и прямым начальником добровольцев-сибиряков. Более редкими, но все же систематическими были наши встречи, когда Черненко служил на заставе Хоргос и возглавлял объединенную комсомольскую организацию заставы и контрольно-пропускного пункта. Я в то время командовал соседней с Хоргосской заставой Алтынкуль. Мы встречались на стыках наших застав, а то и в боях с прорвавшимися через кордон бандами. Я радовался тому, что из моего питомца вышел отличный боец-пограничник.

С волнением я читал в повести о том, как комсорг заставы налаживал связи с местным населением поселка, как помогал вовлечению девушек-уйгурок и казашек в общественную работу, в комсомольскую жизнь. Моя боевая подруга и жена Клавдия Ивановна, в прошлом жительница пограничья, до последних дней своей жизни вспоминала комсорга заставы, который и ее вовлек в активную общественную работу в Хоргосе.

Эти связи были необходимы не только с политической, но и с чисто военной точки зрения. Граница только тогда может стать непроходимой для нарушителей, когда ее охраняет весь народ.

Комсорг заставы Хоргос и парторг заставы Нарынкол К. У. Черненко многое сделал для создания и укрепления так называемых коммунистических отрядов, состоявших из коммунистов, комсомольцев, советских активистов приграничья. В Хоргосе и Нарынколе и по сей день далеко уже не молодые люди, бывшие комотрядники, помнят красноармейца Черненко, который привлек их к этому делу. Сегодня дети, внуки и правнуки бывших комотрядников в составе добровольных народных дружин помогают воинам застав охранять священные и неприкосновенные рубежи Родины.

Через много лет после описываемых в этой повести событий мне довелось побывать в пограничном Семиречье, в тех местах, где довелось служить в двадцатых и тридцатых годах, где был

комсомольским, а потом и партийным вожаком Константин Устинович Черненко. И я видел своими глазами, что сегодняшние пограничники живут и несут службу по тем же законам мужества, по которым жили и служили герои этого документального повествования в далекие тридцатые годы.

Это было более полувека назад. Осенью 1930 года заведующий отделом пропаганды и агитации Новоселовского райкома ВЛКСМ Восточно-Сибирского (ныне Красноярского) края Константин Устинович Черненко добровольцем пошел служить в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, чтобы вместе со своими ровесниками пройти школу мужества, политической закалки и боевого мастерства.

Его направили для прохождения службы в овеванные славой пограничные войска. Так красноармеец Черненко оказался вначале в учебном эскадроне Джаркентского пограничного отряда в Семиречье, на границе Казахстана с китайской провинцией Синцзян, а после завершения курса боевой учебы — на заставе Хоргос.

Сложной и напряженной была здесь обстановка в то время. Дня не проходило без вооруженных стычек с нарушителями наших священных рубежей. И хотя гражданская война была давно закончена, а остатки разгромленных белогвардейских банд Анненкова, Дутова и прочих врагов Советской власти отброшены за кордон, классовая борьба в Семиречье продолжалась. Под эгидой буржуазных спецслужб на сопредельной территории формировались банды белогвардейцев, казахских и уйгурских буржуазных националистов, киргизских и узбекских басмачей из баев и их приспешников, разного уголовного сброда. И эти банды терроризировали население приграничных районов, нередко проникали в отдаленные от границы поселки.

Не так уж и велики были эти силы антисоветчиков разных мастей. И с ними быстро было бы покончено. Но события на границе того времени не были лишь противоборством чисто военным между защитниками наших рубежей и вооруженными бандитскими формированиями. Это было политическое противоборство двух социальных систем — социализма и империализма, принявшее здесь свои, особые формы.

У недобитых анненковцев, а также поддерживающей их верхушки богатого семиреченского казачества и буржуазных националистов Алаш-Орды были, на первый взгляд, диаметрально противоположные цели. Казалось бы, русские черносотенцы и буржуазные националисты — непримиримые враги. Но выброшенные за рубеж «непримиримые» нашли одних и тех же хозяев — агентов иностранных спецслужб. И это свело их в одну антисоветскую упряжку.

В книге, изданной в 1925 году в Лондоне, английский разведчик Эссертон, один из ближайших сподвижников небезызвестного полковника Лоуренса, бывший консул в Кашгаре, прямо писал о своих связях с антисоветскими бандами, действовавшими в пограничном Семиречье. Частенько приезжал в Синцзян из Индии в те годы полковник английской разведки Шомберг, тоже сподвижник Лоуренса.

Это было прямым вмешательством империалистических держав во внутренние дела молодой Советской страны. Не будь этого вмешательства, покончить с политическим бандитизмом на нашей государственной границе было бы значительно легче.

Определенную опору имели антисоветчики и в самом Семиречье. Кулачество и байство к началу тридцатых годов здесь еще не были ликвидированы как класс. Борьба с ними на юго-восточной окраине страны началась позднее, чем в центре России. И она тоже имела свои специфические особенности, которые учитывала наша партия, проводя коллективизацию.

«Развитие коллективизации вызвало обострение классовой борьбы в Средней Азии, — говорится в «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (т. 4, кн. 2, с. 185). — Только за январь—март 1930 года баи и кулаки организовали 190 вооруженных выступлений против колхозов и Советской власти». И далее сказано: «В горных и особенно в скотоводческих районах с кочевым и полукочевым населением еще прочно держались родовые пережитки и феодальные отношения. Деревенская беднота и батрачество были неорганизованны, культурная и политическая отсталость населения была особенно сильной, эксплуататорские элементы оказывали большое влияние на крестьянство».

В предлагаемой читателю документальной повести часто встречается слово «откочевка». Этого слова не найти в словарях, но в конце двадцатых — начале тридцатых годов оно существовало в боевых донесениях пограничников Казахстана и Киргизии. Откочевка — одна из специфических только для этих мест форм борьбы наших врагов с колхозным строительством, политический акт, на который пошло байство с благословения реакционного мусульманского духовенства. Ни одна из байских провокаций не принесла столько горя и страданий казахскому, киргизскому и уйгурскому народам, как откочевки, суть которых состояла в том, что в Китай, спасая имущество и скот от конфискации, бежали сами баи. Но это было бы еще полбеды, если бы они не толкали на этот путь тысячи, десятки тысяч бедных скотоводов-кочевников.

Для провоцирования откочетов, как писал известный казахский историк А. Турсунбаев в книге «Победа колхозного строя в Казахстане», байы и их агентура пускали в ход всевозможные методы: агитацию, провокации, угрозы, слухи и т. д. Байские посланцы разъезжали по аулам, провоцируя своих сородичей откочевывать за границу.

Определенной «питательной средой» для вооруженных банд недобитых белогвардейцев было богатое семиреченское казачество. Оно, как и богатое донское и кубанское казачество, не могло примириться с мероприятиями Советской власти и защищало свои «привилегии», дарованные семиреченскому казачеству еще царями, с оружием в руках. Кулаки внушали середнякам и даже беднякам, что их скот, земли, инвентарь и дома большевики отдадут «инородцам» — казахам, киргизам, уйгурам, дунганам. В Синцзяне даже была создана так называемая «Всероссийская крестьянская партия», взявшая на вооружение близкие кулачеству эсеровские лозунги. Агенты этой «партии» становились во главе вооруженных банд, которые они громко именовали «черной армией».

Со сложной обстановкой столкнулся на границе молодой сибиряк, комсомольский пропагандист Константин Черненко. Ведь советский пограничник — не просто вооруженный человек, поставленный охранять границу. Не только ее часовой, но и представитель Советской власти в пограничье, ее пропагандист. В единстве с народом — сила наших пограничных войск, как и всех Вооруженных Сил. Так было всегда, в том числе и в начале тридцатых годов. Без преувеличения можно сказать, что каждый пограничник Джаркентского отряда, в котором служил К. У. Черненко, был и политработником.

Вручая в 1979 году пограничному отряду орден Красного Знамени, Константин Устинович говорил:

— Годы... нелегкой, тревожной и волнующей службы навсегда запечатлелись в моей памяти, я всегда думаю о них с искренней теплотой и благодарностью. Именно здесь произошло одно из главных событий в моей жизни — я был принят в члены Коммунистической партии Советского Союза. Здесь коммунисты-пограничники избрали меня секретарем партийной организации. И с тех пор смыслом и содержанием всей моей жизни стала партийная работа.

Задача, которую поставил перед собой автор этой документальной повести, — рассказать о службе пограничников Семиречья в начале тридцатых годов, о том, как группа молодых сибиряков-красноярцев, прибывшая на этот участок границы осенью 1930 года, среди которых был и Константин Устинович Черненко, нашла свое место в строю часовых рубежей Родины, как училась боевому мастерству у своих командиров и политработников, старших, более опытных товарищей, как в вооруженных схватках с нарушителями границы показывала образцы героизма и мужества.

Но эта книга — не только о боевых действиях, а и о становлении характеров молодых сибиряков, ставших не только храбрыми защитниками рубежей Отчизны, но и хорошими друзьями местного населения, проводниками ленинской национальной политики, умелыми агитаторами за Советскую власть. За нее они агитировали личным мужеством в боях и правдивым большевистским словом, воздействуя не только на своих сторонников, но и на тех, кто находился до поры до времени во власти феодальных пережитков, заблуждался, был обманут баями и духовенством. Молодые парни в зеленых фуражках на многое открыли им глаза.

Созданию книги предшествовала большая кропотливая работа. Ее успеху способствовало то, что автор много лет работал в приграничье, неоднократно бывал на заставах отряда, в том числе и на Хоргосской, изучал историю по архивным документам, встречался с ветеранами границы, со свидетелями и участниками многих описанных в повести событий.

Первое слово благодарности за помощь — полковнику в отставке Ивану Семеновичу Головину, дружба с которым у автора началась на фронте и продолжается все послевоенные годы. Иван Семенович Головин был командиром учебного эскадрона Джаркентского пограничного отряда. Под его командованием учились пограничному мастерству молодые сибиряки — герои этой повести, в том числе и Константин Устинович Черненко.

Большую помощь в подготовке повести оказали автору ветераны погранвойск генерал-майор В. Т. Щур, полковник в отставке А. Б. Исаев, капитан в отставке К. Н. Зайчук, другие бывшие воины Восточного пограничного округа.

Итак, возвратимся в осень 1930 года.

ДАЕШЬ ГРАНИЦУ!

В тот осенний день чуть ли не весь Минусинск пришел проводить в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию своих молодых сыновей. Родители, друзья, знакомые из города и самый разный народ из ближних и дальних сел и деревень Минусинского округа. Из Курагино и Кордово, Верхнего Кужебара и Каратуза, Идры, Майны, Беи. Все толпились на пристани, все торопились что-то передать, что-то сказать парням напоследок.

В Красноярск местный военкомат отправлял сразу всех призывников. Пароходы ходили нечасто, а отправлять на железнодорожную станцию каждую команду отдельно подводами — хлопотно и долго. Путь неблизкий: почти пятьсот километров. Пароход сбежит вниз по Енисею за пару суток, а посуху добираться пришлось бы не меньше недели, да и то если бы хватило подвод и лошадей. Пешком и того дольше: недели две, а то и три пришлось бы топтать по берегу великой сибирской реки.

Народ собрался на пристани задолго до прихода парохода. Призывники рассаживались кучками: минусинские с минусинскими, идринские с идринскими, курагинские с земляками, как и все другие прочие. Почти все уезжали из родных краев в неведомые края впервые, и потому каждый старался держаться своих. Сибирские парни не струсят пойти с рогатиной на медведя, не заблудятся в таежной глухомани, а вот при таком многолюдстве да перед расставанием напала на них какая-то робость. Сидели они на бревнах, на скамьях, а то и прямо на земле притихшие, чуть испуганные. Вроде и такие же, как всегда, и не такие.

Позже других на пристани появился черноволосый парень в красноармейской шинели и буденовке. Правда, шинель его была перехвачена не широким красноармейским ремнем, а узеньким, гражданским и на буденовке не было красноармейской звезды.

— Где пятая команда? — громко крикнул он, обращаясь одновременно ко всем сидящим, стоящим и лежащим на пожухлой траве.

Ему никто не ответил. Все были заняты своими разговорами. Сыновья выслушивали последние напутствия родителей и советы дружков. А тем, кого пришли проводить девушки, вообще было не до вопросов: торопились высказать все, что лежало на душе. Парня как будто обидело такое невнимание. Он нахмурился и вдруг гаркнул:

— Пятая команда, встать!

Не разобрав, в чем дело, призывники ошарашенно вскочили.

— Вот так-то лучше! — удовлетворенно произнес парень и подошел к поднявшимся поближе. Значит, однополчанами будем? Давайте знакомиться. Я — Петр Жуковский. А вы откуда?

— Из Идринского, — первым откликнулся черноволосый паренек, стоявший ближе всех. Савотя я, Севостьян то есть... Кривошеин по фамилии. А ты откуда такой выискался? Не поймешь: то ли служишь, то ли уж отслужил и при военкомате находишься?

— Такой же призывник из пятой команды, как и ты.

— А шинель с буденовкой?

— На Дальнем Востоке по случаю на базаре купил.

Жуковский по-дружески подмигнул Кривошеину:

— Небось, впервой из тайги уезжаешь?

— Впервой, — признался новобранец. — В городе был, когда комиссию проходил, а так все в Идре.

— Боязно, небось?

— Боязно, чего уж говорить...

— Тогда, паря, держись за меня. С Петрухой Жуковским не пропадешь. Я на своем веку много поездил, много повидал. С самим Василием Константиновичем ручкался. Ей-богу!

— А кто этот Василий Константинович?

— Сам Блюхер. Командующий Особой Дальневосточной армией. Небось, слышал про конфликт на КВЖД? Так вот, он там нашей армией командовал. Герой из героев! К нему мы и поедem служить. На дальневосточную границу, на Амур или на Уссури.

— Это хорошо бы... Но ты-то откуда знаешь? Сказано: команда номер пять, пограничные войска. А куда именно — не сказано.

— Куда же еще, как не на Дальний? — Жуковский так был уверен в правильности своего предположения, что сомнение паренька из Идры его даже возмутило. — Сибиряков всегда посылали

туда, где опасней. А сейчас Дальний Восток — самый опасный участок границы. Газеты надо читать, журналы.

— Так читаю я... И в комсомольской ячейке рассказывали про Дальний Восток и про конфликт прошлогодний. Так ведь там сейчас тихо, — оправдывался Кривошеин.

— Тихо, говоришь? Тогда слушай. — И Жуковский, достав из кармана шинели аккуратно сложенную газету, стал громко читать статью о налете белогвардейской банды на Платоновско-Александровскую пограничную заставу. 11 пограничников в течение двух часов сдерживали натиск бандитов, а потом сами перешли в контратаку. Враги не выдержали и, бросив убитых и раненых, откатились обратно.

— Вот тебе и тихо, — сказал парень, пряча газету в карман. — От такой тишины оглохнуть недолго. Вот туда мы и поедem. Это как пить дать. Ну, а дружки твои откуда?

— Земляки.

— Тоже из пятой команды?

— Из нее.

— А кто еще из пятой? Давайте сюда.

Кто-то проворчал: «Тоже мне, командир нашелся...». Но скоро вокруг Жуковского собралось человек двадцать ребят: из Идры, Соломенского, Майны, Минусинска и пригородных сел.

— Давайте держаться вместе! — повторил Жуковский. — Я половину России-матушки объездил. В собачьем ящике из родного Мозыря до Владивостока добирался.

— А что это за ящик такой? Собак в нем возят, что ли? — спросил кто-то из-за спин слушателей.

— Есть такой, под пассажирским вагоном. Для чего он, я и сам не знаю. Только не для пассажиров: чуть не вдвое пришлось складываться. Зато бесплатно.

— Билет-то, небось, дорого стоит? — поинтересовался рассудительный Кривошеин.

— Нам теперь, паря, о деньгах забыть можно. — хлопнул его по плечу Петр. — На казенный кошт переходим. Все даром получим: и место на пароходе до Красноярска, и полку в вагоне поезда, в котором в Хабаровск поедem. А доберemся до места, дадут шинель, буденовку со звездой, сапоги, гимнастерку и галифе. И, главное, винтовку при штыке, подсумок с патронами. Какой красноармеец без винтовки? И будем мы всяких бандитов и шпионов на границе ловить.

— И откуда ты все это, паря, знаешь?

— Так ведь я с самим Блюхером ручкался!

— А где и по какому случаю?

— Было дело, — уклонился от прямого ответа Жуковский. — Хотел я добровольцем к Блюхеру записаться, продал на базаре свой полушубок, купил шинель и буденовку. Но не взяли.

Задумчивый разговор призывников прервали работники военкомата, появившиеся на пристани. Зазвучали команды:

— Команда номер десять — ко мне!

— Пятая команда — становись!

— Двенадцатая команда — сюда!

Парни, не знавшие строя, сгруппировались вокруг командиров. А когда началась перекичка, отвечали вразнобой:

— Белеменко!

— Тута я...

— Грибков!

— Здеся...

— Складниченко!

— Вот он...

И лишь Жуковский ответил четко, по-уставному:

— Я!

— Вот так и нужно отвечать, товарищи призывники. — разъярил командир из военкомата. — Кривошеин!

— Я!

— Молодец, Кривошеин. На прощание с родными даю пять минут. Разойдитесь!

Пока все прощались, Кривошеин и Жуковский отошли к дебаркадеру. Севостьян распрощался с родными еще в Идринском, а у Жуковского вообще не было родных.

— А тебя, Савотя, почему никто не провожает? — поинтересовался Петр.

— Отец заболел, а мать с маленькими сидит.

— Ты коренной сибиряк или приезжий?

— Родился здесь. Отца царь сюда сослал еще в пятом году. Убил он помещичьего сынка. А жил в деревне Водяная Балка на Украине. Понравилось отцу в Сибири, прижился и после революции так и остался, хотя многие ссыльные разъехались по домам.

— В сибирской ссылке в наших краях и Ленин был. Слышал?

— Как же! У нас в Идре живет один старик, который с Лениным в Шушенском встречался.

— А в пограничники ты добровольно или как?

— Просился. Уважили в военкомате.

— И я добровольно. Пограничники — самая мужская работа в Красной Армии. Смотри-ка, пароход идет! Сейчас посадка начнется. Не зевай. Надо получше места для всей команды занять.

Пароход загудел, причаливая к дебаркадеру Минусинской пристани. И едва матросы опустили сходни, как на борт кинулась толпа отъезжавших: мужики с мешками и тюками, женщины с узлами и корзинами. У всех билеты были на палубу, и каждый хотел занять местечко получше, чтобы укрыться от пронизывающего осеннего ветра и вполне возможного по осеннему времени дождя. Рванулись было к трапу и призывники, но командиры предупредили:

— Стоять на месте! Грузиться будем организованно, по команде.

Пятая команда разместилась на носу парохода, среди каких-то ящиков, бочек, бухт троса. Командир снова проверил по списку, все ли на месте. На этот раз все, как один, отвечали: «Я!».

Пароход снова загудел и, шлепая плицами, стал медленно отходить от берега. В шуме колес потонули последние напутствия провожающих, слова прощания. Пароход медленно выбрался на фарватер. И Кривошеину казалось, что не старый пароход удаляется от берега, а берег уплывает куда-то.

Быстро сгустились ранние осенние сумерки. Пропал в темноте берег, и лишь редкие огни береговых домиков звездочками вспыхивали и пропадали во мгле.

— О чем задумался, Савотя? — Жуковский сел рядом с самодельным фанерным чемоданчиком Кривошеина. — Небось, уже по дому затосковал?

— Нет, Петро. Просто так... Как там все у нас в Красной Армии получится?

— Хорошо все получится, Савотя! И не сомневайся. Там человеком станешь, мир посмотришь. Особенно, если на Дальний Восток попадешь.

— Я думал, что дальше нашей Сибири и нет ничего. Конечно, в школе по географии разные страны проходили. Но то все в книгах.

— Я ведь в Сибирь как попал? — сам себе задал вопрос Жуковский. — Когда в ОКДВА меня не взяли, я махнул Сибирь посмотреть, как здесь люди живут, как с рогатиной на медведей ходят. Мне что? Вольная птица, сегодня здесь, завтра там. Остановился в Курагино, стал охотничать. А потом уговорил дружков сколотить промысловую коммуну. Согласились хлопцы. Меня и в председатели выбрали... Только больше пришлось на двуногих зверей охотиться, чем на четвероногих. Под Тухтятами нынешней весной банда Орлова поднялась. Вот нас, комсомолстов, и послали ту банду громить...

К беседовавшим подошел Семен Грибков, присел рядом.

— Я, Петро, тоже в председателях походил, — сказал он. — Из-за этого и в Красную Армию долго не забирали, как ни просился. А в комсомоле состою уже четвертый год. Вступил, когда солеварил на промысле. Потом меня на комсомольские курсы в Минусинск направили. Закончил их — послали в родное село Соломенский стан создавать комсомольскую ячейку. Там же и коммуну сделали, а меня в ней председателем. Только слабосильная коммуна оказалась поначалу. А в январе нынешнего года приехал к нам в Соломенский стан сам Семен Михайлович Буденный...

— Ты, паря, того, не завираешь? — недоверчиво спросил Жуковский.

— А чего мне завирать? Чистую правду говорю. Так вот, Семен Михайлович и присоветовал нам из трех маломощных коммун создать одну крупную. Мы потом нарекли ее именем Буденного. Только и нам кулацкие банды мешали новую жизнь строить. У вас, говоришь, Орлов банду возглавлял? А у нас в Хакасии свои бандиты были. Мы им тоже крепко шею намылили. Сейчас, небось, на Соловках грехи перед Советской властью замаливают.

— И я в коллективизации участвовал, — присоединился к разговору чубатый парень. — В коммуну тоже одним из первых вступил. В нашей деревне Майна она еще два года назад была организована. До председателя я, правда, не дорос, а в бригадирах до призыва успел походить.

Ночь черным покрывалом окутала Енисей. Пароходные колеса мерно стучали плицами по воде. Что-то гудело и стонало в утробе старого парохода. Только звездочки в небе да огоньки бакенов светились в осенней ночи. Неторопливо велась беседа. На миг вспыхивали и гасли самокрукты в

зубах заядлых курильщиков. Где-то плакал ребенок, и мать срывавшимся голосом пела ему колыбельную песню.

Потянуло на сон и будущих пограничников. Жуковский предложил Кривошеину:

— Давай, Савотя, ляжем на твое пальто, а моей шинелкой укроемся. Теплей будет.

Так и сделали. И скоро, согрившись, уснули.

Ночью пароход причаливал к пристаням Краснотуранск и Быскар, а на рассвете подошел к Новоселову. К этому времени все палубные пассажиры были уже на ногах.

— Будем принимать на борт дрова! — сказал помощник капитана командирам, сопровождавшим призывников. — Вот если бы вы выделили в помощь матросам своих ребят, то мы бы управились быстрее.

Этот разговор услышал Жуковский и сразу же поднял пятую команду.

— Надо помочь речникам! — сказал он. — Да и самим не помешает размяться.

Пока военкоматские командиры размышляли, какую команду послать на погрузку дров, перед ними в полном сборе уже стояли будущие пограничники.

— Хорошо, — согласился командир с тремя кубиками в петлицах. — А ваша как фамилия? — обратился он к Петру.

— Петр Жуковский, товарищ командир!

— Вот вы и будете за старшего команды на погрузке. Смотрите, чтобы никто не отстал.

— Есть, товарищ командир! Пятая команда, на берег, за мной.

В это время на борт парохода поднялись несколько молодых парней. Один из них обратился к воинскому начальнику.

— Нас направили в пятую команду, товарищ командир! Все добровольцы в пограничные войска. Я за старшего. Вот пакет.

— Хорошо, давайте. Как ваша фамилия?

— Черненко, товарищ командир.

— Располагайтесь вон там, где едет вся команда, — и он указал на нос судна, где лежали вещи призывников. — Команда в полном составе отправилась грузить дрова на пароход.

— Разрешите, товарищ командир, и нам пойти на погрузку? — спросил Черненко и, получив согласие, скомандовал своим: — Пошли, ребята, поможем, а заодно и познакомимся с будущими однополчанами.

Но знакомиться оказалось некогда. Помощник капитана торопил с погрузкой: пароход и так выбился из графика, и работа шла в быстром темпе. Не до разговоров. Только когда закончилась погрузка и призывники пятой команды поднимались на палубу, Жуковский обратил внимание на паренька, который был старшим у новоселовцев.

— Так это ты, Костя? — спросил он. — Тоже в пограничники? Не узнаешь? Я Петр Жуковский. Ты у нас на курсах выступал. Помнишь?

— Что выступал, помню. А народу там было густо. Извини, не запомнил тебя.

— Так я еще про Дальний Восток рассказывал. И ты слушал.

— Так это ты в собачьем ящике через всю страну проехал? Ну как же, вспомнил! Здравствуй, дальневосточник!

— Здравствуй, Константин! Знакомься, это мои друзья, все комсомольцы и коммунары. Ты в своем Новоселове тоже, наверное, коммунной заправлял?

— Нет, такого поста мне, Петро, пока не доверили. Агитпропом в райкомле заведовал, а сейчас — доброволец РККА. Поедем на границу страну охранять.

— К Блюхеру, на Дальний Восток! — восторженно произнес Жуковский.

— Хорошо бы, но ведь место службы в Красной Армии не выбирают. Где прикажут, там и будем служить.

— Ну, если не нас, то кого можно еще на Дальний Восток направить! — удивился Жуковский. — Орлы как на подбор! Все добровольцы, тасжники, на медведя с рогатиной хаживали, белке в глаз на охоте попадают. Таким только на Дальнем Востоке у Блюхера и служить.

— А на других участках границы, значит, можно слабаков ставить? — засмеялся Черненко. — Граница, брат, везде граница. И охранять ее повсюду должны надежные люди. А они есть не только среди сибиряков. Разве уральцы хуже? Или москвичи?

— Так там же поспокойней будет, Костя! — настаивал на своем Петр. — Не слышал я, чтобы где-то в других прочих местах банды на наши заставы налетали, а вот на Дальнем Востоке...

— А о басмачах в Средней Азии слышал?

— Немного.

— И на западной границе беспокойно. И в Закавказье пограничникам достаточно боевой работы.

Пароход весело бежал вниз по Енисею. Расступались перед ним суровые скалистые берега, а потом смыкались за кормой снова, проплывали безлюдные острова. В этой сибирской суровости была своя неповторимая красота. Черненко долго смотрел на реку, а потом сказал:

— Когда-то Владимир Ильич любовался Енисеем точно так, как сегодня любимы мы... Ленин в сибирской ссылке трижды ездил по Енисею. Сначала на пароходе «Св. Николай» из Красноярска вверх по реке в Шушенское. В тот раз, не доезжая до Минусинска, ему и его спутникам пришлось пересечь на подводы. Река обмелела настолько, что пароход не мог дальше плыть...

— И откуда ты, Костя, все это знаешь? Ведь тогда тебя и на свете-то не было! — воскликнул Жуковский.

— Читал, Петро, я многое о сибирской ссылке Владимира Ильича. Да и доводилось беседовать с людьми, встречавшимися с ним. Второй раз Ленин плыл по Енисею вниз годом позже на пароходе «Красноярец», а возвращался обратно в Минусинск на товаропассажирском пароходе «Дедушка».

— Костя, ты рассказал бы нам о том, что делал Ленин в наших краях! — попросил Жуковский. — Мы слышали, что он в Шуше не только на охоту ходил, но и писал какие-то книги, встречался с большевиками.

— Ну, положим, тогда еще социал-демократы не успели разделиться на большевиков и меньшевиков. Это произошло позднее. Но и в сибирской ссылке Владимир Ильич продолжал руководить революционным движением России, многое сделал для создания в ней марксистской партии. Здесь, в наших краях, он написал более тридцати произведений, в том числе такое капитальное, как «Развитие капитализма в России».

— И ты все эти книги прочитал?

— Прочитать их, Петро, мало, надо усвоить, чтобы ими руководствоваться во всей работе. У меня же пока совсем небольшой опыт изучения ленинских работ. Мне самому нужно еще очень многому учиться. И я учусь.

— Где?

— Занимаюсь самообразованием. Надеюсь заниматься им и на военной службе. Ведь там, где придется служить, наверняка есть хорошая библиотека. И комиссары помогут.

Свидетелями этого разговора на носу парохода, спешившего вниз по Енисею, были все призывники пятой команды. И по их просьбе вчерашнему заведующему агитпропом Новоселовского райкома комсомола пришлось поподробнее рассказать о кипучей революционной деятельности В. И. Ленина в сибирской ссылке, о его встречах с крылыми революционерами, переписке с единомышленниками...

На сборном пункте в Красноярске в пятую команду влилось еще много призывников, прибывших сюда из других районов. На вокзале будущих пограничников разместили по теплушкам, стоявшим на запасном пути. В каждом вагоне был назначен старший. В вагоне, где ехали минусинцы и новоселовцы, эти обязанности были возложены на Константина Черненко. Его помощником стал Петр Жуковский. Сначала назначение обидело дальневосточника. Он привык главенствовать всюду еще с времен своего беспризорничества, а потом во время скитаний по России-матушке. Но сердцем вчерашний вожак промысловой коммуны понимал, что Черненко более подходит для роли старшего: он куда образованнее и серьезнее его и очень быстро завоевал авторитет среди сверстников.

— Вот подкатит поезд «Москва—Владивосток» — и мы поедем! — уверял всех Жуковский.

Но что будет на самом деле и куда они поедут, определенно не знал никто. Красноярские командиры на вопросы о маршруте не отвечали, да и парни не решались соваться к ним с такими вопросами. Оставалось ждать и надеяться на обещанный Жуковским дальневосточный «голубой экспресс». Петр уверял, что именно к этому поезду должны прицепить их теплушки.

— А в Хабаровске нас встретят с духовым оркестром, к мечтал он вслух. — На вокзал приедет сам Василий Константинович. Его штаб недалеко, по улице Серышева. И скажет речь.

— Обязательно сам Блюхер? — переспросил его Черненко. — Думаешь, у него нет дел поважнее, чем нас встречать?

— Ну, если Блюхер будет занят, то на вокзал приедет начальник управления Краснознаменной пограничной охраны Дальневосточного края товарищ Кондратьев.

— Впервые слышу такую фамилию, — сказал Черненко.

— То-то, Костя! Фамилию товарища Кондратьева не всем дано знать.

— Если не всем, то ты откуда знаешь?

— Так ведь я весь Дальний Восток прошел, на Сахалине бывал, с пограничниками дружил.

Часа через два к теплушкам подошел маневровый паровозик «овечка». Лязгнули буфера вагонов. И пошли теплушки гулять по станционным путям то вслед за «овечкой», то впереди нее. Призывники толпились у распахнутых дверей вагонов и смотрели на станционные постройки, составы, стоявшие на путях, сцепщиков и стрелочников, занятых своим делом.

Наконец, теплушки прицепили, но не к «голубому экспрессу» «Москва—Владивосток», даже не к пассажирскому поезду, а к обычному товарняку. И товарняк этот стоял головой не на восток, а на запад. Впрочем, это понял пока лишь один Жуковский. Понял, но промолчал.

Поезд отправился в путь поздним вечером. Двери теплушек пришлось задвинуть, чтобы не напустить холоду. Правда, в каждом вагоне топились маленькая жестяная печурка, но все равно было холодновато. Так и покинули будущие пограничники Красноярск, находясь в полном неведении, куда везет их неторопливый товарняк.

Глубокой ночью поезд остановился на какой-то большой станции. Петр Жуковский откатил немного тяжелую дверь, высунулся наружу и спросил у проходившего мимо осмотрщика вагонов:

— Какая станция, батя?

— Ачинск, сынок!

— Куда же мы едем?

— В Новосибирск, а оттуда — куда паровоз повезет. Может, через Урал в Россию, а может, в Туркестан. Теперь туда прямая дорога есть, Турксибом зовется.

— Спасибо, отец!

— На здоровье, парень!

Жуковский недоумевал. На глазах рушились его мечты о службе на дальневосточной границе. Уж очень хотелось попасть именно туда. Но можно, конечно, и на западной границе служить. Читал он о подвигах Андрея Коробицына и его боевых товарищей. Конечно, это не совсем то, чего хотелось, но все же...

— Где стоим, Петро? — спросил проснувшийся Черненко.

— В Ачинске, Костя.

— Где ж твоя дальневосточная граница?

— Наверное, начальство в последний момент передумало и решило послать нас на запад. У товарища Блюхера, наверное, народу на сегодняшний день хватает. Мы оказались нужней в другом месте. Поедем на Украину или в Белоруссию. Что ж, Белоруссия мне знакома. Послужим и там.

— То-то, дальневосточник! Как теперь перед ребятами оправдываться будешь? Ведь убедил всех, что мы к Блюхеру поедем и нас там с духовым оркестром встречать будут.

— На станции Нагорелое тоже духовой оркестр есть! — не сдавался Жуковский.

Этот разговор слышали и другие призывники. Понятие о географии почти у всех было весьма смутным. Не многие имели образование выше начального. Да и то, когда все это было! И все завидовали Черненко и Жуковскому, которые вели умные разговоры, спорили о каком-то Ачинске. Название станции ничего не говорило сельским парням о направлении, в котором шел поезд.

И Жуковский, и Черненко были хорошими рассказчиками, которых внимательно слушали все. Но Петр, действительно поездивший немало и повидавший тоже многое, рассказывал обо всем так, что было непонятно, где кончается правда, а начинается выдумка, на которую он был большой мастак. Действительность у него все время перемешивалась с фантазией, и Жуковский даже сам начинал верить в то, что сочинял. Но рассказывал он весело, с юмором, и на него не обижались.

Константина Черненко все воспринимали совсем по-другому. Если он говорил, то обстоятельно и всегда доказательно, стараясь убедить собеседника, даже если тот и не возражал ему. О таких в народе принято говорить, что они слов на ветер не бросают.

В Новосибирске Жуковского ожидал новый сюрприз.

Поезд круто свернул на юг, на Барнаул. И тогда окончательно лопнули у Петра все надежды на то, что придется послужить хоть на западной границе.

— Где ж твоя Белоруссия, Петро? — весело спросил Черненко, когда поезд из тайги вырвался на бескрайний степной простор, а солнце, вместо того чтобы светить в заднюю стенку вагона, всеми своими лучами ворвалось в вагонные двери, раскрытые настежь.

— Слышь, Костя, ночью мне какой-то железнодорожник про Турксиб говорил, ■■■■ сказал Жуковский. — Слышал я, что где-то в Средней Азии такую дорогу строили, только точно не помню где.

— Вот по ней мы и поедем, Петро, — ответил Черненко. — Доберемся до Семипалатинска, а там этот самый Турксиб и начнется. Жаль, что карты нет, а то бы я тебе показал, где прошел Турксиб.

— Так есть карта! — воскликнул Жуковский ■■■■ Как же без карты! Она всегда со мной.

И он полез на нары, где лежала его шинель, достал из кармана потрепанную карту, вырванную, видимо, из школьного учебника географии, и расстелил ее на коленях. Черненко присел рядом с ним.

— Давай разберемся. Вот железная дорога из Новосибирска на Семипалатинск, по которой мы сейчас едем. От Семипалатинска Турксиб идет на Алма-Ату, на юг, примерно вот здесь. Его длина — почти полторы тысячи километров. Проходит дорога через безводные степи с очень редкими населенными пунктами.

— Так зачем же этот Турксиб нужен, если здесь и люди не живут? — спросил Кривошеин.

— Очень нужен Турксиб для того, чтобы снабжать по нему хлебом и машинами Среднюю Азию и юг Казахстана. Сейчас, вернее до постройки Турксиба, все грузы из Сибири в Среднюю Азию возили кружным путем, через Поволжье и Южный Урал. В будущем большевики возьмутся и за освоение вот этих пустынных земель. Недалеко от Турксиба находятся Алтайские горы, где много полезных ископаемых. Руды по Турксибу будут вывозиться в Сибирь на переработку, а по Турксибу пойдут машины, строительные материалы для сооружения на месте заводов по переработке руд и выплавке металлов. Есть в глубине Алтайских гор поселок Риддер, окрестности которого богаты медными, свинцовыми и цинковыми рудами. Еще Владимир Ильич очень интересовался этим месторождением, и по его инициативе началось промышленное освоение местных полезных ископаемых. Мы там построим со временем гигантские заводы. И этому поможет Турксиб...

Редко вступавший в беседу Севостьян Кривошеин сказал, глядя на убегавшие назад бескрайние степные просторы:

— А сколько земли пустует! Мы в Сибири лес корчем, чтобы хлеб вырастить, а здесь который уже час едем, а все степь да степь. Только ничего на ней не растет. Какие-то колючки.

— Ничего, Савотя, — успокоил земляка Черненко, — доберутся большевики и до этих степей, воду им дадут, удобрения. Дай только срок. Ведь и Москва не сразу строилась.

— Какая большая наша страна! — воскликнул Жуковский. — Я считал, что всю ее объездил, а нет.

— Я тоже не бывал в этих местах. О них и в книгах мало написано. Зато о Средней Азии прочитал многое, — признался Константин.

— Про басмачей и я читал! — сказал Жуковский. — Теперь ясно, что нас в Среднюю Азию посылают, басмачей бить. Вот она, Средняя Азия, на моей карте. Фергана, Самарканд, Кушка, Мерв, Ашхабад. Мимо Ташкента обязательно поедем, хоть из вагона посмотрим. Читал я книжку про хлебный город Ташкент. Интересная!

Где-то за Семипалатинском сибиряки впервые увидели верблюда. Он стоял близ полотна железной дороги и с полным равнодушием, что-то медленно пережевывая, смотрел на проходивший мимо поезд.

— Смотри-ка ты, как быстро животное привыкло к паровозу! — воскликнул Черненко. — Ведь только весной по этой дороге впервые прошел поезд!

Непривычно зазвучали названия станций, на которых останавливался состав: Шептыхан, Жангиз-Тобе, Каракультас, Алтынколат, Акбалык, Актогай. Казахского или какого-то другого похожего языка никто из призывников не знал, поэтому все эти станционные названия были для них пустым звуком.

— Ты прав, Петро! — признался Черненко. — Едем на южную границу, в Туркестан.

— Так ведь, Костя, я с самого начала это говорил!

— А про Дальний Восток кто всем нам уши прожужжал еще на пароходе? — спросил Черненко.

— Так ведь когда это было!

— Меньше недели назад, Петро!

— Вот видишь! За это время обстановка изменилась.

— Ладно, не будем спорить. Средняя Азия так Средняя Азия. Там мы тоже нужны.

Состав с будущими пограничниками остановился на небольшой станции Илийская, на берегу широкой, бурной реки. Сибиряков поразило, что вода в ней была желтого цвета, а не прозрачно-синего, как в Енисее.

Прозвучала команда выгружаться из вагонов. Подхватив мешки и чемоданы, призывники вышли на железнодорожную платформу. Кое-как построились. Было непривычно жарко, хотя по сибирским меркам осень давно должна была уже вступить в свои права. Пальто и зимние шапки пришлось снять.

Из станционного здания вышел военный. Небольшого роста, с командирскими петлицами на гимнастерке. На его сапогах позванивали шпоры. На одном боку командира висел маузер в деревянной кобуре, на другом — сабля.

Он подошел к строю, оглядел критическим взглядом, а потом громко сказал:

— Здравствуйте, товарищи пограничники!

В ответ нестройно прозвучало: «Здрасте...»

— Вы будете проходить службу в Джаркентском пограничном отряде. Я — командир учебного эскадрона Головин. С этого часа вы в моем полном подчинении и будете беспрекословно выполнять все мои приказы и распоряжения. Ясно?

— А где же здесь граница, товарищ командир? — разочарованно спросил Жуковский.

— Граница отсюда в трехстах километрах. До отряда, который расположен в городе Джаркенте, пойдем пешим порядком. Вещи погрузите на подводы.

— Триста километров! — воскликнул Жуковский. — Так ведь мы за месяц не дойдем!

— Разговорчики в строю прекратить. Есть вопросы?

— Разрешите, товарищ Головин? — Жуковский подался из строя вперед.

— Не «товарищ Головин», а «товарищ комэск». Ясно?

— Ясно, товарищ комэск! Интересуюсь, есть ли здесь басмачи, шпионы и диверсанты? Что-то я про Джаркент ничего не слышал.

— Еще услышите, товарищ красноармеец! Есть здесь и басмачи, и шпионы, и диверсанты, и прочая нечисть, с которой вам придется драться с оружием в руках. Кто умеет ездить верхом, два шага вперед!

Из строя вышло несколько десятков человек, главным образом из крестьян и таежных охотников.

— Мало. Пограничник — это прежде всего кавалерист. Но ничего, не боги горшки обжигают. Научим и скакать, и лозу рубить, и головы бандитам. Сейчас временно, на период марша, вы будете разбиты на взводы по тридцать человек. Командирами взводов назначаются мои помощники, отделенные командиры, которые в отряде будут вашими непосредственными начальниками на все время боевой учебы. Лушник! Отсчитывай тридцать человек и приготовь свой взвод к движению!

— Есть, товарищ комэск! — Молодой, коренастый, загоревший чуть ли не до африканской черноты пограничник подошел к неровному строю и, отсчитав, сколько нужно, приказал:

— Взвод, за мной, шагом марш!

И повел отобранных в сторону от общего строя.

— Моя фамилия Лушник! — отрекомендовался он. — Марш в Джаркент, как уже сказал наш комэск, будете совершать под моим командованием. Вы, как мне известно, все сибиряки. Наверное, приходилось по тайге ходить?

— Почти все таежники, охотники! — за всех ответил Жуковский. — Так что дело привычное, товарищ отделком.

— Это хорошо. Значит, на первых километрах ноги не соболеет. Вижу, что все в сапогах.

— Так мы ж не на танцульки приехали, а охранять границу.

— Правильно, товарищ красноармеец! И не только охранять, но и воевать. У нас здесь война еще не кончилась.

— А когда мы оружие получим? — спросил неугомонный Жуковский.

— В отряде. Вы ж еще присягу не приняли. Только после этого бойцу РККА вручается личное оружие. Но сначала нужно им овладеть. Этим с вами и займется наш командир учебного эскадрона товарищ Головин. И я, как командир отделения.

— А какое оружие нам выдадут?

— Винтовку образца 1891 года, кавалерийский клинок.

— И лошадь?

— И лошадь, конечно. Без нее на границе — никуда. А сейчас пусть кто-нибудь из вас составит список взвода, а я тем временем расскажу, как надо вести себя на марше.

— Пусть Костя Черненко напишет, — откликнулся Жуковский. — Он у нас грамотей, в райкоме работал.

— Хорошо. Красноармеец Черненко, ко мне!

Константин вышел из строя и подошел к отделенному командиру:

— Слушаю, товарищ командир!

— Возьми эту тетрадку и запиши каждого по фамилии и имени, откуда родом и год рождения.

— Ясно, товарищ командир отделения.

— Исполняй! Двигаться мы будем старинным Кульджинским трактом. Он идет через Джаркент за кордон, в китайский город Кульджу. Больше половины дороги — вдоль берега реки Или. Вот этой самой. Малые привалы — через каждые пятнадцать километров. Сухой паек сейчас получите. Варить горячую пищу будем два раза в сутки на больших привалах. Через пять дней мы должны прибыть в

отряд. Ночевать придется под открытым небом. Привыкайте, в будущем пригодится. Да и время еще теплое. Правда, комарье проклятое приставать будет. Но и это не так страшно...

— Товарищ командир, список готов! — Черненко подал Лушнику заполненную тетрадку.

— Спасибо, товарищ красноармеец! Тогда давайте познакомимся, проведем переключку.

Белеменко Сергей!

— Я!

— Грибков Семен!

— Я!

— Жуковский Петр!

— Я!

— Это ты такой любопытный да говорун? У нас на границе бойцы считают, что сначала — дело, а потом — слово. Смотри, чтобы у тебя не получилось наоборот. Это я так, к слову, для твоей же пользы.

— Ясно, товарищ отделенный командир!

— Хорошо, что ясно. Поедем дальше. Кривошеин Севостьян!

— Я!

— Черненко Константин!

— Я!

— Значит, все тридцать на месте. Бойцы Кривошеин, Жуковский, Складниченко — со мной за сухим пайком. Остальные — на месте. За меня остается красноармеец Черненко! Пошли, ребята.

...Через час командир учебного эскадрона Иван Головин дал приказ трогаться. И, поднимая пыль, колонна тронулась через поселок Илийский на Кульджинский тракт, много лет связывавший Китай с Казахстаном, а через него — с Россией.

Сибиряки с интересом рассматривали домики поселка. У себя они привыкли к деревянным домам, сработанным добротнo, с размахом. Здесь же большинство построек было слеplено из глины, с маленькими подслеповатыми оконцами. Вместо деревянных заборов или штакетников — глиняные же стены — дувалы, как пояснил отделенный командир.

— А дома здесь строят из самана, — говорил он, шагая рядом с бойцами своего взвода. — Саман делается из смеси глины с навозом и соломой. Из этой смеси делают кирпичи, сушат на солнце, а потом выкладывают стены.

— И долго стоит такая мазанка? — спросил Черненко.

— Все зависит от качества самана. Есть такой, что по прочности мало уступает кирпичу. Леса в Казахстане почти нет, кирпичных заводов пока очень мало. Вот и строим саманные дома.

— А почему у многих домов вовсе нет окон?

— Окна есть, только выходят они во внутренние дворики, — объяснил Лушник. — Местные жители — казахи, уйгуры, дунгане — не любят, чтобы за их жизнью наблюдали посторонние. Это в русских деревнях все на виду, а здесь жизнь протекает за глухими стенами.

— А что это за национальность — уйгуры? — поинтересовался Черненко.

— Уйгуры (до революции их называли таранчи) — местные жители. Наш Джаркент почти сплошь населен уйгурами. Это их столица. Там даже есть педагогический техникум, готовит уйгурских учителей.

— А много уйгур-таранчи живет в нашей стране?

— Кто его знает!

— Кочевники?

— Нет, оседлые. Когда-то, говорят, их предки кочевали, но это было давным-давно. Уйгуров немало и по ту сторону границы. Старики уверяют, что когда-то было большое и сильное таранчинское государство. Кто знает, правда ли все это!

Первый малый привал сделали у причудливого сооружения из того же самана, похожего на мавзолей.

— Это и есть мавзолей, — ответил, не дожидаясь вопроса, Лушник. — Называется мазара. В таких мазарах хоронят знатных людей рода. Мазары здесь встречаются часто: старинные, полуразрушенные, и недавно построенные.

— А наш комэск давно на границе служит? — не выдержал Жуковский. Местные обычаи и народы его интересовали постольку-поскольку. Ему не терпелось побольше расспросить о будущей службе на границе.

— Головин — старый кавалерист. Еще с махновцами на Украине дрался. В корпусе Червонного казачества служил, потом учился в украинской кавалерийской школе имени товарища Буденного.

Оттуда его и направили на границу. Геройский командир! Вот недавно, этим летом, провел он одну операцию в горах Тышкан. Если бы я сам в ней не участвовал, ни за что бы не поверил, что можно такое сделать.

— А что именно, товарищ отделком? — спросил Черненко.

— На большом привале расскажу. А еще раньше, в прошлом году, наш комэск отличился в схватке с бандой Джантая. Тогда он служил помощником начальника заставы Нарынкол, в горах на границе с Китаем и Киргизией, у подножия пика Хан-Тенгри. С несколькими пограничниками Головин охранял какую-то научную экспедицию. И спас, когда на нее напала банда. Ну, об этом он сам как-нибудь вам расскажет. А сейчас пора двигаться дальше.

На первом большом привале Лушник, как и обещал, рассказал своим подчиненным о ледовом походе небольшой группы курсантов учебного взвода под командованием Ивана Головина. Все слушали командира, затаив дыхание: для них это было первое прикосновение к границе, к боевым подвигам старших товарищей. И становилось с сегодняшнего дня и их жизнью.

Минувшее лето было тревожным. Хотя последний год стал последним для многих местных банд, все-таки оставшаяся нечисть продолжала терроризировать население пограничья, мешать колхозному строительству. Поэтому все пограничники днем и ночью были начеку, готовые по сигналу тревоги броситься на помощь тем, кто первым столкнулся с превосходящими силами врага.

Командир курсантского взвода Иван Головин утром 15 июля согласно распорядку дня вывел своих людей для занятий на плацу. Занятия шли нормально. Головин уже хотел было сделать перерыв, когда на плацу появился запыхавшийся дежурный.

— Приказано взвод поднять по тревоге, а вам явиться к начальнику отряда! — четко отработовал он, обращаясь к Головину.

В кабинете начальника отряда уже собрались командиры. Начальник стоял у стены, кратко излагая ситуацию по карте. Обычно карта прикрывалась шторкой, но на сей раз черный сатин был собран у краев гармошкой.

— В тыл заставы Нагорного прорвалась банда Мергембая, — сказал начальник, обращаясь непосредственно к Головину. — Нагорный выслал наряд, но бандиты смяли его и по реке Усек ушли в горы Тышкан. Отберите десять курсантов, возьмите гранатомет, ручной пулемет и форсированным маршем двигайтесь в район действия банды. Задача: ликвидировать банду, не дать ей уйти за кордон. Возьмите в свое оперативное подчинение наряд с заставы Нагорного.

Уже через десять минут часовой распахнул ворота, и двенадцать всадников вылетели на пыльную городскую улицу, провожаемые взглядами любопытных горожан, сразу понявших: на границе опять что-то произошло.

Иван Головин отобрал для операции лучших из лучших курсантов. Он знал, с кем предстояло столкнуться бойцам. Это был опасный и коварный противник. Прорывы Мергембая в тыл всегда были внезапны, появление в том или ином месте, как правило, неожиданным. Совершив очередное кровавое злодеяние, он исчезал, словно проваливался сквозь землю. У бандита были свои люди во всех приграничных селах и аулах. Через них он своевременно узнавал о грозящей ему опасности. Кроме того, Мергембай великолепно знал местность, знал такие тропы в труднодоступных местах, о которых пограничники только догадывались. Пока гонец с заставы прискачет в отряд, пока на помощь двинется маневренная группа — бандитов и след простыл. Иногда удавалось потрепать их арьергарды, отбить награбленный скот и имущество, освободить насильно угоняемых за кордон людей. Но ядро банды всегда ускользало.

От пограничного городка до Лесновки, где могли оказаться бандиты, несколько десятков километров дороги в предгорьях. Пограничники двигались вдоль русла реки Усек на север. Манили, тянули снежные вершины Тышканских гор. Над предгорьем небо было голубым и безоблачным. Лишь над белками Тышкана неподвижно висели легкие облака. Именно неподвижно висели, а не плыли. Иногда они словно приземлялись на гребне или каком-нибудь пике. И тогда почти невозможно было различить, где гора, а где облако.

В Лесновке, небольшом селе на правом берегу Усека, Головин спросил у первого попавшегося жителя:

— Был у вас Мергембай?

— Был, проклятый, — ответил тот. — Да весь вышел. Двое суток назад ушел в горы вверх по Усеку.

— Что натворил Мергембай в Лесновке?

— Ограбил кооператив, сжег склад с зерном.

— Никого не убил?

— Не слышно. Все попрятались, а искать Мергембаю было некогда. Он в горы спешил на джайляу, куда откочевали аулы со скотом.

Головин еще раз перепроверил факты и задумался. Шансов догнать банду было маловато. И все же стоило попытаться.

— Будем двигаться к подножию Тышкана! — Раздался приказ: — По коням!

В ауле, расположенном километрах в десяти от Лесновки, банда Мергембая оставила более ощутимые следы. Весь скот начисто был угнан. Не было и многих людей.

— Забрал с собой этот шайтан Мергембай! — говорили старики. — Сначала уговаривал. Говорил, что мы, слушая большевиков, поступаем против корана, что аллах покарает нас. А потом объявил: расстреляет всех, кто останется. Вот и пошли.

У самого подножия Тышкана пограничники встретили трех красноармейцев заставы Нагорного. Старший наряда, хорошо знавший Головина, доложил:

— Мергембай ушел вверх по Усеку в Тышканские горы. Мы было сунулись за ним, но куда там! С флангов не подступишься — отвесные скалы. Стали преследовать, нарвались в ущелье на засаду. Пришлось отойти.

Соскочив со своего Горностая, любимого коня, обстрелянного не в одной схватке, Головин присел на придорожный камень и разложил карту местности. Река Усек... Вот ее извилистая голубая линия, петляющая по ущельям. Сначала она идет на север с небольшим отклонением к западу. Километрах в тридцати отсюда делится на Большой и Малый Усек. Вернее, эти две реки сливаются и текут навстречу движению группы. По Малому Усеку Мергембай вряд ли пойдет. Что ему делать в тылу?

Наверняка он будет подниматься вдоль русла Большого Усека, свернув на северо-восток. Там самые высокие горы и могучие ледники, питающие реку. И там наверняка есть перевал, по которому можно идти за кордон. Мергембай его знает. Головин — нет. Преследовать Мергембая бесполезно. Даже если удастся нагнать банду, он выставит огневые заслоны и под их прикрытием будет оттягивать основные силы к границе. И уйдет, как уходил раньше. Во всяком случае, Головину удастся потрепать его арьергарды. А что это даст? Начальство доложит в округ, что под натиском пограничников банда была вынуждена откатиться за кордон. Но это вряд ли можно считать победой. Через месяц, а то и через неделю Мергембай вновь появится в нашем тылу.

Задумавшись, Головин мысленно вычертил на карте треугольник. Русло Усека — два катета. Прямая линия до Казан-перевала — гипотенуза. Из геометрии, которую Иван Головин когда-то изучил в военной школе, он знал: в любом треугольнике гипотенуза короче суммы двух катетов. Но здесь гипотенуза — это ледники, ущелья и еще черт знает что. И все-таки только по этому направлению можно выйти к линии государственной границы раньше, чем подойдут по «катетам» основные силы Мергембая.

— По коням! — приказал Головин.

Примерно в это же время очередной связной докладывал Мергембаю:

— Кыласкеры идут по вашему следу. Их двенадцать человек. Вооружены винтовками, ручным пулеметом и еще какой-то диковинной штукой, которой наш человек еще не видел.

— Кто командует кыласкерами?

— Говорят, Головин.

— Знаю. Хитрая лиса. Но я его перехитрю.

Мергембай был уверен в благополучном исходе операции. Поскольку банда уже втянулась в горы, ее нельзя атаковать ни с флангов, прикрытых непроходимыми скалами, ни со стороны границы, к которой добраться можно только единственной дорогой, той самой, по которой шел он. А свой тыл Мергембай надежно прикроет засадами.

...Горы стали значительно ближе. Казалось, от них даже веет прохладой. Потянулись холмы, сопки, темные щели, по дну которых журчали ручьи. На склоне одного из холмов раскинул юрты небольшой аул.

— Курсант Лушник! — приказал командир эскадрона. — Опросите всех жителей. Возможно, есть прямой путь к Казан-перевалу и кто-нибудь из жителей знает этот путь.

Отделенному он приказал:

— Обойдите юрты, попросите кошмы, веревки, топоры. Утром выйдем наперехват банды.

Человек, знавший прямой путь к перевалу, нашелся. Когда-то он гонял туда отары, но сейчас сомневался, может ли повторить тот путь.

— Ой-бай, командир, страшно! — признался он. — Лед большой. Зима там, наверно, буран. Да и лошадь не пройдет.

— Баранов ты гонял?

— Баран — не лошадь. Наш барашка привычный. Да и упадет в пропасть один баран — малый убыток. А лошадь с грузом. Ей трудно. Людям тоже трудно. Веревки много надо, кошмы.

— Все будет, аксакал. Нам нужно обязательно попасть на границу.

— Мергембая ловить?

— Его, — подтвердил Головин. В этих условиях не было смысла таиться.

— Мергембай быстрый, как горный козел. Вы его будете искать на одной скале, а он через пропасть уже на другую перескочит.

— В вашем ауле он бывал?

— Бывал. Бандит он, этот Мергембай, настоящий шайтан. У меня сына убил два года назад.

— За что?

— Отказался в банду вступить.

— Проведешь нас к Казан-перевалу?

— Попробую.

— Мы тебе хорошо заплатим, аксакал.

— Не надо мне платы. Буду рад, если поймаете Мергембая и я плюну в его проклятую бороду.

— Решено. Утром, на рассвете, и выедем. Когда будем на Казан-перевале?

— За день дойдем, начальник. Если, конечно, все будет в порядке. Пусть люди и лошади хорошо отдохнут.

Отделенный нашел все, что просил Головин и на чем настаивал проводник. Во вьюки были увязаны кошмы, веревки, приторочены топоры. Жители аула охотно помогали пограничникам. Пусть на сей раз бандитская тропа Мергембая прошла в стороне от их аула, но кто поручится за то, что завтра от руки головореза не запыхают, как свечи, юрты, не забьются отчаянно и обреченно в руках его бандитов аульные красавицы?

С рассветом 17 июля небольшой отряд пограничников начал углубляться дальше в горы. Через несколько часов форсированного марша группа подошла к безымянному перевалу с почти отвесным спуском, прикрытым многолетним льдом.

— Есть ли другая дорога? — спросил Головин проводника.

— Нет, начальник! Здесь я проходил с отарой.

— Люди пройдут. Но лошади...

— Я говорил, начальник, что с лошадьми не пройти.

— Лошадей можно спустить вниз на арканах, — вслух подумал Головин. — Но обратно с ними ни за что не поднимемся. Отделенный! — он подозвал своего помощника. — А вы что думаете?

— Думаю, товарищ командир, что нам не нужно и думать о дороге назад. Только вперед! Пусть лишимся лошадей, но задачу выполним. На карачках поползем по леднику, но не упустим Мергембая за кордон.

— Правильно думаете! Помните, как чудо-богатыри Суворова переходили через Альпы? А мы чем не чудо-богатыри! Будем готовиться к спуску.

Первым спускали Горностая. Под его грудь подвели кошму, чтобы веревка не так давила, и Головин, ведя коня на длинном поводу, стал осторожно спускаться. Ноги скользили. Один неверный шаг — и неминуемая гибель на дне пропасти. Шесть курсантов держали сзади за оба конца веревки. И если конь спотыкался, веревки не давали ему перевернуться.

Все шло благополучно. Уже спустили всех строевых коней, начали спускать вьючных. На очереди была лошадь, во вьюке которой находилась значительная часть продовольствия группы. И случилось то, чего больше всего опасался Головин. Лошадь поскользнулась и стала заваливаться набок, потеряв равновесие. Курсанты изо всех сил потянули за веревку, но она неожиданно лопнула. Курсанты, державшиеся за оторванный конец, чудом удержались на ногах. Животное сначала медленно, а потом все быстрее поползло к краю пропасти и — оборвалось.

Остальных лошадей удалось спустить благополучно. Первый перевал был преодолен.

Но через несколько километров пути перед группой встало новое препятствие: бурный, неукротимый ручей. Камни грохотали по его дну. С ходу такое препятствие не возьмешь — собьет с ног, ударит и размоет о камни.

Спешившись, измученные и голодные стояли бойцы перед своим командиром. Головин внимательно оглядел каждого.

— Кто добровольно решится перебраться на тот берег и укрепить там канат? Первым пойдет только тот, кто хорошо плавает.

— Я хорошо плаваю, — отозвался чернобровый курсант. — С детства приучен.

— Добро. Иди.

Кипящий стремительный поток мигом подхватил всадника и понес вниз. С напряженным вниманием смотрели оставшиеся на берегу за тем, как человек и животное борются со стихией, подбадривали их громкими криками.

Наконец курсант оказался на противоположном берегу. Он осмотрелся, нашел подходящее место и крепко-накрепко прикрепил оба каната.

Началась переправа. Туго натянутые канаты, за которые держались всадники, помогали им удержаться на поверхности. И все-таки дело шло медленно. Головин волновался. Ведь Мергембай со своей бандой наверняка двигался быстрее даже с обозом и гуртами скота. Еще какое-нибудь непредвиденное препятствие — и закон геометрии будет нарушен. Гипотенуза окажется длиннее суммы двух катетов.

Наконец речка была форсирована.

Но впереди всех ожидало новое препятствие — подъем еще на один перевал. Он был намного положе первого. Но и лошади и люди уже выбились из сил. И когда это очередное препятствие было преодолено, вид у красноармейцев был явно не боевой. Сапоги разбились о камни и острые выступы льда. У многих отвалились подошвы, и бойцы оказались фактически босыми. Истрепалась и изорвалась одежда. Да и сказалась резкая смена температур. В той же Лесновке стоял знойный июльский полдень, а здесь было значительно ниже нуля.

Во второй половине дня группа достигла горной речки Джанды-Арык, что означало Живой источник. Совсем близко от государственной границы. Снова с помощью веревок начался спуск лошадей по крутизне склона.

И Мергембаю до границы остались считанные километры. Он считал, что головной дозор уже достиг кордона и сейчас ждет подхода основных сил, чтобы в случае нужды прикрыть их. Можно было дать отдых людям, подождать подхода прикрывающих групп. У линии границы маловероятна встреча с каким-либо советским пограничным нарядом. Разве только на всякий случай стоило выслать охранение из нескольких джигитов к Джанды-Арыку. Китайских пограничников-чириков Мергембай не боялся. Они никогда и нигде не чинили препятствий...

Пограничники только-только начали спускаться к Живому источнику, когда из-за кустарника и из-за прибрежных камней ударили винтовочные выстрелы.

— Бандиты! — крикнул Головин. — Спешиться! Лошадей коноводу, а самим в цепь. Отделенный — с пулеметом!

Разворачиваться в боевой порядок пришлось на открытом месте, под сильным ружейным огнем. К счастью, Мергембай послал сюда в засаду не самых лучших своих стрелков, иначе пришлось бы плохо.

Отделенный выбрал удобную позицию и короткими очередями стал бить по кустарнику и камням, за которыми засели бандиты. Под прикрытием пулемета, стреляя на ходу, бойцы пошли в атаку. Пулеметчику помог гранатомет. И хотя это было далеко не совершенное оружие, враги столкнулись с ним впервые. И растерялись. Бандиты бросили выгодные позиции и отступили в глубь советской территории.

Красноармейцы не стали преследовать их. Лишь немного постреляли для острстки. Головин приказал в боевом порядке двигаться к государственной границе, чтобы надежно перекрыть все возможные места перехода.

Главарь банды, выслушав сбивчивые объяснения от своего боевого охранения о неожиданном появлении пограничников, был взбешен. Как попали сюда кзыласкеры, когда они все время висели у них на хвосте? Не по воздуху же перелетели через хребты Тышкана, через недоступные ледники? Ведь нет же другого пути в горах! Что теперь делать? У красноармейцев пулемет и еще какая-то диковинная штука, швыряющая бомбы за укрытия.

Стремясь уточнить обстановку, Мергембай выслал разведку. Но куда бы ни пытались сунуться бандиты, всюду встречали выстрелы пограничников. Все пути к границе были перекрыты.

В такой переплет Мергембай попадал впервые. Но он все-таки не отчаивался. Надеялся, что под покровом надвигающейся ночи прорвется за кордон. И стал готовиться к прорыву.

Но не сидели сложа руки и красноармейцы. Головин разгадал замысел Мергембая. Он знал теперь, где группы охранения, а где основное ядро банды, и решил сосредоточить свои силы против этого ядра.

Разгорелся затяжной упорный бой. Бойцы теснили бандитов, стреляя только наверняка, когда те пытались контратаковать. Перед рассветом несколько курсантов прорвались к укрытию, где находились угнанные Мергембаем люди. Охрана бежала. Радости освобожденных не было предела.

К вечеру банда прекратила всякое сопротивление. Но еще много часов потребовалось, чтобы собрать разбежавшийся награбленный скот, выловить оставшихся в живых бандитов. К сожалению, сам Мергембай с несколькими наиболее верными людьми сумел-таки прорваться по горной тропе за кордон.

— Так закончилась эта операция. Пограничники победили только потому, что научились воевать по-настоящему. Храбрость — дело, конечно, нужное. Пограничник же должен быть не только храбр, но силен и вынослив. Иногда труднее не обращать внимания на усталость, чем на огонь бандитов. Скоро сами в этом убедитесь, — завершил рассказ Лушник.

— И часто приходится вступать в такие схватки? — спросил Черненко.

— Такие — не так уж часто. А встречаться с бандитами — чуть ли не каждый день. Ведь на заставах народу негусто. Вот и приходится командованию поднимать по тревоге учебные подразделения. О маневренной группе я уже не говорю: она для этого и существует, чтобы выезжать на границу по первому сигналу.

— Расскажите, товарищ отделенный, еще что-нибудь! — попросил Жуковский.

— Хватит, ребята! Пора спать. Завтра — трудный переход.

Ночевали недалеко от берега Или, прямо на пожухлой траве, постелив пальтишки, фуфайки, а под головы — чемоданчики и мешки с вещами. Командиры отделений, имевшие оружие, по очереди охраняли свой табор. Когда говор стих, стало слышно, как шумит бурливая Или. И под ее шум один за другим засыпали сибиряки, оказавшиеся на краю советской земли, в неведомом Семиречье.

ДЖАРКЕНТ — ГОРОД ПОГРАНИЧНЫЙ

Джаркент тридцатых годов — небольшой, чисто азиатский городок с десятью тысячами жителей. Глинобитные домики утопали в зелени садов. Константин Черненко прежде всего обратил внимание на деревья, напоминающие кипарисы.

— Что это за деревья? — поинтересовался он у Ивана Лушника, когда взвод шел через город.

— Тополя, — ответил тот.

— Что-то не похоже. Может, какой-то местный сорт?

— А я других тополей не видел. Здесь родился и никуда не выезжал. Еще называют его у нас осокорем.

— На кипарис похож.

— Кипарис, говоришь? Не слышал. У вас в Сибири растет?

— Нет, в субтропиках.

— А что это такое? Впервые слышу.

— Это на берегу Черного моря. В теплых краях. Там, где мандарины, лимоны, инжир и другие сладкие плоды на деревьях растут.

— Бывал там?

— Не приходилось. На картинках видел. Читал.

— Ты, Черненко, наверное, за свою жизнь много книг прочитал? Завидую. А сколько всего?

— Не помню. Не считал...

Городская улица неожиданно уперлась в широкую аллею, ведущую в густой не то сад, не то лес. В нем попеременно росли величественные дубы и пирамидальные тополя-осокори. Колонна новобранцев свернула туда.

— Подравняйся! — скомандовал отделенный командир. И тут же добавил облегченно: — Вот мы и дома! За этими деревьями — наши казармы.

Скоро сибиряки увидели распахнутые ворота, часового возле них. Приветственно грянул духовой оркестр.

— Нас встречают! — улыбнулся Лушник. — Наверное, митинг будет.

За воротами открылась панорама военного городка: большая площадь, много зелени, добротные одноэтажные и двухэтажные постройки. Все из красного кирпича, ни одного из самана.

Возле крыльца, где гремел оркестр, прибывших встречала группа командиров, перепоясанных ремнями, в зеленых фуражках.

Раздалась зычная команда Головина:

— Эскадрон, стой! Раз-два. Направо! Смирно! — комэск сделал несколько шагов к крыльцу, доложил:

— Товарищ начальник отряда! Группа призывников из Сибири прибыла для прохождения службы. Докладывает командир учебного эскадрона Головин.

Начальник отряда приложил ладонь к фуражке:

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

В ответ донеслось нестройное «Здрасте!».

— Поздравляю вас с прибытием в Джаркентский пограничный отряд войск ОГПУ! С сегодняшнего дня вы — бойцы части, которая более шести лет охраняет государственную границу на этом участке. Все вы зачисляетесь бойцами учебного эскадрона, которым командует уже известный вам Иван Головин. Под руководством командиров вы овладеете основами пограничной службы, изучите боевое оружие, научитесь метко стрелять из винтовок и пулеметов, бросать гранаты, скакать на кавалерийской лошади, владеть клинком. Многое вам предстоит узнать и изучить в совершенстве. А времени на учебу отпущено мало. На нашем участке границы очень неспокойно. Не проходит дня без огневого столкновения с бандами. Предупреждаю, что и вам в процессе учебы придется по боевой тревоге выезжать на боевые операции. Ваши командиры эскадрона, взводов и отделений помнят, в каких условиях мы летом готовили отделкомов. Они куда больше времени проводили в боях, чем на плацу и в учебном классе. Надеюсь, даже уверен, что вы, сибиряки, покажете себя с самой хорошей стороны и в учебе, и в боевых операциях. Ведь вы таежники, охотники, промысловики, а не маменькины сынки. Вот все, что я хотел вам сказать. А сейчас слово помощнику начальника отряда по политической части.

— Я тоже буду краток, товарищи бойцы, — обратился к новобранцам помполит. — Хочу обратить ваше внимание на политическую обстановку в Семиречье. Она определяет и обстановку военную. Здесь началась коллективизация, которая, как и другие мероприятия Советской власти, встречает ожесточенное сопротивление как байской верхушки, так и богатой части семиреченского казачества. Сложность заключается в том, что определенная часть даже бедного населения аулов поддается байской антисоветской агитации и пока настроена против нас. Нам нужно беспощадно бороться с врагами Советской власти, сознательными врагами, уничтожать их, если они не сдаются в бою. Но каждому из вас нужно будет научиться отличать этих врагов от обманутых людей, отрывать от баев и их приспешников не силой оружия, а умелой большевистской агитацией. Этому искусству вас тоже научат командиры и политруки. И еще одно: помните, что без опоры на местное население, без дружбы с ним мы с вами — ничто. Наша сила только в единстве с народом...

Последним выступил командир эскадрона. Его речь была самой короткой.

— Сейчас — развод по казармам. Помощники командиров взводов поведут вас в баню повзводно. После бани вам выдадут обмундирование. Затем по распоряжку ужин, вечерняя поверка, прогулка и отбой. Завтра приступим к боевой учебе. На вечерней поверке я ознакомлю вас с распорядком дня на завтра. Взводные и помкомвзводы, развести личный состав по казармам!

Иван Лушник, назначенный помощником командира первого взвода, повел сибиряков в казарму, видневшуюся за высокими деревьями метрах в трехстах от штаба. Там стояли двухэтажные койки, заправленные грубыми шерстяными одеялами. Пахло дегтем, гуталином и еще чем-то незнакомым. Помкомвзвода определил места для каждого отделения. А решить вопрос, кому занимать места внизу, а кому наверху, предоставили самим новобранцам.

— Смотри-ка, как в плацкартном вагоне! — воскликнул Жуковский. — Я всегда предпочитал верхнюю полку. Там никто не мешает спать.

— И я! — высказался Кривошеин. — Сверху виднее.

Черненко досталось место внизу.

— А теперь возьмите самое необходимое из личных вещей: мыло, зубные щетки и зубной порошок, бритвы, бумагу для писем! — приказал Лушник.

— А книги можно? — спросил Черненко.

— Книги, говоришь? А много их у тебя?

— Штук шесть-семь.

— Бери, только спрячь в тумбочку. А все остальное сдать каптенармусу эскадрона. В казарме не должно быть ничего лишнего. И полнейший порядок! Каждый день назначается дневальный по казарме. Его обязанности определены уставом. И вообще с сегодняшнего дня вся ваша жизнь будет регламентироваться уставами Рабоче-Крестьянской Красной Армии. С изучения этих уставов мы и начнем учебу. Устав для бойца — главное. Даже стишок такой есть:

О воин, службою живущий!
Читай устав на сон грядущий.
А утром, ото сна восстав,
Читай усиленно устав!

Сейчас пойдем в каптерку, оттуда — в баню и обмундировываться.

В баню шли строем. После того как все бойцы построились, Лушник объяснил:

— Привыкайте ходить строем, как положено в Красной Армии. Взвод в строю — это уже боевое подразделение, а без строя — обычная толпа. Теперь мы всюду будем ходить только строем. И на занятия, и в столовую, и на конюшню чистить лошадей. И везде. Разве что по личным надобностям и в умывальник можно ходить вне строя.

Перед баней отрядные парикмахеры, сноровисто действуя машинками, остригли всех наголо. Помытым выдали нижнее белье, портянки, гимнастерки, галифе, сапоги, фуражки, поясные и брючные ремни.

— Вот теперь вы похожи на бойцов РККА! — удовлетворенно отметил Иван Лушник, оглядев строй своего взвода. — Сразу и не отличишь, кто есть кто. Прямо близнецы!

Действительно, остриженные наголо и одетые в гимнастерки и галифе, одинаковые зеленые фуражки и сапоги, парни стали удивительно похожими.

— Товарищ помкомвзвода, а почему нам шинелей не выдали? — спросил Жуковский.

— И без них будет жарко! — заверил Лушник. — В казарме не замерзнете, а на плацу — тем более. До стрельбища километров пять. Туда и обратно — бегом. Еще вспотеете с непривычки. А

если всерьез, то шинели получите несколько позднее. Ждем их с окружного склада обозно-вещевого снабжения.

— А я думал, здесь вообще зимы не бывает! — воскликнул Жуковский.

— Я ж вам рассказывал, как мы с Головиным по ледникам в июле лазили, какой буран нас застал в горах. И зима здесь есть. Может, не такая холодная, как у вас в Сибири, а все-таки зима. Но хватит об этом! — Лушник достал из кармашка галифе часы. — До ужина еще полчаса. Поучимся ходить в строю. Смирна-а-а! Налево, шагом марш!

Колонна колыхнулась и двинулась. Парни старались держать равнение в шеренгах, но это не получалось, сбивались с ноги.

— Взвод, стой! Раз-два... Рановато вас ещё мимо штаба водить. Командиры увидят и смеяться будут, а мне влетит по первое число. Запомните, боец начинается не с того, что он облачится в форменное обмундирование, а со строя. Он пока у вас не получается. Но получится. На месте шагом марш!

Сибиряки со старанием затопали сапогами по прибитой сотнями таких же сапог земле. Она настолько спрессовалась, что выбить из нее пыль было невозможно.

— Прямо шагом марш! — скомандовал Лушник.

Строй снова двинулся вперед. И тут раздалось совсем неожиданное:

— Запевай!

Парни, растерявшись, совсем перепутали строй. Помощнику командира взвода пришлось остановить подчиненных.

— Что, разве в Сибири не поют? — спросил он.

— Поют, товарищ помкомвзвода! — ответил Жуковский. — И под гармошку, и так. Хором и в одиночку.

— Строй на марше без песни — не строй. Хорошая строевая песня силы прибавляет, дух поднимает. Вот ты, Жуковский, какие песни знаешь?

— Всякие-разные. Хоть про Ермака, хоть про Стеньку Разина.

— Хорошие песни, но не для строя.

— Еще знаю «Красноармеец был герой, на разведку боевой...». У пограничников на Дальнем Востоке научился.

— Вот это ближе к делу. Сейчас я скомандую, а ты будешь запевать. Остальные подхватят. Смирна-а-а! Прямо шагом марш. Лево́й, лево́й! Запевай!

Жуковский для солидности откашлялся, а потом начал:

Красноармеец был герой,
на разведку боевой...

— А теперь все хором! — скомандовал Лушник. — Смелее!

Взвод подхватил спетые Жуковским слова. А тот продолжал:

На разведку он ходил,
Все начальству доносил...

Лушник увидел, что навстречу идет Головин, и скомандовал:

— Оставить песню! Взвод, стой! Смирно!

Потом четко отрапортовал:

— Товарищ командир эскадрона! Первый взвод после бани и получения обмундирования занимается строевой подготовкой. Докладывает помкомвзвода Лушник.

— В казарме разместились?

— Разместились, товарищ командир!

— Хорошо! Сейчас на ужин, а на вечернюю поверку я приду, доведу распорядок дня на завтра.

— Разрешите вести взвод в столовую?

— Ведите!

В просторной столовой Лушник указал столы своего взвода. Когда все расселись, приказал:

— Кривошеин, Складниченко, Грибков, за мной!

Подвел бойцов к окну раздачи и доложил:

— Первый взвод учебного эскадрона. Тридцать бойцов. Расхода нет.

— Значит, помкомвзводом стал, Иван? — поинтересовался раздатчик. — Поздравляю. Загоняешь новобранцев, знаю я тебя!

— Разговорчики! Лучше скорее давай ужин, а то сибиряки проголодались. А учить буду как положено. Из них нужно пограничников сделать, а не...

Нужного слова Лушник так и не нашел. Из глубины кухни бойцы в халатах принесли большой котел с вкусно пахнувшей кашей, бидон с чаем, несколько буханок хлеба.

— Отнесите на наши столы!

Командиры отделений быстро разложили кашу по железным мискам, разрезали хлеб на порции, разлили чай по кружкам.

— Приступить к приему пищи! — скомандовал Лушник и пододвинул к себе миску с кашей.

— Каша знатная! — похвалил Жуковский. — И порция как раз по мне. При такой пище служить можно!

Он первым покончил с кашей и чаем и поднялся было из-за стола, но услышал от Лушника:

— Сиди, команды встать не было. Вместе сели за стол, вместе и выйдем. Тем более, что в казарму возвращаться строем.

Новобранцы проголодались изрядно. Поэтому Жуковскому долго ждать товарищей не пришлось. Все быстро справились с гречневой кашей с мясом, а Кривошеин даже аккуратно вытер миску корочкой хлеба.

— Молодец, Савотя! — похвалил Жуковский. Если бы так все чисто выскребали посуду, то миски и мыть не надо было бы.

— Чего ж добру пропадать! — отозвался Кривошеин. — Не мы с тобой эту гречку вырастили и обмолотили, не мы и кашу варили. Надо чужой труд уважать. Да и вкусна каша!

— Все поели? — Лушник строго оглядел столы. — Первый взвод, выходи строиться!

Когда подошли к казарме, помкомвзвода объявил:

— До вечерней поверки — личное время! Советую заглянуть в ленинскую комнату.

— Там и библиотека? — спросил Черненко.

— Нет, библиотека в клубе, но и в ленкомнате есть какие-то книжки.

— А радиоприемник там есть?

— Нет, приемник тоже в клубе, а радиоточка с рупором есть. Только плохо слышно.

После команды «разойдись» одни пошли в ленинскую комнату, другие уселись на скамейки под деревьями, третьи зашли в спальную комнату. Жуковский собрался даже забраться на свою «верхнюю полку», чтобы, как он выразился, на часик придавить подушку. Но Лушник остановил:

— Это тебе не постоянный двор, а казарма. Ложиться можно только после отбоя.

— А если, к примеру, я занедужу?

— С разрешения командира отправишься в санчасть. Если доктор признает больным, там и положат.

— Да, строгие порядки, — посетовал боец.

— Так ведь ты не к теще на блины приехал, а в Красную Армию служить! С вольницей кончать придется!

— Вижу, — согласился новобранец.

На вечерней поверке командир эскадрона объявил:

— Завтра после подъема, умывания, физзарядки и завтрака общее построение на плацу. Первый взвод идет на конюшню принимать лошадей. Второй взвод — строевая подготовка. Третий — знакомство с боевым оружием. Занятия проводят командиры взводов и их помощники. После обеда первый взвод — строевая, второй — конюшня, третий — физподготовка. После занятий до ужина изучение уставов повзводно. Есть вопросы?

Вопросов не было.

— Помкомвзвода, развести бойцов на вечернюю прогулку!

Отведя взвод подальше от казармы, Лушник приказал:

— Запевай!

И Жуковский снова начал:

Красноармеец был герой...

На этот раз песня звучала куда дружнее, чем перед ужином.

После прогулки взвод возвратился в казарму. Можно было готовиться ко сну. Иван Лушник разъяснил новобранцам:

— Приучайтесь сразу обмундирование аккуратно складывать на табуретки так, чтобы можно было по тревоге одеться очень быстро, ничего из вещей не искать. Я сейчас вам покажу, как это делается. Вот, смотрите!

И он быстро разделся до белья, сложил гимнастерку и брюки, поставил сапоги.

— Вот так сделать всем! — сказал он. — А я на первый раз прослежу.

Сибиряки стали раздеваться и укладывать обмундирование так, как показал помощник командира взвода. Получалось это у них не так сноровисто, как у Лушника. Многих он заставлял переделывать по несколько раз.

Электричества в казарме не было. В углу на тумбочке горела керосиновая лампа. Лушник подошел к ней, прикрутил фитиль так, чтобы огонек едва мерцал. И отдал последнюю команду:

— А теперь — спать! — И сам улегся на койку, стоявшую у тумбочки с лампой.

Почти все сибиряки, уставшие за последний день перехода и в самом отряде, где им не дали даже присесть, уснули, едва их головы коснулись подушек. Только Константину Черненко и Петру Жуковскому не спалось. Слишком много было впечатлений и хотелось как-то разобраться в них.

Прибытие в Джаркент у Черненко почти совпало с девятнадцатилетием. Родился он в глухой сибирской деревне Большая Тесь Новоселовского района. Родители и все родственники были крестьянами-бедняками, потомственными хлеборобами. Работали много, но из нужды так и не выбились. Сам Константин тоже рано узнал, что такое хлеборобский труд. Впрочем, в деревнях того времени не было подростков и даже детей, которые бы сызмальства не помогали взрослым. Таков был закон жизни.

Был еще один неписанный закон: дети крестьян, как правило, учились по два-три года в сельской школе, а потом бросали. Вовсе не потому, что не тянулись к знаниям. Просто считалось, что крестьянским детям образование ни к чему. Глава семьи Черненко одним из первых в деревне нарушил эту традицию, отправив сына учиться в районный центр. Там Костя и приобщился к комсомолу, получив в четырнадцать лет комсомольский билет.

Константин Черненко любил свой родной край сыновней любовью и считал, что лучше Сибири нигде нет места в мире, как нет реки могучей и краше Енисея. После окончания школы крестьянской молодежи Константина выдвинули на работу в Новоселовский райком комсомола. В восемнадцать лет он уже руководил отделом пропаганды и агитации. Ездил по селам и деревням района, агитировал молодежь вступать в колхозы, громил кулаков и подкулачников, создавал новые комсомольские ячейки и считался одним из самых авторитетных в окрестных селах и деревнях комсомольским вожаком.

Но сам Константин понимал, что знаний и жизненного опыта у него маловато, кругозор ограничен. Да и где он бывал? Кроме нескольких выездов в Красноярск — нигде. Тянуло в большой мир, туда, где шла напряженная борьба за выполнение первого пятилетнего плана.

Самой верной и самой надежной дорогой в большой мир в те годы для молодых крестьянских парней была служба в армии. Красная Армия была любимым детищем всего народа, особенно комсомолии, и парни из городов и деревень рвались в РККА, стремясь обязательно попасть либо в авиацию, либо в пограничники. Случалось, что и в Новоселовский райком комсомола, а то и в райком партии приходили с жалобами на военкомат, по какой-то причине не принявший их в срок в Красную Армию. Росло число добровольцев. И Константин Черненко не раз сам ходил в райвоенкомат, уговаривал комиссара удовлетворить просьбы комсомольцев.

Особенно интерес к границе вырос после событий на Китайско-Восточной железной дороге. Новоселовская молодежь вместе со всеми радовалась тому, что красноармейские части под командованием Василия Константиновича Блюхера наголову разгромили белокитайцев. Молодые сибиряки в ответ на провокации на границе требовали в своих военкоматах, чтобы их немедленно отправляли служить в пограничные войска. И непременно на Дальний Восток.

Девятнадцать лет — это девятнадцать лет. И заведующий агитпропом райкома комсомола Черненко был таким же романтиком, как и его сверстники. Не выдержав в конце концов, он пошел к секретарю райкома комсомола:

— Отпусти меня, друг!

— Куда? Учиться? Вот погоди, закончим коллективизацию, похлопочу, чтобы тебя направили на курсы в край, а то и в Москву.

— Я в армию хочу. Каждый советский парень обязан отслужить в Красной Армии. Мы сами это говорим на собраниях.

— Ты очень нужен в райкоме, понимаешь...

— Все понимаю, прекрасно понимаю. И знаю отлично: незаменимых людей нет. Одним словом, сегодня же иду к военкому. Буду проситься в пограничную охрану.

— Подожди до конференции. Отчитаемся, потом решим, кого в армию, кого на учебу. Партизанщиной не занимайся!

— Это не партизанщина, а законное желание комсомольца научиться защищать свою Родину.

— Ну и упрям ты, черт! Ладно, сегодня же на бюро решим.

Так Черненко оказался сначала на борту парохода, доставившего в Красноярск призывников, а затем вместе с ними в вагоне поезда, который привез новобранцев из Сибири на станцию Илийская Туркестано-Сибирской железной дороги, в колонне, шедшей в Джаркент старинным Кульджинским трактом, а вот теперь — в казарме учебного эскадрона Джаркентского пограничного отряда.

Всего несколько часов пробыли сибиряки в военном городке, но и за эти часы успели понять: служба будет нелегкой. Только комсомольцам ли бояться трудностей и опасностей!

Константин Черненко прочел в газетах немало статей о том, как герои-пограничники на Дальнем Востоке и в Средней Азии храбро сражаются с провокаторами и басмачами. Нередко печатались сообщения и с западных рубежей страны, где пограничники ловили шпионов и диверсантов, вступая с ними в бой. Сейчас из рассказов Ивана Лушника стало ясно, что и здесь обстановка не менее сложна, чем на других участках границы. И надо быть готовым ко всему...

Среди ночи в казарме послышался шум. Кто-то топал сапогами по коридору, громко крича:

— Мангруппа — на выход! Боевая тревога!

Иван Лушник вскочил с койки, быстро оделся и выскочил из спальни. Проснулись и сибиряки и никак не могли сообразить спросонья, что от них требуется. Жуковский начал одеваться, никак не попадая второпях ногой в штанину галифе. Но тут возвратился Лушник и буднично сказал:

— Ты, Жуковский, куда собрался? Тревога нашего эскадрона не касается. Приказано поднять только маневренную группу.

— А что случилось, товарищ помкомвзвода? — спросил Черненко.

— Ничего особенного. На участке заставы Хоргос прорвалась какая-то банда. Сейчас на помощь заставе выедет мангруппа.

— Бой будет?

— Наверное. А может, уйдет банда за кордон. Обычная история. На то она и граница.

— Пойду посмотрю. Заодно и по личным надобностям, — сказал Жуковский, натягивая на ноги сапоги без портянок.

— Ну, коли по личным, то иди, — разрешил Лушник.

Жуковский вышел из казармы. Мимо него пробежали пограничники с винтовками и карабинами в руках. Из конюшни доносилось ржание и храп лошадей, крики:

— Выводи, седлай!

Через несколько минут большая группа всадников промчалась к выходу из военного городка. И снова стало тихо. Петр постоял еще несколько минут и вернулся в казарму. Черненко тихонько спросил его:

— Что там, Петро?

— Уехали. Какая-то мангруппа. А что это такое — не знаю.

— Ничего, скоро узнаем, — утешил друга Черненко. — Скоро все узнаем. И сами будем подниматься по тревоге и скакать навстречу бандам. Для этого мы сюда и прибыли.

— Это точно...

Скоро сон снова сморил всех. Только Лушник беспокойно ворочался с боку на бок. За год службы в отряде он впервые не выехал по тревоге на границу. Обычно курсантский взвод поднимали одновременно с маневренной группой. В военном городке эти подразделения считались самыми боеспособными. Впрочем, маневренная группа для того и существовала, чтобы выезжать туда, где складывалась трудная обстановка и где одной заставе не под силу было справиться с прорвавшейся в тыл бандой.

Ведь сами заставы Хоргос, Баскунчи, Кайерган, Кольджат, Нарынкол и другие были малочисленны, а охраняли границу от пика Хан-Тенгри до Джунгарских ворот — около трехсот километров высоких гор и ущелий, глухой тайги и перевалов, которые открывались на два-три месяца в году. Были на пограничном участке и коварные ледники, и альпийские луга, степи и даже пустыни с зубчатыми песками. Стоило отъехать от равнинного Джаркента несколько десятков километров на север, как начинались горы Тышкан. Поедешь направо — увидишь один из высочайших пиков мира — Хан-Тенгри. А с левого фланга уже видны Алтайские горы.

Людей каких только национальностей не было в приграничье! На правом фланге отряда — киргизы, севернее — казахи, уйгуры, дунгане, русские. Были украинцы, немцы, татары. И у каждого народа — свои обычаи, своя религия.

Не было такой заставы в отряде, где не побывал бы Иван Лушник. В каких только схватках не участвовал, в какие переделки не попадал! Сколько боевых друзей похоронил, а самого бандитская пуля пока не брала. Всегда в боях. А вот сейчас ребята из мангруппы ускакали по тревоге, а он, ветеран отряда, остался. И все из-за этих новобранцев. Рано их пока бросать в бой, погибнут запросто

ни за грош. Необученные, необстрелянные. Вон как спят сладко! И именно он, Иван Лушник, должен научить этих зеленых новобранцев всему, чему сам научился у Ивана Семеновича Головина и других командиров-пограничников. Так, вспоминая о делах минувших и будущих, он и уснул...

— Подъем!

Петр Жуковский с трудом раскрыл слипшиеся веки. Ему казалось, что он еще спит и во сне видит двухъярусные койки в полутьме керосиновой лампы, пляшущие на стене тени поднимавшихся товарищей, слышит голос давно одевшегося помкомвзвода:

— Быстрее, ребята, не у тещи в гостях! Гимнастерки оденете после умывания и зарядки. Полотенца в руки — и марш-марш к умывальнику. Он за казармой.

Сибиряки сопели, кряхтели, натягивая галифе, наматывая портянки на ноги. Почему-то они никак не лезли в сапоги. А Лушник торопил:

— Быстрее, быстрее!

Одевшиеся хватили полотенца и выбегали из казармы. Было зябко. Осенние ночи здесь тоже холодноваты, особенно когда северный ветер дует с Тышканских гор, с тех самых ледников, через которые в знойный июль Иван Головин вел курсантов наперерез банде Мергембая.

Умывались весело, с шутками, брызгая друг на друга холодной водой. Она освежала, придавала бодрости.

— Первый взвод, выходи строиться на зарядку!

После зарядки — бегом в казарму. Считанные секунды на окончательное приведение себя в порядок и на построение перед маршем в столовую. В столовой Черненко поинтересовался у Лушника:

— Не вернулась мангруппа?

— Нет, ведет тяжелый бой в районе Баскунчей.

— Далеко это?

— Севернее заставы Хоргос. Там банды часто пытаются прорваться в наш тыл. У Нагорного участок сложный, а людей мало.

— А кто такой Нагорный?

— Начальник тамошней заставы.

Через полчаса весь учебный эскадрон стоял в строю на плацу. Командир эскадрона Иван Головин говорил:

— Действуем по распорядку дня. Первый взвод знакомится с конюшней и с лошадьми. Каждый боец получит кавалерийского коня, познакомится с ним, научится седловке, посадке. Но вначале — выводке и чистке. С чистки лошадей кавалерист начинает свой день, ею и кончает. Лошадь должна стать вашим лучшим другом с первого дня службы. Кавалерийской подготовкой займусь сегодня я сам вместе с Лушником.

Командир эскадрона поставил задачи остальным взводам и добавил:

— Сегодня эскадрон свободен от нарядов. С завтрашнего дня взводные будут выделять бойцов в наряды на кухню, на конюшню, на другие хозяйственные работы. Знайте, что в Красной Армии нянек нет. Все бойцы делают собственными руками. Развести взвода!

Конюшня оказалась огромным, длинным помещением, где в стойлах стояло больше сотни лошадей самой различной масти: буланых и каурых, чисто белых и аспидно-черных, в яблоках и огненно-рыжих. Над каждым стойлом — табличка с кличкой лошади. Черненко обратил внимание, что клички десяти или даже пятнадцати лошадей начинались с одной буквы: Буран, Буланный, Богач, Беркут, Блондинка, Букет и так далее.

Лушник пояснил:

— Такой у нас порядок: лошадям одного года рождения даются клички, начинающиеся с одной и той же буквы. Трехлетки — на «б». На них наш взвод и будет проходить кавалерийскую подготовку. Правда, трехлеток на всех не хватит. Кому-то достанутся четырехлетние: Арс, Аргунь, Анкета и даже Америка...

Лошадей распределял сам командир эскадрона. Бойцы подходили к стойлам и с интересом рассматривали лошадей, с которыми придется служить все три месяца начальной пограничной подготовки.

Для сибиряков встреча с лошадьми не была чрезвычайным событием. Почти все они были деревенскими жителями. Лошадей знали и любили с детства как первых помощников в крестьянском труде. Но то были низкорослые рабочие лошади, привыкшие не к седлу, а к хомуту, упряжи, тяжелой работе в поле или на корчевке леса. Жуковскому, Черненко, Кривошеину, Грибкову и другим

сибирякам нечасто приходилось ездить верхом, да и то охлупкой, без седла. Лошади в отрядной конюшне были покрупнее сибирских, стройнее, выхощеннее. Одним словом, кавалерийские, военные.

После распределения лошадей Головин приказал:

— Получить скребницы и все прочее для чистки и вывести лошадей.

И первым вывел из стойла своего Горностая, стройного жеребца, того самого, на котором ездил в горы Тышкан на перехват банды Мергембая и приезжал на железнодорожную станцию принимать пополнение. Горностой послушно двинулся за своим хозяином к коновязи. Видно было, что конь рад встрече. Он терся мордой о плечо комэска и даже слегка куснул его от избытка чувств.

— Не балуй, Горностой! — сказал Головин и похлопал лошадь по холке.

Первая выводка не у всех прошла гладко. Трехлеток Петра Жуковского не пожелал слушаться нового хозяина. Пришлось силой вытягивать его из конюшни. Жеребец храпел, упирался копытами. Но стоило подойти Лушнику, взять из рук Жуковского уздечку, как лошадь смирилась и спокойно вышла из стойла.

Конь Константина Черненко оказался спокойным, послушным.

— Приступить к чистке лошадей! — приказал Головин. — А делается это так. — и он взял в правую руку скребницу.

— А чего их чистить? — спросил Жуковский. — Ведь они и так чистые, хоть на парад по Красной площади в Москве на них сейчас выезжай...

— Отставить разговорчики, красноармеец Жуковский! — прервал бойца помощник командира взвода. — Коня нужно чистить каждый день. Такой порядок. Ведь с сегодняшнего дня ты не просто боец-пограничник, а кавалерист. Увижу грязного коня — нарядами не обижу, а увидит комэск — на губе отсидишь не одни сутки. Наш комэск строг. Особенно по части лошадей. Да и ты скоро своим умом дойдешь до понятия. Знаешь, как в армии? Не умеешь — научим, не хочешь — заставим. Тебе же на пользу. Бери скребницу и делай, как я!

Когда с чисткой было покончено и Головин был удовлетворен этой работой, он приказал:

— Марш на конюшню за седлами. Приступить к седловке!

Бойцы с тяжелыми кавалерийскими седлами встали рядом с лошадьми.

— А делается это так...

Не всем с ходу удалось такое, казалось бы, нехитрое дело. У одного седло сразу же сползло под брюхо лошади. Все рассмеялись.

— Чего смеешься, Кривошеин? — рассердился Лушник. — Посмотри на своего коня: так перетянул подпруги, что у него глаза вот-вот выскочат.

Севостьян покраснел от стыда и стал исправлять ошибку.

— Ну, а теперь по коням! — скомандовал комэск.

И сам ловко, не касаясь руками Горностая, вскочил в седло.

Первое занятие по кавалерийской подготовке продолжалось до самого обеда.

Время пролетело незаметно. Нельзя сказать, чтобы за несколько часов люди и животные сдружились, но в стойла бойцы вели лошадей уже куда свободнее, чем выводили...

К концу занятий к конюшне подъехали усталые, запыленные бойцы маневренной группы. Головин спросил командира:

— Есть потери?

— Один убит, трое ранено, в санчасть увезли.

— Мергембай?

— Он самый, гад ползучий. Снова ушел за кордон...

— С откочевкой шел?

— Нет, не пропустил его Нагорный в тыл, задержал до нашего появления. Мы и ударили с тыла, отрезали банду от границы, здорово потрепали. Жаль, что Мергембай ушел. Но дай срок...

— Я сам себе клятву дал, — сказал Головин, — не успокоюсь, пока лично не захвачу Мергембая или не пристрелю его в бою, как паршивую собаку. Вот научу молодых ребят владеть оружием и тактике боя с бандами, и тогда держись, Мергембай! Давно у меня зуб на него.

— А у него на тебя. Он тоже поклялся, как говорят пленные, тебя захватить и на твоей спине штыком звезду вырезать, глаза выколоть, а только потом отрубить голову.

— Бодливой корове бог рогов не дает! — усмехнулся командир учебного эскадрона. — А вот мы с сибиряками разделаемся с ним, как бог с черепахой. Смотри, какие орлы! Почти все — комсомольцы. В пограничную охрану пошли добровольцами. Видел бы ты, как они на лошадях гарцуют!словно с пеленок в седлах.

Услышав эти слова командира эскадрона, молодые сибиряки довольно заулыбались. Они понимали, что Головин, мягко говоря, преувеличил их успехи в кавалерийской подготовке. Но значит, комэск им верит. И сразу захотелось скорее овладеть всем, чему их начали учить Головин, Лушник и другие командиры, опытные пограничники. Строг комэск, это точно. И требователен. Лушник тоже, сразу видно, не из добреньких. Но ведь оба требуют самого необходимого — дисциплины и порядка. И не смеются над первыми неудачами, а терпеливо показывают, как надо делать правильно и быстро.

— Лушник, води взвод умываться и в столовую на обед! — распорядился Головин. — Я пойду перекушу сам, а после обеда поведу на конюшню второй взвод, а ты со своим займись строевой.

— Есть, товарищ комэск, заняться строевой!

В тот первый день не состоялись только запланированные занятия по изучению уставов РККА. В политчасть отряда прибыл секретарь Джаркентского райкома партии. И когда он оперативно решил все дела и собрался уезжать, комиссар обратился с просьбой:

— Вчера мы получили пополнение молодых джигитов из Сибири. Не мог бы ты им рассказать о Джаркенте, своем районе и вообще о Семиречье? Ведь этого никто не расскажет лучше тебя. А новобранцы должны знать край, в котором им предстоит нести службу.

— Джигиты из Сибири, говоришь? Что ж, рад буду с ними познакомиться. Правда, в райкоме назначено заседание с кооператорами. Так ведь его могут провести и другие работники.

Весь учебный эскадрон и пограничники других подразделений отряда собрались в клубе. Комиссар сразу же предоставил слово секретарю райкома. Тот не стал подниматься на трибуну, а подошел к краю сцены, чтобы быть ближе к слушателям.

— Мне сказали, что к нам в Джаркент приехали служить юные джигиты из суровой Сибири. Все мы: казахи, уйгуры, дунгане — рады видеть молодых сибиряков на нашей земле. Селям алейкум, говорю я вам, джигиты, от имени всех жителей Джаркента! Знаю, что не поняли вы этих слов. Но пройдет время, и селям алейкум будет вам так же понятен, как «здравствуй» или «добро пожаловать».

В зале раздались аплодисменты. А оратор продолжал:

— Знаю, вы приехали в Семиречье, в Джаркент, защищать нас от бандитов, охранять границу. Банд здесь много. О них вам лучше меня расскажут командиры и политработники. Но вы будете не только воевать, а и помогать нам, коммунистам и комсомольцам района, всем дехканам строить новую жизнь. Я хочу, чтобы с первого дня в Джаркенте вы знали: это не только пограничный город, а и город ваших друзей, которые видят в вас, русских, своих братьев, помощников и, если хотите, учителей.

И снова в зале захлопали.

— Не надо хлопать, друзья! У нас не торжественное собрание, и я не парадную речь произношу, а беседую с вами как аксакал с молодыми джигитами. Я не знаю, понравился ли вам наш Джаркент. Конечно, у нас нет многоэтажных домов и широких улиц, больших заводов и фабрик. Меньше ста рабочих занято на шерстомойке и пивоваренном заводе. А больше и нет у нас никаких промышленных предприятий, кроме маленьких сапожных и портняжных мастерских. Мы гордимся уйгурским педагогическим техникумом и несколькими школами первой и второй ступени, пусть небольшими. Все это нам дала Советская власть, и наши завоевания мы не отдадим никому! Верно?

— Не отдадим! — закричал Жуковский, а остальные снова зааплодировали.

— Правильно, джигиты: не отдадим! Но нам уже мало того, что мы имеем. Земли у нас хорошие, плодородные. Как говорится: посади вечером оглоблю — к утру телега вырастет.

Зал ответил веселым смехом на эту шутку.

— Но этой земле нужна вода. Многие каналы и арыки запущены. Их надо приводить в порядок, строить новые. Мы делаем это в меру сил и сделали бы больше, если бы не мешали бандитские налеты. Видите, как тесно переплетается военное положение на границе с хозяйственными делами в приграничных районах? И вы, охраняя границу, становитесь активными участниками хозяйственного строительства.

И еще об одном мне хочется напомнить, вернее поведать вам, джигиты из Сибири. В нашем отдаленном от центра крае классовая борьба в самом разгаре. И ведется она не только с оружием в руках, не только винтовкой, острой саблей и метко брошенной гранатой. Кроме вооруженного врага, у нас есть другой, не менее сильный и опасный враг: темнота и невежество населения. Ведь грамотных в наших аулах и кишлаках раз-два и обчелся. А разбирающихся в политике и того меньше. И мы надеемся, что вы будете нашими помощниками в деле агитации и пропаганды общих задач и целей. Народ у нас в подавляющем большинстве хороший, верящий в светлое будущее. Есть,

конечно, и заблуждающиеся, обманутые богачами дехкане. Идите им навстречу, просвещайте — и они станут вашими верными друзьями и помощниками в охране границы.

Сегодня меня просили, — секретарь райкома взглянул на сидевшего за столом комиссара отряда, — рассказать о городе, районе, обо всем Семиречье, которое мы называем Джетысу. Джетысу в переводе на русский означает семь вод, или семь рек. Эти семь рек текут с юга на север и впадают в озеро Балхаш. Каратал, Биен, Аксу, Сарканд, Баскан и Лепса — реки горные. Стекают они с северных склонов Джунгарского Алатау и дают жизнь нашим пустынным местам. Ведь здесь жизнь там, где вода. На сегодняшний день по всему Семиречью засевают около 350 тысяч гектаров земли: немногим больше одного процента территории области. Промышленность у нас представлена лишь двадцатью пятью предприятиями с менее чем тысячей рабочих. Мелкие артели и кустари-одиночки не в счет.

Это сегодня. Ну, а завтра... Я вижу Джетысу цветущим краем, оазисом, по площади равным всему Северному Кавказу. Мы проложим новые каналы, построим на бурных горных реках плотины, гидростанции. Придет такое время, когда последний кетмень и последнюю соху мы сдадим в музей. На полях будут работать тракторы и другие машины, а на быстрых, как ветер, скакунах наши джигиты будут соревноваться в скорости, ловкости и силе. Ведь все народные игры у казахов, уйгуров и дунган связаны с конем. Для нашей Красной Армии мы будем выращивать самых быстрых скакунов. И тогда Джетысу будет не просто краем семи рек, а краем изобилия, счастья и красоты. Цветущим уголком цветущей страны, о которой мечтал Владимир Ильич Ленин в первые дни Октября. И раньше — в далекой сибирской ссылке, где-то в ваших краях, на берегу Енисея.

Не выдержал Жуковский, крикнул с места:

— А мы здесь все с берегов Енисея!

И сам Петр удивился, что никто на него не зашикал, а наоборот, стали аплодировать, словно он сказал что-то особенное. Вместе со всеми аплодировал его словам и секретарь Джаркентского райкома партии. И даже сам комиссар пограничного отряда.

Когда шум стих, секретарь сказал:

— Я вдвойне рад принять в семью джаркентцев джигитов с берегов Енисея, реки, на берегу которой Ильич мечтал о будущем социалистической России. И буду рассказывать об этом людям нашего края. Сибиряки с Енисея считают себя земляками Ильича. Так будьте, джигиты, достойны этого звания!

Горячими аплодисментами проводили сибиряки секретаря райкома. А когда вышли из клуба, Черненко сказал друзьям:

— Очень правильно говорил товарищ из райкома. Пограничник — не просто человек с ружьем, охраняющий склад, мост или какой-нибудь другой объект. Он охраняет Родину. А это прежде всего люди. Те самые, которые верят пограничнику как своему защитнику, надеются на него и готовы помочь. И совершенно верно, что мы не можем ограничиваться рамками чисто пограничной службы.

— Джигиты, становись! — подал команду Иван Лушник. — Прямо шагом марш!

Когда вечером после ужина сибиряки делились друг с другом впечатлениями о первом дне службы на границе, никто, даже Петр Жуковский, не жалел, что попал служить не на Дальний Восток, а в Джаркент, о котором никто никогда раньше и слыхом не слыхивал.

ДЖИГИТЫ С БЕРЕГОВ ЕНИСЕЯ

„В октябре 1930 года пограничный дозор заставы Хоргос встретил вооруженную банду, угонявшую в Китай более ста семей казахов с их скотом и имуществом. На помощь заставе выехал учебный эскадрон отряда. К участию в операции были привлечены комотрядники из местных жителей. Совместными усилиями откочевка была остановлена недалеко от линии границы, а банда, сопровождавшая ее, была наголову разбита».

(Из исторического формуляра Краснознаменного пограничного отряда Восточного округа КГБ СССР).

Командир учебного эскадрона Иван Семенович Головин женился на местной жительнице Клавье буквально за несколько дней до прибытия в Джаркент пополнения с берегов Енисея. Иван Лушник рассказал как-то подчиненным о свадьбе своего командира, состоявшейся после возвращения из ледового похода в Тышканские горы. Собрались гости и, как водится, стали кричать «горько». Молодые впервые принародно поцеловались. И вдруг — боевая тревога! Жених за шашку и маузер — и на коня. А с ним и все гости со стороны жениха. Пришлось свадьбу завершать перед самым отъездом в Или за пополнением.

— Вот такая история приключилась, — закончил Иван. — А жена у нашего комэска красивая, добрая. Только редко своего коханого дома видит.

Действительно, командир учебного эскадрона Иван Семенович Головин находился в расположении отряда от подъема до отбоя. По вечерам, в так называемое личное время для его подчиненных, он часто приходил в казарму. И в те часы сибиряки видели не строгого и требовательного командира, а доброго и отзывчивого старшего товарища, с которым можно побеседовать откровенно, открыть душу. Такие беседы любил и сам комэск. Он считал, что обязан знать как можно лучше своих питомцев. Ведь с ними вместе ему не сегодня завтра идти в бой.

Как-то Иван Семенович подсел к Константину Черненко, писавшему что-то в ученической тетради. Тот поднялся, как положено по уставу, но Головин остановил:

— Садись, Костя. Извини, что от дела оторвал. Небось, письмо домой пишешь? Как там у вас в Новоселове?

Сибиряк удивился, что командир запомнил село, откуда уехал он служить на границу. Ведь в эскадроне добрая сотня бойцов.

— Все в порядке, товарищ командир.

— Колхозы уже есть?

— Есть. В Новоселове недавно организован колхоз «Авангард». А начали мы с коммун и товариществ по совместной обработке земли.

— А как кулачье себя ведет? Небось, сопротивляется?

— Как и повсюду, Иван Семенович.

Черненко незаметно для себя назвал командира эскадрона по имени и отчеству, а не по должности, как положено. Но Головин не обратил на это внимания. Видимо, и сам не заметил: ведь разговор-то шел не в строю и не по делам службы.

— Лютует, значит, кулачье?

— Лютует. Однажды мне, как агитпропу райкома комсомола, довелось быть на собрании в деревне Черная Кома. Разбирался вопрос о раскулачивании. Вел собрание уполномоченный крайкома партии товарищ Юзупчик. Когда он поднялся с места, чтобы утихомирить разгоревшиеся страсти, с улицы раздался выстрел, сразивший уполномоченного крайкома насмерть.

— Но такого политического бандитизма, как здесь, нет?

— Был, хотя, конечно, не в таких широких масштабах. Небольшие банды кулаков действовали какое-то время в глухих таежных местах. С ними быстро расправились. Не было у них питательной среды среди населения. Ведь граница от нас далеко, а здесь, как я понимаю, именно на сопредельной стороне банды получают оружие, материальную поддержку да и пополнение тоже.

— Правильно понимаешь, Константин... извини, забыл, как тебя по батюшке.

— Устинович...

Иван Семенович Головин впервые, пожалуй, назвал своего девятнадцатилетнего бойца по имени и отчеству. К этому невысокому, коренастому сибиряку комэск проникся каким-то особым

уважением за серьезность и рассудительность. Черненко выделялся среди других бойцов учебного эскадрона не только начитанностью и стремлением мыслить масштабно, осознать все, что происходило не только рядом с ним, — в Джаркенте, в Семиречье, во всей стране.

— А партиячка большая в вашем Новоселове? — поинтересовался Головин.

— Не так большая, зато крепкая. Весь район за собой ведет. Такие партийцы, как товарищи Косов, Усольцев, Панкрашкин, Радькин и другие, — гордость новоселовцев. Это они еще весной позапрошлого года одними из первых организовали товарищество по совместной обработке земли и дали ему название «Путь Ильича». Я тогда еще в школе учился. Хотя уже был комсомольцем. Участвовал в раскулачивании, создавал в селах комсомольские ячейки. Первыми комсомольцами у нас стали братья Кротовы — Федор и Михаил, девочки Люба и Ася Потылицыны и другие. Тогда опасно было в комсомол вступать: в любую минуту можно схлопотать кулацкую пулю.

— Вот и я, Костя, в комсомол вступил в девятнадцатом году. И вместе с комсомольским билетом мне вручили винтовку. У нас в селе Охочем, на Украине, еще в разгаре была гражданская война. Вокруг села шныряли банды Махно. В схватках с ними я и принял боевое крещение. И с той поры не расстаюсь с Красной Армией, с оружием. И не расстанусь до полной победы мировой революции.

— А вы партиец, товарищ Головин?

— Не успел... Сейчас готовлюсь. Ведь такую честь заслужить надо не словами на собраниях, а боевыми делами.

— Так о ваших боевых делах столько рассказывают!

— Кое-что было, не спорю. Так ведь я затем и получил вместе с комсомольским билетом винтовку, чтобы мировую контру бить до полного истребления. Ты из крестьян?

— Да, родственники мои крестьянствуют в деревне Большая Тесь. И я с детства приучен к труду на земле.

— И я тоже потомственный хлебопашец. Значит, одна у нас, Константин Устинович, биография. А сейчас наша работа — бить тех, кто мешает моим родичам на Украине, а твоим на Енисее пахать землю, растить хлеб, строить заводы, жить, как завещал Владимир Ильич.

— За меня, товарищ командир, не беспокойтесь: я свой долг выполняю.

— А как твои друзья и земляки?

— Ребята как на подбор. Многим всего по восемнадцать, а уже и с сибирскими бандами повоевали, и коммуны создавали, а некоторые даже председательствовали в коммунах, комбедах или ТОЗах. Увидите, в первом же бою покажут себя, не растеряются. Почти все они комсомольцы. На пограничную службу пошли добровольцами, как и я.

— Знаю. И уверен, что в бою не подведут.

Пока Головин разговаривал с Черненко, Севостьян Кривошеин, примостившись в дальнем углу ленинской комнаты, писал письмо в родное село Идринское и был весь поглощен этим нелегким для него занятием. Севостьян мучительно думал над каждой фразой, мусоля конец химического карандаша, отчего его губы стали синими.

«Дорогие мои батяня Сергей Акимович и маманя Евдокия Петровна, братья Федор, Василий и Николай, а также сестренки малые Стеша и Анюта! Низко кланяется вам сын и брат ваш Севостьян, ныне боец Красной Армии, пограничник. Во первых строках своего письма отписываю, что я жив и здоров, чего и вам всем желаю... Вот уже месяц нахожусь на службе в РККА, а точнее — в пограничной охране ГПУ. Вместе со мной в нашей части находятся ребята с наших мест, с которыми я очень подружился, а особо с Серегой Белеменко, Петром Жуковским, Черненко Костей, Димой Тимошкиным и другими. Обо всех не отпишешь, да и бумаги много понадобится... Служба у нас трудная. Подъем затемно. Отбой поздно. Учимся стрелять, скакать верхами, но не на мешке, как в Идре, а в кавалерийских седлах... Командиры у нас строгие, но справедливые. Особенно наш эскадронный Иван Семенович Головин. Не старый еще, а герой из героев. Самого Махно на Украине победил и здесь всех бандитов побеждает... Проходят еще у нас занятия по политграмоте. Политрук рассказывал нам, что здешние баи и бандиты — те же самые кулаки и подкулачники, что и у нас в Сибири. И хотят они нашу Советскую власть под корень изничтожить. Помогает им из-за границы гидра капитализма, которой мы как бельмо на глазу. А вчера я видел бандитов, которых наши в плен взяли. И русские, и нацмены — все в одинаковом английском обмундировании, а винтовки у них японские... Сам я в бою еще не был. Как только нас обучат, то тогда и в бой пошлют. А мы, сибиряки, сами хотим скорее с бандитами сразиться. Нас здесь называют джигитами. Это хорошее слово. Джигитами здесь называют самых смелых, самых ловких и самых справедливых людей...»

Севостьян помусолил карандаш, размышляя, что бы еще такое написать, как вдруг в ленкомнату вбежал дневальный:

— Тревога!

Учебный эскадрон уже не раз поднимали по тревоге. Но на плацу начальник отряда или начальник штаба, ставя боевую задачу другим подразделениям, обычно говорили:

— Учебный эскадрон остается в резерве.

Даже сам Головин думал, что так будет и на этот раз. Ведь всего месяц познавали его подчиненные азы боевой пограничной службы. И поднимали их по тревоге вместе с другими лишь затем, чтобы приучить быстро собираться, быть готовыми к бою. Ведь боеготовность сама по себе не приходит, ее нужно отрабатывать не только на плацу, стрельбище и в учебном классе, но и тревогами, хотя бы и учебными.

По сигналам учебной тревоги эскадрон Головина несколько раз выезжал к линии границы или к подножию Тышканских гор. В подсумках бойцов были боевые патроны. Но заряжать ими винтовки пока доводилось только на стрельбище. Ни холостых патронов, ни так называемого условного противника не было. А боевые патроны в подсумках имелись на случай появления в районе учений самого что ни на есть противника настоящего.

На плац учебный эскадрон прибыл не позже других. Опередила его лишь маневренная группа.

— Командиров подразделений — ко мне на совещание! — приказал начальник штаба. — Подразделения оставаться на месте до получения боевого приказа.

В своем кабинете начальник штаба сказал:

— По агентурным данным, в сторону границы по правому берегу Или движется большая откочевка, сопровождаемая бандой, точная численность которой пока не установлена. Приблизительно около сотни человек. Идет она издалека, с южного берега Балхаша. Такой большой откочевки на нашем участке не было давно. Мы, к сожалению, не знаем, в каком месте банда намерена пересечь границу. На левый берег реки она переправиться не сможет. Прорыв возможен на участках застав Кайерган, Алтынкуль или Хоргос. Алтынкуль еще строится и, по сути дела, у нас там пост, а не полноценная застава. На левый фланг отряда банда тоже не пойдет. Зачем ей переходить Кульджинский тракт? Значит, Баскунчи исключаются. Нам надо перекрыть участок от Хоргоса до правого берега Или...

Начальник штаба не пользовался картой. Командиры знали участок, как собственную ладонь. Много раз они проводили здесь боевые операции, знали каждое урочище, каждый кустик.

Читатель вправе недоумевать: как могла откочевка под охраной крупной банды беспрепятственно пройти от южного берега озера Балхаш почти до государственной границы с Китаем? Ведь это свыше пятисот километров! Но дело происходило в самом начале тридцатых годов, когда значительная часть казахов кочевала по степи. И не отдельными семьями, даже не аулами, а целыми родами. И никого не удивил табор из нескольких сот людей со скарбом, скотом, детьми, собаками. Казахская юрта по своей конструкции такова, что ее можно быстро разобрать, как палатку, погрузить на верблюдов или на повозку и так же быстро установить на новом месте.

Откочевку с южного берега Балхаша, как известно, сопровождала многочисленная и хорошо вооруженная банда. Но ведь бандиты не несли свои карабины и винчестеры открыто. До поры до времени это оружие было надежно укрыто от посторонних глаз среди скарба. А по своему внешнему виду головорезы ничем не отличались от тех, кого они угоняли: те же халаты, те же чапаны и малахаи.

И лишь приближаясь к пограничной зоне, «мирные кочевники» доставали оружие, причем нередко и пулеметы, которыми их снабдили в Синцзяне агенты иностранных спецслужб. Бандиты прекрасно знали, что здесь маскировка уже не поможет. Въезд в пограничную зону без соответствующих документов запрещен.

— Дозоры навстречу откочевке уже высланы, — продолжал начальник штаба. — Но успеют ли они сообщить в штаб направление движения откочевки, сказать трудно. Начальник отряда приказал поднять по тревоге все подразделения отряда, включая твой эскадрон, Головин.

— Есть! — ответил комэск.

— Не спасуют твои сибиряки?

— Если спасуют, товарищ начальник штаба, то меня следует отдать под трибунал. Значит, за месяц я их ничему не научил. Уверен, не подведут. Ставьте боевую задачу!

Вскоре Головин уже говорил своим бойцам:

— Командование доверило нам участие в самой настоящей боевой операции. Мы выдвинемся в район заставы Алтынкуль и будем искать движущуюся с севера большую откочевку, сопровождаемую многочисленной бандой. Сейчас — седлать коней и марш-марш в указанный район.

У конюшен было многолюдно. Седлали коней бойцы маневренной группы, учебного эскадрона, многие командиры штаба и управления отряда. В военном городке оставалось минимальное количество пограничников: комендантский взвод, хозяйственная и санитарная службы, другие тыловые подразделения. Да и нельзя было оставлять без надежной охраны не только военный городок, но и весь Джаркент.

Командованию отряда из агентурных источников было известно о замыслах бандитов внезапным ударом со стороны Коктала, что в восемнадцати километрах восточнее города, захватить Джаркент хотя бы на сутки, на ночь или даже на два часа, чтобы учинить кровавую расправу. Оставлять город без боеспособных подразделений было нельзя в любой обстановке.

Оседлав лошадей, бойцы учебного эскадрона рысью тронулись в путь. Сначала они ехали по оживленному Кульджинскому тракту на северо-запад мимо аула Алтыуй, затем на юго-запад и углубились в пески.

Для Головина, Лушника и других командиров эта дорога была знакома. Совсем недавно, после прерванной свадьбы комэска, они несколько недель, почти не слезая с седел, гонялись по этим пескам и урочищам за бандой Дары Садыкова, старого знакомого пограничников Джаркентского отряда.

Дары был контрабандистом с «дореволюционным стажем». Специализировался на опиумном маке, который вывозил в Кульджу целыми караванами. Царская пограничная стража была насквозь продажной, а китайская — не честнее царской.

После установления Советской власти в Семиречье «работать» контрабандистам стало значительно труднее. Выставленный в Хоргосе пограничный пост ВЧК был немногочисленным, но неподкупным. Дорога в Китай по Кульджинскому тракту для Дары оказалась закрытой. Приходилось двигаться тайными тропами.

Однажды горстка пограничников загнала банду Дары в Сюгатинскую долину, где ее ждал кавдивизион ОГПУ. И Дары оказался в тюрьме. Советский суд учел, что Садыков — неграмотный и тем более раскаявшийся в своих преступлениях казах, и определил ему предельно малый срок — три года тюремного заключения. Отбыв назначенный срок, старый контрабандист вернулся в родной аул Асы и занялся сапожным ремеслом.

Но недолго сапожничал «раскаявшийся» контрабандист. Ушел за кордон, к старым друзьям, перекупщикам опиума. Они стали членами и даже руководителями антисоветских националистических банд. И Дары с легкой душой примкнул к ним. Агенты английской разведки, истинные хозяева разномастного антисоветского отребья, снабдили Садыкова оружием и всем необходимым для «масштабной работы».

Первый выход на «большую дорогу» в августе 1930 года для бывшего контрабандиста оказался не вполне удачным. Тогда пограничники заставы Кайерган во главе с ее начальником и лучшим другом Головина Антоном Яковлевичем Онопко прижали банду в урочище Кундузды и наголову разбили ее. В том бою погиб Онопко. А Дары все-таки ушел за кордон.

На одном из занятий Иван Семенович Головин подробно рассказал об этом бое, проанализировав не только достоинства, но и недостатки его. Комэск считал, что и на ошибках можно учиться и учить других...

Первыми откочевку обнаружили комотрядники заставы Кайерган. На их глазах она, не доходя до Дубинской паромной переправы, резко повернула на северо-запад, чтобы через заболоченное место выйти к дороге Джаркент—Дубунское, пересечь ее и углубиться в поросшие саксаулом пески, тянувшиеся до самой реки Хоргос, то есть до линии государственной границы.

Двигалась откочевка на верблюдах и на повозках, запряженных лошадьми. Было много верховых. И все это тонуло в огромном стаде баранов, которое гнали несколько десятков чабанов. Вполне возможно, главарь банды знал, что между Хоргосом и Кайерганом фактически нет погранзаставы. Пост в Алтынкуле — несколько человек — не представлял серьезной угрозы. Пока подоспеет помощь из Хоргоса или Кайергана, будет поздно: откочевка переправится через пограничную реку, уйдет от кзыласкеров.

Комотрядники немедленно поскакали к командному пункту начальника заставы, где находился и Иван Головин.

А пятеро пограничников с заставы Кайерган пропустили банду, как и было условлено. Они по опыту знали, что вслед за ней пойдет тыловое охранение. И вступили с ним в бой.

Бандиты, сопровождавшие откочевку, услышали выстрелы в тылу и поняли, что тыловое охранение обнаружено пограничниками. Но это ничуть не опечалило главаря банды, заставило лишь

ускорить движение к границе. Не велика беда — потеря десятка членов банды. Зато, по мысли главаря, этот десяток обреченных отвлек пограничников.

А Головин и начальник заставы Кайерган Калоев разработали план совместной операции. Решено было окружить откочевку двойным кольцом. Внутреннее кольцо (третий взвод и пограничники Калоева) должно было открыть огонь поверх голов. В этом случае бандиты будут прорываться, бросив откочевку на произвол судьбы.

Маскируясь в зарослях камыша, тала и джигды, к реке Хоргос двинулись первый и второй взводы учебного эскадрона — внешнее кольцо пограничников. Иван Семенович Головин давно привык ставить себя в бою на место противника, мыслить за него. Что в данный момент мог предпринять главарь банды? Прорываться в сторону реки. Не назад же ему уходить! Конечно, он может сделать обманный маневр и попытаться пробиться на север или юг. Пусть! Эти направления были перекрыты маневренной группой отряда и частью сил заставы Хоргос, вернее ее постом в Алтынкуле.

И началась сложная операция.

Пограничники внутреннего кольца открыли огонь, не причинявший никакого вреда ни мирным откочевщикам, ни бандитам. Но бандиты-то не поняли этого. Они решили, что кзыласкеры просто плохие стрелки. И стали отстреливаться, надеясь смять пограничников и вывести откочевку к реке.

Головин с основными силами эскадрона — первым и вторым взводами — находился в камышах, в сотне метров от берега Или.

— Ну, ребята, сейчас держись! — повторял он. — Бандиты пойдут прямо на нас. Держаться будем до последнего. Покажите, чему вы научились за месяц службы в эскадроне.

Вместе с командирами взводов он сам расставил бойцов. Константина Черненко вооружили ручным пулеметом. Вторым номером у него был Севостьян Кривошеин. Комэск приказал расчету занять позицию на холме, чтобы вести огонь и по подходам к реке, и по самой Или, если бандиты сумели бы прорвать заслон хоть частью своих сил.

Константин волновался. Ведь это его первый бой, который мог оказаться и последним.

— Ну как, Савотя? — тихо спросил он Кривошеина. — Страшно?

— Есть немного, Костя.

— Так ведь ты на медведя с рогатиной хаживал! Так?

— Так-то оно так, но то медведь, а то бандиты.

— Ничего, и с ними справимся. Мы ж комсомольцы.

Между тем шум боя приближался к берегу Или.

По замыслу Головина и Калоева, пограничники внутреннего кольца должны были пропустить банду к берегу, под огонь бойцов внешнего кольца, а потом отрезать ее от кочевки.

И вышло все так, как задумывалось. Бандиты прорвались к реке, а откочевка была задержана пограничниками. Освобождать ее главарь не стал. Он приказал двигаться к Или. И тут, почти у самого берега, совершенно неожиданно снова напоролся на плотный огонь пограничников. Вступили в бой первый и второй взводы учебного эскадрона.

Константин Черненко, увидев орущих бандитов — пеших и конных, — сразу забыл про все свои страхи и открыл огонь. Ручной пулемет, словно живой, забился в его руках. Диск мгновенно опустел.

— Давай другой, Савотя! — крикнул он второму номеру.

В этот момент рядом с пулеметчиками оказался Головин.

— Экономней стреляй, Черненко! — закричал он почти в самое ухо. — Бей короткими очередями и только по видимым целям, а то весь боезапас выпустишь без толку. Держись молодцом, как бывалый пулеметчик. Только патроны зря не жги. Бой только начинается.

— Слушаюсь, товарищ командир! — ответил Черненко. — Буду бить только по видимым целям.

И они, эти видимые цели, не замедлили появиться из камышей. Теперь пулеметчик вел огонь расчетливо, как приказал комэск. Несколько бандитам все же удалось прорваться к реке, и они попытались с ходу на лошадях форсировать ее. Помня указание комэска, Черненко повернул ствол пулемета к реке, срезая короткими очередями плывущих бандитов. По ним стреляли и другие пограничники: из пулеметов, винтовок и карабинов. Никому не удалось выплыть хотя бы на середину реки.

Бой кончился полной победой пограничников и комотрядников. Конечно, всего Черненко и Кривошеин не видели. Они не знали, что на отдельных участках пограничникам пришлось вступать в рукопашные схватки, действовать штыком и прикладом. Было взято много пленных.

Возвращались в казармы ночью. Все устали, но не замечали усталости, переполненные победой. Расседлав и поставив на конюшню лошадей, сразу пообедав и поужинав, сибиряки так и не заснули до утра. На этот раз помощник командира взвода Иван Лушник не прерывал бурного обсуждения

всех перипетий боя, которое до подъема вели его подчиненные. Он и сам принял участие в разговоре. Похвалил Черненко за то, что тот вовремя развернул пулемет и ударил по уплывающим остаткам разгромленной банды. Это была первая благодарность красноармейцу за действия в самом настоящем бою, и похвала была приятна.

А утро снова началось с физзарядки, завтрак и обычной учебы по плану боевой подготовки, словно и не было вчерашнего боя.

И все же о нем вспомнили. На занятиях по пограничной подготовке командир эскадрона поздравил своих подчиненных с боевым крещением и сказал, что в общем эскадрон действовал нормально, хотя...

— Отдельные бойцы, например... — и комэск назвал несколько фамилий, — проявили нерешительность. Это, разумеется, еще не трусость, но что-то близкое к ней. Сегодня их оправдывает то, что бой был первым. А вот красноармеец Жуковский проявил излишнюю горячность, лез вперед тогда, когда в этом не было никакой необходимости. Ведь команды контратаковать противника не поступало, да в том и не было никакой необходимости. Жуковский мог погибнуть зря. Бравата в бою абсолютно ни к чему. Не вполне тактически грамотно действовал в начале боя пулеметчик первого взвода Черненко, неэкономно расходовал боезапас. Но на заключительном этапе он проявил инициативу и находчивость, перенес огонь на бандитов, пытавшихся переправиться через Хоргос.

Константин Черненко думал, что при разборе комэск похвалит всех и каждого в отдельности: ведь это их первый бой. Он ожидал даже, что многим будет объявлена благодарность если не в приказе по отряду, то по эскадрону обязательно. Ведь поощрение — способ поднять боевой дух бойцов и вселить уверенность в свои силы. А командир эскадрона вел разбор боевой операции так, словно перед ним были не новички, впервые услышавшие свист пуль над головой, а воины, закаленные многими битвами.

После разбора помкомвзвода Лушник сказал:

— Вы, джигиты, на комэска не обижайтесь. Он во время боя переживал за вас больше, чем вы сами за себя. И замечания его справедливы. Значит, он теперь видит в вас настоящих бойцов. А на похвалы он вообще скуп. Чтобы получить его благодарность, надо совершить что-то особенное, из ряда вон выходящее. Он считает, что пограничник должен воевать как положено. И это не героизм, а его воинский долг.

Итоги первого боя обсуждались и на собрании комсомольской ячейки учебного эскадрона. На собрание пришел и Головин. В своем коротком выступлении комэск сказал:

— На разборе я отметил, что в целом учебный эскадрон действовал как положено. И говорил об отдельных промахах. Повторяться не буду. Сейчас мне хотелось бы услышать мнение самих комсомольцев. На собрании каждому из вас дано право говорить начистоту. Только не считайте себя, пожалуйста, героями. Слов нет, смело действовали ребята. Так ведь смелость — не исключение, а норма нашей пограничной жизни. Я считаю, что именно об этой норме жизни вам и нужно говорить сегодня, а не трубить в фанфары по поводу первой победы. Это наша с вами служба. И когда эта норма станет нормой для всех без исключения, тогда ни одна гадина, ни одна гидра капитализма не посмеет сунуться через нашу границу.

Выступление комэска дало настрой дальнейшему ходу собрания. Выступил и Константин Черненко. Он, комсомольский вожак своего взвода, не мог не выступить.

— Товарищ Головин прав, — сказал он. — Я после этого боя долго думал над тем, что он сказал при разборе. Все мы ожидали похвал и благодарностей. А разве принято награждать в советском обществе того, кто честно и добросовестно делает свое дело? Награждают тех, кто это дело делает лучше других. Вот бойцы маневренной группы чуть ли не каждый день участвуют в боях, причем в более серьезных, чем наш первый. А кто-нибудь из них кичится своими подвигами? Лично я знаю многих бойцов мангруппы, но ни от одного не слышал, чтоб он называл себя героем. Возьмите нашего помкомвзвода товарища Лушника. Он уже и счет потерял схваткам, в которых участвовал. А рассказывает о них вовсе не для того, чтобы себя возвеличить, а просто передать молодым свой боевой опыт. Не скрою, что до первого боя многие из нас, в том числе и я, считали, что мы, сибиряки, таежники, любых бандитов шапками закидаем, что мы смелее всех прочих. На самом деле бой показал, что бандиты — не трусливые зайцы, а мы не сказочные богатыри. Мне лично этот бой видится как облава на волков. Бойцы внутреннего кольца — это загонщики, погнавшие стаю на стрелков в засаде. Стрелками мы и были на самом деле. Уничтожили банду — это хорошо, хотя большой нашей заслуги в этом мало. Я никого не могу упрекнуть в трусости. Но случись такое — куда бы трус делся? Сзади — река, впереди — бандиты. Но нам, комсомольцам, нужно совершенствовать свою боевую выучку, еще лучше стрелять, метче бросать гранаты, лучше рубить

лозу на занятиях по кавалерийской подготовке, изучать уставы и наставления. И, разумеется, крепить воинскую дисциплину, без которой наш эскадрон не может быть по-настоящему боеспособным подразделением. Больше месяца командиры учат нас военному делу не только по учебникам, но главным образом на боевых примерах. Спасибо им за это! Я бы просил командира эскадрона товарища Головина, командира взвода товарища Казакова, его помощника товарища Лушника еще больше приводить конкретных примеров. Желательно проводить занятия по пограничной подготовке на местах боев, в которых они участвовали.

— Мысль правильная, товарищ Черненко! — поддержал бойца Головин. — Я поставлю этот вопрос перед штабом отряда. Теперь вы народ обстрелянный и в случае чего самостоятельно вступите в бой с бандой, если она появится в районе полевых занятий.

Комсомольское собрание ходатайствовало перед командованием об увеличении числа полевых занятий на местности, где происходили схватки с бандами. Но командование не успело принять решения по этому вопросу, как учебному эскадрону снова пришлось вступить в самый настоящий бой, причем ночной. И почти на том же самом месте, где шел первый.

А дело было так.

На заставе Кайерган в наиболее тревожное время к дежурству привлекались проверенные в боях опытные комотрядники. В ту ночь эту обязанность исполнял бывший пограничник из Карелии Алексей Семенович Ефимов. Поздним вечером он обратил внимание на странные огни, то вспыхивавшие, то затухавшие за рекой. Ефимов разбудил начальника заставы. Тот тоже увидел подозрительные сигналы и тут же позвонил оперативному дежурному по штабу отряда. Дежурный ответил:

— Такие же сведения поступили и с поста Алтынкуль. Возможно, к границе идет большая откочевка или несколько сразу. По тревоге поднят эскадрон Головина и уже спешит в подозрительный район. Высылай туда же своих, товарищ Калоев.

— Так у меня свободных только шесть человек. Остальные несут службу. Оставлю на заставе телефониста, а повара поставлю часовым. Остальные немедленно выедут в район огней.

— Действуй, начальник, по обстановке.

А обстановка пока оставалась неясной. Ведь эти сигналы могли подавать друг другу и чабаны, и лесосплавщики.

Начальник заставы с группой бойцов, оседлав коней, вплавь форсировали Или и двинулись на вспышки сигнальных огней. В дороге они встретили пограничный наряд, сообщивший: к границе разными путями движутся сразу несколько откочевок. Но командовал операцией кто-то один. По всему было видно, что переходить границу было намечено в одном месте. Вот и собирали заранее условленными сигналами в одно место массу людей, лошадей, скота.

Калоев решил своими небольшими силами хотя бы задержать откочевки, а с подходом эскадрона Головина отсечь охранявших их бандитов и уничтожить.

В тактике борьбы с политическим бандитизмом на границе не было и не могло быть шаблона. Каждый раз нужны были иные действия. На этот раз у пограничников не было маневренной группы. Она вела бой севернее, в районе погранзаставы Баскунчи. Не было и комотрядников, за исключением одного Ефимова. Ночь мешала определить численность банды.

Калоев рисковал, взяв с собой всех пограничников, свободных от службы. Ведь была возможна попытка какой-то другой банды прорваться через границу. И тогда тем, кто остался на заставе, пришлось бы трудно, очень трудно!

Ни у Головина, ни у Калоева не было сил, чтобы окружить банду двойным кольцом. Даже на одно не хватало людей. Частью своих сил Головин прикрыл берег Хоргоса, послав в засаду второй взвод. А остальных повел в атаку с севера. Калоев в то же время ударил с юга.

— Больше шума и пальбы! — приказал Головин бойцам. — Стрелять прицельно только тогда, когда бандиты пойдут на сближение. Атаковать будем в пешем строю. Лошадей — в укрытие.

Когда бандиты отделились от откочевки и открыли огонь по пограничникам, сибиряки пошли в атаку. Константин Черненко шел с ручным пулеметом, стреляя на ходу. Другие бежали со штыками наперевес, готовые к рукопашной схватке. Петр Жуковский снова было кинулся вперед, но его остановил командир взвода:

— Не лезь наперед батяки в пекло! В ночной атаке нужно держаться вместе, а то, неровен час, бандиты схватят.

Увидев, что на них наступает не менее полусотни кзыласкеров, бандиты стали отходить к реке. Но там их встретил огонь второго взвода учебного эскадрона. К реке прижали часть банды и пограничники Калоева. Банда была изолирована от откочевки и разгромлена. Лишь отдельным

головорезам удалось под покровом ночи переправиться через пограничную реку Хоргос — правый приток многоводной и своенравной Или.

К рассвету все было кончено. У пограничников никто не был даже ранен.

Как поступали в этом случае с откочевниками?

Их передавали местным органам Советской власти. Работники органов ОГПУ опрашивали угоняемых, выясняя, откуда они, кто их спровоцировал на уход в Китай. А потом в сопровождении кого-нибудь из местных чекистов возвращали в аулы. Никакому наказанию откочевники не подвергались, хотя некоторым из них, уходившим добровольно, можно было предъявить обвинение в попытке незаконного перехода границы. Ну, а попавших в плен с оружием в руках судили за бандитизм, антисоветскую пропаганду среди населения, провоцирование на уход в Китай. И выносили приговоры в зависимости от степени вины каждого перед законом. Главарей банд, на чьей совести были кровь пограничников и мирных жителей, диверсии и убийства активистов нового строя и другие тяжкие преступления, приговаривали, как правило, к высшей мере наказания — расстрелу.

Но вернемся в учебный эскадрон Ивана Семеновича Головина, где после жаркого боя снова наступили трудовые будни — учеба и бесконечный тренаж. В эти дни пользовалась популярностью отрядная библиотека, расположенная в одной из комнат красноармейского клуба. Правда, многие красноармейцы только-только приобщались к чтению. И не знали, с чего начинать. Подойдет кто-нибудь из бойцов учебного эскадрона к библиотекарю и просит:

— Мне бы книжечку...

— А какую именно? Видишь, сколько на стеллажах? Выбирай любую.

— Да я не знаю. Что-нибудь поинтереснее...

Такие читатели в пограничных частях тридцатых годов были не редкость. И тем приятнее было услышать библиотекарю просьбу бойца сибирского пополнения:

— А журнал «Большевик» у вас есть? Или «Агитатор»?

— Есть и тот и другой. А у вас, простите, какое образование?

— Среднее.

— А кем вы были до призыва в погранвойска?

— Заведующим отделом пропаганды и агитации райкома комсомола.

— Тогда ясно, товарищ...

— Красноармеец учебного эскадрона Черненко Константин.

— Сейчас заполню на вас формуляр. А полки с политическими журналами вон там, в углу. Сами выберете все, что нужно.

После короткой процедуры заполнения читательского формуляра библиотекарь подвела нового читателя к полкам с журналами. Константин Черненко отобрал несколько последних номеров. Увидел стопку журналов «Большевик Казахстана», удивился:

— А вот о существовании такого журнала я и не знал.

— Да он только начал издаваться на казахском и русском языках. Надеюсь, вы не слишком задержите эти журналы?

— Постараюсь быстрее прочесть то, что меня особенно интересует.

Тесный контакт с библиотекой у Черненко установился после первого же посещения. Библиотекарь сразу прониклась уважением к этому бойцу. С другими она сразу же после заполнения формуляра переходила на «ты», ибо каждый из них годился ей в сыновья. Но с этим читателем она до самого выпуска курсантского эскадрона говорила только на «вы». Впрочем, Черненко заходил к ней в библиотеку и тогда, когда служил сначала на ближайшей к Джаркенту заставе Хоргос, а потом — чуть ли не на самой отдаленной — Нарынкол.

На каждой заставе была своя небольшая библиотека, время от времени пополняемая отрядной из обменного фонда. И отрядный библиотекарь нередко посылала на заставы, где служил Черненко, политическую литературу и журналы.

Еще до отъезда в армию Черненко решил, что будет там заниматься не только общим, но и, в первую очередь, политическим самообразованием.

Он интересовался и делами родной Сибири. Друзья из Новоселова хоть и не совсем регулярно, но посылали ему газету «Красноярский рабочий», которую Константин часто читал вслух землякам. Ведь письма родных и друзей приносили только семейные, реже сельские или городские новости, а сибиряки хотели знать, как живет Красноярье, как идет коллективизация, какие новые заводы и фабрики появились в родных краях. От Черненко земляки узнавали о ходе коллективизации и строительстве слюдяной фабрики в Рыбинском районе, баритового рудника в Хакасии, Енисейского лесозавода и других строек первой пятилетки, о геологических изысканиях на Таймыре, Нижней и

Подкаменной Тунгусках, на Курейке и Пясилах, об открытии месторождений каменного угля, графита, исландского шпата и других полезных ископаемых. Становилась крупным портом и центром лесной промышленности Игарка.

— Быть тебе, Костя, комиссаром! — нередко говорил товарищу Жуковский. — Был бы я сейчас командиром эскадрона, даже всего отряда, назначил бы тебя комиссаром.

— А ты спроси, Петро, пошел бы он к тебе, такому шалапутному, комиссаром? — смеялся помкомвзвода Иван Лушник.

— Для того чтобы стать настоящим комиссаром, нужно еще многому научиться, приобрести жизненный и боевой опыт, — серьезно отвечал Константин. — А мы с тобой, Петро, всего в двух боях побывали. Из тебя Чапаева, а из меня Фурманова явно не получится.

— А кто они такие? — спросил Жуковский.

— Не знаешь? Василий Иванович Чапаев — герой гражданской войны, начдив, а Дмитрий Фурманов — его комиссар. Дмитрий Алексеевич служил и на Семиреченском фронте. Ты прочти его книги «Чапаев», «Мятеж» и другие. Они в отрядной библиотеке есть. Кстати, всем, кто не читал этих замечательных книг, советую прочесть. Вот ты, Савотя, — обратился Черненко к Кривошеину, — что сейчас читаешь?

— Про трех мушкетеров.

— Книжка интересная, конечно, но пора и за что-нибудь более серьезное приняться.

— Я приключения люблю, Костя...

— Возьми в библиотеке «Девяносто третий год» Виктора Гюго. Там приключения настоящие, а не выдуманные. И тоже во Франции события разворачиваются.

Через несколько дней Кривошеин, дочитав все-таки про мушкетеров, вернул книгу в библиотеку и попросил «Девяносто третий год».

— Надо быть последовательным, сынок. У «Трех мушкетеров» есть продолжение: «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон», — упрекнула его библиотекарь.

— Несерьезные это книжки. А мне нужно уже серьезные читать.

— Кто тебе сказал?

— Костя Черненко, наш земляк.

— Знаю такого. Возможно, он и прав в какой-то степени. Запишу я тебе «Девяносто третий год» Гюго.

— А еще и «Чапаева» можно?

— Не много ли сразу две? Да и нет сейчас у меня ни одного экземпляра «Чапаева». Еще позавчера все забрали ваши же, из учебного эскадрона. Тоже, наверное, Черненко посоветовал?

— Он... Так вы запишите меня на очередь на «Чапаева».

— Запишу. Только ты будешь тридцатым.

— Опоздал, значит? Ничего, все равно прочту. Не здесь, так на заставе, куда отправят служить.

О влиянии Константина Черненко на бойцов учебного эскадрона скоро узнали и в политчасти отряда. Комсомольский отсекр сказал:

— Вот вам готовый секретарь комсомольской ячейки той заставы, куда его направит командование.

А секретарь партийного бюро ответил:

— Ты прав. А я думаю, надо готовить Черненко в партию. Биография у него безупречная, политическая грамотность высокая, авторитет растет. Думаю, он и сам скоро придет к нам. Такие люди нужны партии. Будем присматриваться к нему, проверим в боях.

А очередная проверка боем не заставила себя ждать...

В пограничном Семиречье появились первые колхозы. Правда, на первых порах здесь, как и в других районах страны, были допущены ошибки в проведении колхозного строительства. Поскольку ликвидация байства как класса еще, по сути дела, в Семиречье не началась, в руководство колхозов проникали сами бай и их приспешники. Многие колхозы создавались не по территориальному принципу, а по родовому. Были случаи, когда во главе вновь созданного колхоза становился крупный бай, а в колхоз вступали члены его рода, живущие нередко совершенно в других административных районах Семиречья. Бывали случаи, когда такие, с позволения сказать, коллективные хозяйства сбивались в откочевку и уходили или пытались уйти за кордон.

Есть в местном языке такое слово — «барымта». Это угон, вернее кража скота одним баем у другого. Конечно, барымтой занимались не сами бай, а их приспешники. В конце тридцатого — начале тридцать первого года барымта приняла другой характер. Бандиты, которым удавалось проникнуть из-за рубежа на территорию Семиречья, стали угонять в Китай уже не личный, а

колхозный скот. Разумеется, барымтачи и раньше считались преступниками, но лишь уголовными. Барымтачи, подрывавшие молодые колхозы, были уже не только уголовными, но и государственными преступниками. Барымта стала одной из форм политического бандитизма в приграничных районах Казахстана.

В конце 1930 года в горах Кетмень, севернее Джаркента, появилась банда Чулака Имамбекова. От своих хозяев в Синцзяне бандиты получили приказ пробраться на джайляу — пастбища, где чабаны пасли колхозный скот, сбить его в гурты и отогнать за кордон.

У жителей Семиречья, впрочем, как и у всех животноводов Казахстана, свой метод содержания скота. Летние пастбища называются джайляу, зимние — кстау. В южном Казахстане на джайляу скот пастся практически круглый год, так как зима сюда приходит поздно, а весна наступает рано. Впрочем, овца — животное, умеющее добывать подножный корм и из-под снега, если, разумеется, он не смерзся в лед после оттепели и сменившего ее мороза.

Поскольку уйгуры — народ оседлый, то на летние пастбища, на альпийские луга, выезжали только чабаны с семьями. Остальные жители аулов оставались на местах. Это облегчало бандитам выполнение задачи. Поэтому и на этот раз барымтачам сравнительно легко удалось сбить в один гурт более тысячи колхозных овец, большое количество крупного рогатого скота. Колхозные чабаны не могли противостоять бандитам, вооруженным английскими винчестерами.

По словам чабанов, в банде Чулака было немногим больше тридцати человек, и командование Джаркентского пограничного отряда решило, что с ней вполне могут справиться свободные от несения службы пограничники заставы Баскунчи и группа бойцов учебного эскадрона.

Второй и третий взводы эскадрона были на полевых занятиях. Первый занимался кавалерийской подготовкой на территории военного городка. Головин отобрал из него десять самых надежных бойцов, среди которых оказался и красноармеец Константин Черненко.

Главарь банды, обрадованный, что ему без особого труда удалось угнать большое количество колхозного скота, решил на пути к границе захватить жителей одного из предгорных аулов. Баям, удравшим за кордон, и там были нужны батраки. Кроме того, колхоз, лишившись колхозников и всего скота, сам по себе прекращал свое существование. И это, считал Чулак, послужит предупреждением для других коллективных хозяйств.

Гоняясь по аулу за безоружными людьми, не желавшими уходить за кордон, бандиты потеряли много времени, и объединенный отряд пограничников успел отрезать их от границы.

Правда, в банде оказалось почти в два раза больше людей, чем сообщили чабаны. Это осложняло ситуацию. Ведь пограничников было всего-навсего семнадцать.

Но Головин привел к месту схватки не необстрелянных юнцов, а проверенных многими боями воинов, хотя и не закончивших курса военного обучения. И к моменту сражения с головорезами Чулака Имамбекова комэск был уверен: никто из его подчиненных не подведет.

Семнадцать конников в зеленых фуражках грудь в грудь столкнулись с пятьюдесятью всадниками из банды Чулака. И бандиты не выдержали натиска, предпочли отступить, спешиться, а потом, укрывшись за камнями, начали перестрелку.

— Спешиться! — приказал Головин. — Коней — в укрытие. Приготовиться к атаке!

И пограничники, рассыпавшись в цепь, пошли вперед, перебегая от камня к камню, а временами переползая по-пластунски. Когда сибиряки подобрались вплотную к противнику и в головорезов полетели гранаты, те не выдержали, стали отходить.

Укрывшись за камнем, Константин Черненко вел огонь из своего ручного пулемета. Огонь расчетливый, меткий.

— Сдавайтесь! — кричал по-уйгурски и по-казахски командир эскадрона. Но в ответ звучали только выстрелы.

Если враг не сдается, его уничтожают. Когда закончилась перестрелка, на поле боя осталось более трех десятков трупов. У пограничников только нескольких бойцов легко ранили. Были освобождены насильно угоняемые в Китай жители аула, а колхозам возвращен украденный скот.

Вечером перед строем эскадрона Головин объявил благодарность бойцам, участвовавшим в неравной схватке с бандой Чулака Имамбекова.

Это была первая благодарность Константину Черненко за мужество в бою.

И он с гордостью произнес уставное:

— Служу трудовому народу!

— Хорошо служите, красноармеец Черненко! — похвалил Головин. — Служите так и впредь!

В свободное от учебы и боевых схваток время бывший заведующий агитпропом Новоселовского райкома комсомола продолжал заниматься самообразованием, приобщая к занятиям и своих

товарищей. И все чаще политрук поручал ему проведение бесед с личным составом по плану партийно-политической работы. Говорил молодой пограничник просто, доходчиво, и поэтому все сказанное западало в душу слушателей, заставляло о многом задумываться.

Неуклонно рос авторитет комсомольца. Конечно, не только беседы были тому причиной. На занятиях Константин служил примером для других, в бою шел в числе первых, отличался храбростью и инициативой. Командование уже подумывало после окончания учебы в эскадроне Головина послать Черненко в школу младших командиров при штабе пограничного округа. А вот политработники считали, что его следует направить на курсы заместителей политруков.

Вопрос так и остался открытым до завершения учебы в эскадроне. А срок службы там был продлен, поскольку многие теоретические темы, предусмотренные программой, не были пройдены. Виной тому были бесконечные бандитские вылазки в пограничной полосе. Сибиряки отставали в теории, зато преуспевали в практике. Об учебном эскадроне Ивана Головина на всех заставах говорили как об одном из самых боеспособных подразделений отряда.

— Не зря назвал их джигитами в первый же день службы секретарь Джаркентского райкома партии! — повторяли в политчасти отряда. — Хорошее пополнение получают нынче наши заставы.

— А разве раньше они получали плохое? — возражали другие. — Вспомните прошлый выпуск. И позапрошлый. Один Павел Слесарев чего стоит!

Первого в отряде кавалера ордена Красного Знамени Павла Ивановича Слесарева, под командованием которого пограничники выдержали шестидневную осаду басмачами аула Кзыл-Агач, знали буквально все. Курсанты учебного эскадрона слышали о героической обороне из уст самого героя, когда комэск Головин пригласил его выступить перед сибиряками. Рассказ краснознаменца Слесарева врезался в память Константина Черненко и других джигитов с Енисея как образец беззаветного выполнения воинского долга.

Началось дело с того, что старослужащего красноармейца Павла Слесарева направили с Лепсинской заставы в Джаркент за пополнением. Дорога неблизкая — полтысячи километров. И опасная. Бандитские налеты — не редкость. Но служба есть служба. И приняв в учебном эскадроне бойцов для заставы, боевых хлопцев, не раз принимавших участие в схватках с бандитами за месяцы учебы, Слесарев отправился в обратный путь.

В пути держались настороже: были предупреждены — на дорогах неспокойно. В аулах появились листовки «черной армии». Зашевелились семиреченские кулаки и баи. И все же до Кзыл-Агача добрались без происшествий.

На ночлег остановились во дворе сельской кооперации: постройка хоть и саманная, но стены толстые, прочные. Пулей не пробьешь. Вечером от местных жителей поступили известия: вблизи села появилась банда. Возможно нападение на кооператив. А здесь, на складах, скопилось двадцать тысяч пудов семенного зерна. Захватят зерно бандиты — сорвется посевная по всему району.

— Можете рассчитывать на помощь отряда, — твердо ответил Слесарев на вопросы встревоженных кооператоров.

Тревожно шли один за другим вечерние часы. Уже совсем стемнело, когда за рекой, в стороне гор, вдруг хлопнул выстрел. За ним другой. Все разом вскочили, бросились к оружию. Банда!

А в ворота, подпертые изнутри колом, уже стучали люди, сбегавшиеся со всего поселка под защиту винтовок пограничников. Мужчины, женщины, дети. Вскоре двор кишмя кишел людьми.

— Товарищи! У кого есть оружие, подойдите ко мне! — крикнул Слесарев.

В стенах дувала пробили бойницы. Окна в складе забаррикадировали мешками с пшеницей. Всех, имевших оружие, расставили у окон и амбразур. На крышу выставили наблюдателей.

Главная беда выяснилась сразу. Для длительной осады было мало оружия и патронов. Боекомплект — по несколько обойм на каждого пограничника. Восемь охотничьих ружей. И все. Решили послать гонцов в Талды-Курган за помощью. Но только Слесарев начал писать записку уполномоченному ОГПУ, как с крыши ударил выстрел — сигнал тревоги.

— По местам! — раздалась команда.

Пока бандиты наступали только на одном участке — против главных ворот. С истошными криками они пересекали пустырь, отделяющий кооператив от домов села.

— На испуг хотят взять! — проговорил кто-то за спиной отделкома.

Сколько бандитов наступало, разобрать в темноте было трудно. Все ближе, ближе...

— Залпом огонь! — скомандовал Слесарев.

Ударил дружный залп. За ним другой. И бандиты откатились назад, унося с собой убитых и вопивших на всю округу раненых.

— Отбили!

Вскоре отделкому доложили:

— Допризывники Заболотьев и Превохин изъявили желание пробраться в Талды-Курган и доставить пакет уполномоченному ОГПУ.

— Давай их сюда. — И когда допризывники подошли, приказал: — Этот пакет во что бы то ни стало доставьте лично в ОГПУ. От вас зависит наше спасение. Местность знаете?

— Знаем, товарищ командир.

— Так вот, сейчас с южной стороны переберитесь через дувал и вдоль реки уползайте дальше. Как идти дальше — вам виднее. До Талды-Кургана полсотни верст. Хорошо бы коней достать.

— Добудем. А как поверят нам в ОГПУ? Ведь у нас никаких документов.

— Действительно, загвоздка. И у меня нечем удостоверить донесение. Ладно, возьмите вот это, — Слесарев снял треугольник с петлицы. — Вместо печати. Другого ничего нет.

Когда добровольцы исчезли в темноте, пограничники несколько минут напряженно прислушивались к тишине. Но все было тихо. Проскочили.

И снова командование осажденного гарнизона задумалось над тем, где взять патронов. И тогда один из охотников предложил набивать порохом стреляные винтовочные гильзы и лить из имевшейся в кооперативе дроби самодельные пули. Этим и занялись в передышках между схватками. Выбивали из гильз сгоревшие капсюли, вставляли новые, насыпали порох. В кузнице на горне плавился в пустых консервных банках свинец. В специальных формах из него отливали пули. Самодельные пули решили использовать для винтовок и ружей, а фабричными снарядили единственный диск для пулемета. Его собрали пограничники, тщательно очистив детали от тавота. Пулемет установили на крыше, и, когда утром бандиты пошли на штурм, двух коротких очередей оказалось достаточно, чтобы их отбросить.

Проблема боеприпасов была на какое-то время решена. Но к концу вторых суток осады появились новые проблемы. Кончилось продовольствие: ведь почти целый поселок собрался за стенами кооператива. Пришлось есть пшеницу. Кашевар варил в общем котле зерно. Ни посолить, ни заправить это варево было нечем. Следом свалилась другая беда. Подошла к концу вода. Обычно ее привозили на повозке из речки Кзыл-Агачки. А теперь? Решили рыть траншею, чтобы пробиться к воде. И рыли, делая перерывы только когда бандиты снова кидались на приступ.

Так проходили час за часом, сутки за сутками. Осажденные отбивались и одновременно укрепляли свой бастион мешками с пшеницей, землей, вынутой из траншеи.

О затянувшемся сражении стало известно и в Талды-Кургане, и в пограничном отряде. Красноармейцы двинулись на выручку товарищам. В распоряжение пограничников прилетел самолет, который вели летчики Мазурук и Кашинский.

Когда самолет появился над Кзыл-Агачем, осажденные воспрянули духом. Сначала боялись, что краснозвездная стрекоза пролетит мимо, но после того как летчик снизился и сделал первый круг, сомнений ни у кого не оставалось: пришла помощь. Но как сообщить о своем положении? Не докричишься. И тогда написали на большом куске бязи большими буквами два слова: «Нет патронов». Именно патроны прежде всего требовались для того, чтобы держаться дальше...

Когда при следующем появлении самолета во двор упал с неба зеленый сверток, к нему бросились сразу несколько человек. Гимнастерка при ударе о землю лопнула, и все увидели золотистые, чуть маслянистые гильзы: патроны!

Но больше, чем патронам, все радовались тому, что о их положении известно командованию и, значит, час избавления близок. Через несколько часов самолет прилетел еще раз и снова сбросил патроны.

Бандиты занервничали. Ведь если появился самолет, то скоро могли появиться и красноармейские части. Главарь недоумевал: хозяева за границей говорили, что огнем восстания вспыхнут все Семиречье, Чиликтинская долина и Рудный Алтай, что к нему присоединятся тысячи восставших русских и казахов. Но если в первые дни люди еще приходили, то теперь пополнение иссякло. Хуже того, под покровом ночи многие из ранее примкнувших к банде начали разбегаться по своим аулам. Главарь кидал своих людей из атаки в атаку, но все усилия атакующих разбивались о непреклонную стойкость осажденных.

Люди держались. Но держались из последних сил, изнывая от жажды. Траншея все еще не дала результата. Надо было принимать другие меры. Но какие? Пока же из-под стен выкапывали нерастаявший грязный лед и растопляли в банках.

В эту ночь произошел случай, взволновавший всех участников обороны. Наблюдатели заметили, что со стороны речки к кооперативу пробираются какие-то люди. Их было немного, и часовые

подпустили их к самым стенам. Бойцы были готовы к любой провокации, но к кооперативу пришли дети — два мальчика и девочка. Они принесли хлеб, мясо, вареную картошку.

— Кто вас послал? — спросили их.

Выяснилось, что это жители аула решили таким образом помочь осажденным, среди которых были их родственники и друзья.

Но если дети пробрались, то почему бы не попробовать достичь реки взрослым?

Добровольцев вызвалось немало. Отобрали пять человек пограничников и местных жителей. И глубокой ночью двинулись в опасный путь.

Первая вылазка кончилась удачно. Все посланные вернулись с полными ведрами целыми и невредимыми. Но когда смельчаки отправились за «живой водой» второй раз, бандиты открыли огонь. Первым же залпом был убит допризывник Дмитрий Воронин, тащивший самое тяжелое ведро. Пограничник Поскребышев прикрыл отходящих, а потом и сам начал отходить. Почти у самой стены бандитская пуля настигла бойца, но он, раненный, добрался до двора кооператива.

А там люди жадно пили воду...

Наступили пятые сутки обороны. Они начались криками бандитов:

— Сдавайтесь, красноармейцы! Капал взят, Сарканд очищен от большевиков! Сопротивление бесполезно! Мы всем сохраним жизнь!

В ответ гремели выстрелы.

Теперь с патронами было легче. И бандиты после каждой захлебнувшейся атаки убеждались в этом.

Однако есть предел всему. Даже силам советских пограничников. К началу шестых суток силы эти были на исходе. Казалось, еще одна отбитая атака, и люди свалятся, не выдержат.

— Сдавайтесь! — кричали бандиты.

Но вряд ли они надеялись, что гарнизон, получивший патроны и уверенный, что помощь близка, сложит оружие. А в то, что захвачены Капал и Сарканд, никто не верил.

Днем на шестые сутки опять прилетел самолет. Сбрасывать патроны он не стал. Во двор кооператива упал вымпел с запиской:

«Отделком Слесарев! Продержитесь еще несколько часов. Ведем бой с бандой. Скоро с ней будет покончено. Анзигитов».

Это давал о себе знать командир маневренной группы пограничного отряда.

И вот последний бой. Начался он где-то далеко от Кзыл-Агача, в районе аулов Культабай и Сагибень. Заметались по селу бандиты. Они уже не пытались атаковать кооператив, покидая село.

— Наши! — крикнул наблюдатель с крыши. — Со стороны Пикакешки вижу буденовки!

Через десяток минут в открытые ворота кооператива на взмыленных лошадях влетели пограничники, разгоряченные боем, под командованием Головина.

Так закончилась героическая оборона Кзыл-Агача.

ДОВЕРИЕ КОММУНИСТОВ ОПРАВДАЮ

Приближался выпуск бойцов учебного эскадрона. Наконец-то была закончена и усвоена теоретическая часть программы. Правда, банды по-прежнему мешали нормальной учебе. То и дело приходилось по тревоге выезжать на тот или иной участок границы на помощь заставам или выполнять самостоятельное боевое задание по ликвидации банды и возвращении откочевки или угнанного из колхозов скота.

Даже встречу Нового, 1931 года отметили в очередном бою. Бандиты всегда выбирали для своих злодеяний праздничные дни, надеясь, что торжества притупят бдительность советской пограничной охраны. И каждый раз их ждал просчет. Воины границы, как правило, в такие дни переходили на усиленный режим охраны своих участков.

— Праздник праздником, а бдительность в эти дни должна быть десятикратной! — говорили командир эскадрона Головин и взводный Казаков. Бандиты думают, что мы горилку пьем, веселимся, про службу забыли. Пусть сунутся — дадим по зубам так — не обрадуются.

В новогоднюю ночь все вероятные пути банд и откочевок были перекрыты. Без стычек не обошлось, но они стали для джигитов с берегов Енисея обычными. А первое января отличалось от обычных дней лишь тем, что повара сварили обед повкуснее. Поздравляя друг друга с Новым годом, с новым счастьем, пограничники чокались кружками с компотом. А компот в красноармейской столовой готовили отменный. Ведь фруктов в Джаркентском Семиречье было превеликое множество. И самых разнообразных.

В один из послепраздничных дней в личное время красноармеец Черненко обратился к командиру эскадрона:

— Хочу с вами посоветоваться, Иван Семенович!

— Давай, Константин, выкладывай! — ответил комэск.

— Думаю я, Иван Семенович, о партии. Как вы думаете, примут, если я представлю рекомендацию?

— Предполагаю, не откажут. Жаль, я тоже пока не член ВКП(б) и не смогу дать тебе свою рекомендацию. Но боевую характеристику дам соответствующую. В боях ты отличаешься, в воспитании личного состава всего эскадрона, а не только своего первого взвода участвуешь активно. Это и политрук подтверждает. А в партбюро был?

— Пока еще нет. Решил сначала с вами посоветоваться, с товарищем политруком, с командиром взвода.

— Что ж, правильно делаешь. Ведь в партию принимают не за закрытыми дверями, а на открытых заседаниях партбюро отряда. Весь эскадрон может присутствовать. Скажу по секрету, я тоже решил подать заявление в ВКП(б). Недавно комиссар отряда даже упрекнул меня, что я с девятнадцатого года воюю за Советскую власть, а до сих пор не член партии. Я с ним согласен: так дальше нельзя. Я не какой-нибудь военспец из бывших буржуев, решивший признать Советскую власть и служить ей, а крестьянский сын, который за эту власть воюет с шестнадцати лет. Вот сейчас готовлюсь, Программу партии перечитываю, Устав изучаю.

— А рекомендации у вас есть?

— С этим делом в порядке.

— А у меня пока нет. Вот посоветуюсь в партбюро и обращусь к тем коммунистам, которые меня знают.

— Быстрей оформляй все бумаги, Константин. Может, выпадет нам вступать вместе. И будем мы тогда с тобой родными братьями по большевистской партии...

Секретарь бюро ВКП(б) отряда, услышав первые слова молодого пограничника Черненко, сказал:

— А я, товарищ Черненко, ждал, что вы придете ко мне. Признаюсь, члены партбюро и работники политчасти отряда давно присматриваются к вам. И не только как к умелому и храброму пограничнику, но и как к потенциальному политруку или даже комиссару. Скажу прямо: умеете вы влиять на людей, помогаете их воспитанию. И, как мне думается, любите эту работу. Оформляйте необходимые документы, пишите заявление — и ко мне. Думаю, примут вас, непременно примут. А какие у вас планы на будущее? Может быть, рекомендовать вас на окружные курсы политработников? Или вас больше привлекает командирская должность? Начнете с младшего командира, а там поучитесь в пограншколе ОГПУ, станете помощником начальника заставы, потом начальником и так далее.

— Скажу вам честно, товарищ секретарь...

— Конечно, только честно!

— Хочу я после выпуска из учебного эскадрона попасть на заставу, как все мои товарищи и земляки. Как и сейчас, рядовым красноармейцем. Я в войска ОГПУ пошел добровольно вовсе не для того, чтобы сделать какую-то военную или политическую карьеру. Само это слово мне противно по своей сути. Служить мне еще около двух лет. Постараюсь служить, как положено большевику, если, разумеется, меня примут в партию. Мне ведь еще двадцати лет нет. Ну какой из меня политработник или тем более начальник заставы? Разве могу я сравнить себя с комэском Головиным или нашим политруком? У них огромный жизненный и боевой опыт, а у меня что? Год работы в комсомоле, несколько месяцев службы в учебном эскадроне. Для настоящего политработника или командира этого мало.

— А в годы гражданской войны Фурманову не было и тридцати, когда он стал комиссаром Чапаевской дивизии!

— Знаю, товарищ секретарь. Но все-таки Фурманову было почти тридцать, зрелый возраст. Он прошел школу революционной борьбы, а я лишь помогал создавать в нашем районе ТОЗы и коммуны. Именно помогал старшим товарищам-коммунистам. Да и время тогда, когда Фурманов ушел в революцию, было другим. Мне еще многому нужно учиться. И в первую очередь — жизни. Поэтому я и стремлюсь на заставу. А там через два года будет видно, оставаться ли мне в пограничных войсках или вернуться в Сибирь, где тоже ждет большая, трудная, но необходимая работа.

— Молодец, Черненко! Хвалю за откровенность. Вот только в одном с тобой не согласен. Ты говоришь, что революция и гражданская война — совершенно другое время, не похожее на то, в котором живем мы. Революция, друг мой, имеет лишь начало и продолжение, а конца у нее нет и быть не может. Мы с тобой продолжаем революцию, защищая ее завоевания. Причем не просто с оружием в руках, а почти в непрерывных боях. Линию границы у нас можно считать линией самого настоящего фронта. Наши дети и внуки назовут время, в котором мы с тобой живем, героическим. Запомни мои слова, товарищ Черненко! И еще будут завидовать нам, честное слово!

— В это я тоже верю. Мы и сами будем гордиться временем, в которое нам выпало жить. И местом своей службы тоже.

— Хорошо, что мы поняли друг друга. О том, как ты изучаешь вопросы политики партии, ее Программу и Устав, не спрашиваю. Знаю, занимаешься политическим самообразованием с первого дня пребывания в отряде. Знаешь, кто мне первым доложил?

— Политрук эскадрона?

— Нет, наша отрядная библиотекарша! Итак, оформляй документы — и ко мне. Вполне возможно, что на одном и том же заседании мы будем разбирать и заявление вашего комэска. Вчера принес, наконец, заявление.

Вечером командир эскадрона и красноармеец Черненко встретились снова. Несмотря на различие в должностях и возрасте, разговор шел на равных. Оба готовились к важнейшему событию в своей жизни — вступлению в большевистскую партию, перед которой все равны: и рядовые, и командиры всех рангов и степеней.

— Ты, Константин, поспрашивай меня по Программе и Уставу, по текущему моменту, забудь на время, что я твой командир, — попросил Головин. — Мне ведь, признаться, недостает времени, чтобы за газетами следить, политические журналы читать. Говорю это не в оправдание себе, а так...

— Думаю, Иван Семенович, что по внутреннему положению могут спросить о ходе выполнения первой пятилетки и основных ее задачах. Ну, а по международному — о деятельности Коминтерна. Давайте вспомним крупнейшие новостройки пятилетки.

— Это я знаю. Турксиб уже построили. Есть еще Магнитострой на Урале, Кузнецкстрой в Сибири, Днепрогэс...

— А когда проходил шестнадцатый партсъезд?

— Летом прошлого года, как раз перед тем, как мы ушли в Тышканские горы громить банду Мергембая. А вот точно числа и месяца не припомню.

— Открылся он 26 июня, а закончил работу 13 июля.

— О чем говорилось на съезде, какие он принял решения, я читал.

— Волнуетесь, Иван Семенович?

— Как же не волноваться? А вдруг откажут? Какой-нибудь изъян в моей жизни найдут? Что тогда? Ведь с большевиками вся моя жизнь связана. Я ж тебе рассказывал, что сам из крестьянской семьи, от сохи, как сейчас говорят. Конечно, в штурме Зимнего не участвовал, мне тогда всего

четырнадцать лет было, да и жил я далеко от тогдашнего Петрограда. Но в комсомол вступил первым в нашем селе Охочем. Потом вовлекал в него парней и девчат из бедняков, чтобы вместе с ними бороться против богатеев. У меня такая цель: с партией большевиков и Советской властью — до победы мировой революции, до полного истребления гидры капитализма. Для этого и пошел добровольцем в Червонное казачество к товарищу Примакову. Слышал о таком?

— Читал, Иван Семенович. Герой гражданской войны на Украине.

— Герой из героев! А закончилась война, попросился я в кавалерийскую школу имени товарища Буденного, так как понимал: церковно-приходской школы, которую окончил, мало, чтобы победить мировую контру. Наш курс так хорошо учился, что выпустили нас краскомами досрочно. После школы и попал я сюда на границу, на заставу Нарынкол. А какая здесь служба, теперь ты и сам знаешь. Такой была она и в двадцать седьмом году, когда я попал в здешние края.

— А мне в партбюро предлагают после выпуска пойти на курсы политработников или младших командиров...

— Хорошее дело! Вояка или политрук из тебя добрый выйдет! А ты как сам мыслишь?

— Не знаю пока. Хочу действительную отслужить на какой-нибудь заставе, а потом уж решать, в армии мне оставаться или в Сибирь уезжать. Военной службы я не боюсь, Иван Семенович. Но вот думаю, что и у нас в Сибири люди нужны. Великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов еще в XVIII веке сказал, что могущество России будет прирастать Сибирью.

Взволнованный разговор пограничников прервала команда старшины:

— Эскадрон, выходи строиться на вечернюю поверку!

Черненко вскочил.

— Служба, товарищ боец! — уже официальным тоном сказал командир эскадрона. — Торопись в строй.

В один из февральских дней 1931 года в казарме учебного эскадрона появилось объявление о заседании бюро ВКП(б) отряда с одним вопросом в повестке дня: «Прием в ряды Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». На заседание приглашались беспартийные бойцы и командиры подразделения.

Ленинская комната не смогла бы вместить и четверти желавших попасть сюда. Поэтому решили собраться в самом большом помещении — казарме, и принесли туда все имеющиеся табуретки и стулья. И самую яркую керосиновую лампу, какая только нашлась. Стол застелили красным сукном.

К назначенному часу в казарме, как говорится, яблоку негде было упасть.

— Товарищи, приступим к делу! — сказал секретарь партбюро, когда все расселись и гомон утих. — Партийное бюро отряда решило в вашем присутствии рассмотреть несколько заявлений бойцов, младших командиров и командира вашего учебного эскадрона о приеме в ряды партии большевиков. При обсуждении заявлений вам предоставляется право высказывать свои мнения о вступающих товарищах, а также задавать им вопросы. Но голосовать будут только члены бюро. Итак, начинаем... Поступило заявление от бойца первого взвода красноармейца Черненко Константина Устиновича.

И громко огласил заявление сибиряка с просьбой принять его в партию большевиков. Затем прочел рекомендации и продолжил:

— Боевая и политическая характеристики на товарища Черненко положительные. Подписаны они командиром эскадрона и политруком подразделения. Товарищ Черненко, подойдите к нашему столу. Прошу задавать вопросы вступающему...

— Ваше нынешнее социальное положение — военнослужащий, — начал один из членов бюро. — А каково ваше социальное происхождение?

— Родился я в деревне Большая Тесь в семье крестьянина-бедняка. Значит, из крестьян по своему социальному происхождению.

— Ваши родственники сейчас колхозники или единоличники?

— Они одними из первых вступили в сельхозкоммуну, преобразованную недавно в колхоз.

— А вы лично участвовали в коллективизации?

— Только как комсомольский работник. Ездил по селам и деревням Новоселовского района, агитировал молодежь вступать в коммуны и товарищества по совместной обработке земли, а потом в колхозы.

— Подвергались ли нападениям враждебных, контрреволюционных элементов за участие в коллективизации?

Черненко вспомнил случай на собрании крестьян деревни Черная Кома. И ответил:

— Ответить на этот вопрос однозначно трудно. Лично в меня не стреляли, но однажды на собрании по раскулачиванию классовый враг выстрелом через окно сразил наповал уполномоченного крайкома партии товарища Юзупчика. Я сидел в президиуме рядом с ним. Больше такого не случилось. А угроз от кулаков и подкулачников я получал, как и все партийные и комсомольские работники и активисты, много.

— Долго были на комсомольской работе?

— Год.

— Какие партийные и комсомольские издания читаете для политического самообразования в настоящее время?

— Стараюсь быть в курсе дела всех важнейших материалов, которые печатаются в журналах «Большевик», «Под знаменем марксизма», «Коммунистический Интернационал», «Большевик Казахстана». К сожалению, других журналов в нашу библиотеку не поступает... Читаю «Правду», «Комсомольскую правду», «Бедноту». О самом интересном из прочитанного рассказываю товарищам по взводу и эскадрону.

— Ясно. Есть еще вопросы? Если нет, прошу высказываться. Предлагаю первым заслушать командира учебного эскадрона товарища Головина. Расскажите, Иван Семенович, коротко о своем бойце.

— Что я могу добавить? — поднялся с места комэск. — Константина Черненко хорошо знают не только в эскадроне, но и во всем отряде. В смысле боевой учебы я всегда его ставлю в пример другим, хотя хороших бойцов у нас много, а плохих... плохих нет вообще. Лично товарищ Черненко участвовал почти во всех боях с бандами, которые вел наш эскадрон, и показал себя в них смелым воином, хотя трусов в эскадроне нет и не может быть. Ведь мы же чекисты! Грамотный он в политике, слов нет. Но самое хорошее то, что Константин помогает разбираться в политике и другим товарищам по эскадрону, беседует с ними в личное время, помогает политруку проводить плановые беседы по партмассовой программе. Вот коротко и все.

— Разрешите мне сказать пару слов? — поднял руку Петр Жуковский.

— Пожалуйста! — разрешил секретарь партбюро.

— Я за Костю, то есть за товарища красноармейца Черненко, скажу так: ему самое место в нашей большевистской партии. Он в политике кого хочешь за пояс заткнет, а в смысле службы или там боя с бандой — всегда впереди. Я вот тоже думаю в партию подать, не хочу от Кости отставать... Вот и все.

Как своего первого помощника в политическом воспитании личного состава эскадрона охарактеризовал Черненко политрук подразделения. Больше выступающих не оказалось.

— Какие будут предложения у членов партийного бюро?

Именно этого момента с напряжением и душевным волнением ждал молодой пограничник. К этому моменту он стремился всей душой еще в школе, когда только вступил в комсомол. Мечтал о партии и в Новоселове, на комсомольской работе. Вполне вероятно, что свою мечту он осуществил бы и на берегах Енисея, если бы не решил добровольно пойти на военную службу. Но тем почетнее стать коммунистом здесь, после того как узнал запах сгоревшего пороха, где не раз слышал свист бандитских пуль у виска.

Ни одного плохого слова не сказали о нем товарищи при обсуждении заявления. Казалось бы, у членов партбюро отряда не может быть причин, чтобы отказать в приеме, но все же, когда настал решительный момент, у Константина замерло сердце.

— Есть предложение принять красноармейца Черненко Константина Устиновича в ряды ВКП(б), — сказал один из сидевших за красным столом членов бюро. — Достойный товарищ.

— Есть другие предложения?

— Нет. Голосуй, секретарь.

— Кто за то, чтобы принять товарища Черненко в ряды нашей партии, прошу голосовать членов бюро. Так. Против? Воздержавшиеся есть? Нет? Решением бюро товарищ Черненко единогласно принят в ряды Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), с чем и поздравляю Константина Устиновича.

— Спасибо, товарищи! — взволнованно ответил Константин. — Доверие коммунистов оправдаю.

— Мы верим в это. Садитесь, товарищ Черненко... В партийное бюро поступило заявление командира учебного эскадрона Головина Ивана Семеновича с просьбой принять его в большевистскую партию. Сейчас я зачитаю заявление, анкету и рекомендации, а потом товарищи члены бюро и другие присутствующие смогут задать вступающему вопросы, высказать о нем свое

мнение. Ивана Семеновича мы прекрасно знаем, но порядок есть порядок. Товарищ Головин, подойдите ближе к столу!

После того как были оглашены необходимые документы, секретарь снова обратился к комэску:

— С вашей биографией, Иван Семенович, члены бюро знакомы. Только есть один вопрос: почему вы так долго не подавали заявление в партию? Служите в нашем отряде с двадцать седьмого года, были помощником начальника заставы Нарынкол, командовали курсантским взводом, учебным эскадронам, не раз отличались в боях с бандами, доказали свою преданность партии и Советской власти, а вот подать заявление что-то не решались. Не думаю, чтобы у вас, Иван Семенович, были какие-то сомнения или колебания в проведении генеральной линии партии, поскольку вы сами проводили ее в жизнь в боях, каждый день рискуя во имя этого жизнью собственной.

Головин поднялся со стула:

— Я, товарищи члены бюро, никогда не сомневался в правильности политики партии и, будучи беспартийным большевиком, боролся за проведение ее генеральной линии не только с махновцами, белогвардейцами, бандитами и басмачами, но и с троцкистами, когда учился в кавшколе имени товарища Буденного. Стать коммунистом — моя давнишняя мечта. Еще с того дня, когда мне, шестнадцатилетнему, вручили комсомольский билет вместе с трехлинейкой. А не решался я потому, что считал себя не готовым быть настоящим партийцем. Я честно воевал в гражданскую, стараюсь честно воевать и сейчас...

— Это мы знаем! — согласился секретарь партбюро. — А дальше?

— Так ведь для настоящего партийца мало уметь шашкой махать и из маузера палить в бандитов. С грамотой у меня не все в порядке. Я ведь только церковно-приходскую школу кончил, а потом стал родителям по хозяйству помогать.

— А кавшкола? — спросил кто-то из членов бюро.

— Так там в основном военному делу учили. Ну, конечно, и политграмоте. Но для партийца этого мало. Я ж должен своих бойцов не только в атаку водить, но и политический текущий момент им разъяснить. Занился самообразованием. Стал лучше разбираться во всех вопросах. Конечно, до политрука, а тем более комиссара, мне еще далеко. Но решил, что продолжу свою политическую учебу еще лучше, если сам стану партийцем. Вот и написал заявление. Если окажете доверие, всей своей жизнью оправдаю его. Понял я, что дальше вне партии быть мне нельзя.

— Правильно понял, Иван Семенович!

— Боевую и политическую характеристики на командира учебного эскадрона Головина Ивана Семеновича начальник отряда и комиссар дали положительные. Думаю, что нет надобности оглашать их, так как все мы, члены бюро, да и все присутствующие здесь товарищи хорошо знаем, как организует службу и учебу в своем подразделении Головин, как воевал и воюет с бандами.

— Знаем! — слышалось из разных мест. — Головин нас в бой водит!

— Поведай-ка нам, Иван Семенович, как ты успеваешь еще и самообразованием заниматься? — спросил один из членов партийного бюро. — Ведь что ни день, то боевая тревога. Да и всегда ты если не с эскадронам, то в штабе. Молодая жена, небось, недовольна...

По казарме раскатился легкий смешок. Почти все присутствовавшие знали и про прерванную бандой свадьбу, и про то, что Головин сутками частенько не бывает дома вообще, что до отбоя в гарнизоне не покидает военного городка.

— Трудно, конечно. Бывает, придешь домой поздно, возьмешься за книжку или там за газету, а глаза слипаются, буквы прыгают. Но беру себя в руки, читаю, выписки делаю в особую тетрадь. Ну и стараюсь присутствовать на каждом политзанятии, что политрук в эскадроне проводит. Детекторный приемник дома завел. Встаю пораньше, чтобы до ухода на службу успеть послушать последние новости. Это, конечно, когда на участке спокойно. А когда бой, да еще затяжной, не до чтения и радио.

— Значит, в бою перед противником демонстрируешь свое возросшее политическое сознание? — спросил секретарь партбюро.

— Выходит, что так...

— Тогда еще один вопрос, Иван Семенович. Как выполняются решения шестнадцатого съезда ВКП(б) в области индустриализации страны?

— Прежде всего полным ходом идет строительство Сталинградского и Харьковского тракторных заводов, Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов, автомобильных заводов в Нижнем Новгороде и Москве, других гигантских заводов...

— А у нас, в Казахстане?

— Строятся Балхашский медеплавильный завод — крупнейший в стране, цинковый завод в Риддере, шахты в Караганде...

— Что ж, Иван Семенович, знаешь положение дел в промышленности. Есть еще вопросы к вступающему? Если нет, то кто хочет сказать о нем?

Сразу взметнулся лес рук. Если бы партийное бюро решило заслушать всех желающих, то заседание затянулось бы на много часов.

После выступлений политрука эскадрона, командиров взводов и одного из бойцов секретарь партбюро сказал:

— Думаю, что достаточно. Все выступавшие характеризуют Головина как человека, достойного носить высокое звание партийца. Поступило предложение принять его в ВКП(б). Другие предложения есть? Нет? Тогда голосуем... Единогласно! Поздравляю, Иван Семенович!

После собрания Черненко пробился к своему командиру:

— Рад за вас, Иван Семенович!

— Спасибо, Константин Устинович! — Головин крепко пожал руку Константину. — И тебя от души поздравляю. Теперь с нас двойной спрос.

— Не двойной, а тройной, товарищ комэск. Теперь можно низовую партячейку создавать в эскадроне.

— Что ты, Костя! Ведь вот-вот выпуск. И не станет до следующей осени учебного эскадрона.

— А вы куда?

— Так я ведь числюсь начальником погранзаставы Алтынкуль. Вот провожу этот выпуск, съезжу с Клавой на Украину, покажу ей свою родину. А вернусь — приму заставу.

Головин не был на родине больше двух лет: не позволяла оперативная обстановка. Почти все командиры не получали отпусков ни в 1929, ни в 1930 году. Постоянно в боях. За первое десятилетие своего существования личный состав Джаркентского пограничного отряда уничтожил более ста пятидесяти крупных бандитских антисоветских формирований. Именно уничтожил, а не рассеял или разгромил частично. Львиная доля этих боев пришлось на 1927—1930 годы.

— А куда направят после выпуска учебного эскадрона нашего взводного и его помощника Ивана Лушника? — поинтересовался Черненко.

— Казаков вернется на свою заставу помощником начальника, а вот Ивана Лушника, скажу тебе по секрету, командование решило направить на курсы оперативных уполномоченных в Алма-Ату. Он местный, прекрасно знает уйгурский и казахский языки, обычаи, людей чуть ли не во всем Семиречье. Вернется, будет работать в местных органах ОГПУ. Конечно, командованию жаль терять такого человека. Но делается это в интересах службы. Местные чекистские органы надо укреплять не только за счет присланных из других мест, а главным образом местными кадрами. Лушник в нашем отряде прошел хорошую боевую школу. Она пригодится ему и на оперативной работе в органах.

— А меня на какую заставу, если не секрет?

— Не знаю, Костя, честное слово, не знаю. Наши кадровики еще не начали распределения красноармейского состава по подразделениям.

— Мне бы потрудней заставу, Иван Семенович. Не терпится доказать, что в партию меня приняли не зря.

— Так ведь, Константин, у нас в отряде есть заставы ближние и дальние, а легких нет ни одной. Это я в смысле оперативном, боевом. Но ежели говорить об условиях жизни, то самая трудная — Алтынкуль. Личному составу там пока и жить негде.

— Мне бы к вам на Алтынкуль попасть, — высказал свое желание Черненко.

— Красноармеец места службы не выбирает, как, впрочем, и командир любого ранга. Куда направят, туда и пойдешь служить. Тем более, что ты стал партийным. Твою судьбу будут решать не только кадровики из строевого отдела, но и в политчасти. Пока на заставах не так много партийцев. И каждый из них на особом учете в политчасти и партбюро. Ведь теперь ты не только боец погранохраны ОГПУ, но и боец партии.

— Понимаю, Иван Семенович. Но хотелось бы еще под вашим началом послужить. Ведь это вы и Лушник сделали из меня пограничника за такой короткий срок.

— Учили как могли. Да ты и сам старался. Что касается сроков, то тут главную роль сыграли не мы.

— А кто же?

— Оперативная обстановка. А если попроще, то разные Мергембаи, Дары, Имамбековы и прочие агенты гидры капитализма — вожаки банд, с которыми нам пришлось и еще придется воевать, как на фронте.

Не сказал командир эскадрона своему питомцу, что и сам просил в строевой части отряда при распределении направить красноармейца Черненко на заставу Алтынкуль, но ему ответили, что этот вопрос будет решаться в политчасти отряда, поскольку Черненко к тому времени станет партийцем. В политчасть со своей просьбой идти Иван Семенович не решился...

22 марта 1931 года начальник отряда подписал приказ № 81 о направлении на заставы и в другие подразделения для дальнейшего прохождения службы бойцов учебного эскадрона. В тот же день приказ был оглашен на общем построении. Другьям и землякам предстояло расставание.

Свою судьбу Константин Черненко узнал за несколько дней до издания этого приказа. Его вызвал ответственный секретарь партийного бюро отряда Иван Григорьевич Евминов и спросил:

— Ну как жизнь, товарищ Черненко? Не изменили своего желания поехать именно на заставу, да еще самую трудную?

— Хотелось бы на Алтынкуль...

— С Головиным расставаться не хочется? Понимаю, командир и старший товарищ он замечательный. Да и сам он в строевом отделе за тебя просил. Если бы ты был беспартийным, то командованию было бы в принципе все равно, куда тебя направить: хорошие пограничники нужны повсюду. Но ты коммунист. Застава Алтынкуль еще не сформирована. Фактически там пост заставы Хоргос. Вот на Хоргос и решили направить тебя политчасть и политотдел отряда.

— Так ведь это совсем рядом! Самая легкая застава.

— Почему ты так думаешь? Разве там пограничники чаи гоняют, а не с бандами воюют?

— Не думаю я так, товарищ секретарь! Знаю, что воюют. И не меньше, чем другие заставы. Но Хоргосу всегда может помочь отряд своими резервами, а тому же Нарынколу или Лепсинской — не всегда. Там приходится в большинстве случаев своими силами отбиваться.

— Правильно. Но на те заставы мы и больше людей посылаем. Но суть в другом. На Хоргосе мы будем рекомендовать тебя избрать секретарем объединенной комсомольской ячейки заставы и контрольно-пропускного пункта. Это два самостоятельных подразделения, имеющие своих командиров: на заставе — Аржановского, на КПП — Рудниченко. Подразделения выполняют разные задачи, но дислоцируются в одном месте. Создавать там две комсомольские ячейки, дробить силы нет резона. Нужна одна, но боевая ячейка, которую тебе и предстоит возглавить. Кроме того, надо будет создавать комсомольскую ячейку на Алтынкуле. Бюро ВЛКСМ отряда поручит это дело тебе. Ведь ты, как кавалерист заставы Хоргос, будешь часто встречаться на стыке с заставой Головина, взаимодействовать со своим правым соседом. Так что с Головиным будешь видаться часто. Это я тебе обещаю.

— Хорошо.

— Но и это еще не все. В Хоргосе немало русского населения, да и многие уйгуры хорошо владеют русским языком. Джаркентский райком комсомола просит направить в Хоргос хорошего комсомольского организатора, чтобы помочь укреплению сельской территориальной комсомольской ячейки. Будешь укреплять связи заставы и КПП с местным населением, поможешь в налаживании агитационно-пропагандистской работы. Опыт в этом отношении у тебя есть еще по Сибири, а в местной обстановке ты уже разбираешься хорошо. Это поможет и укреплению дружбы с местным населением, вовлечению в коммунистический отряд по охране границы новых членов из числа комсомольских активистов.

— Ясно, товарищ секретарь!

— Ну, а если ясно, жди приказа о назначении на Хоргосскую заставу. И готовься к большой работе не только в седле и не только шашкой, винтовкой или твоим любимым ручным пулеметом, но и головой.

— Постараюсь, товарищ Евминов.

— Уверены в тебе, поэтому и посылаем на Хоргос. Кстати, на комсомольскую работу будут рекомендованы и некоторые твои земляки. Фамилий пока называть не буду.

И вот приказ оглашен. Всем стало ясно, кому где служить и что встречаться придется нечасто. От Лепсинской до Сарканда — шестьдесят километров, а оттуда до Арасана — еще столько же. Это на левом фланге. А если земляки попали на разные фланги участка отряда, то вообще не было никаких надежд увидеться.

Сибиряки не могли знать при распределении, что вскоре произойдет реорганизация пограничной охраны в Казахстане, и все направленные на левый фланг окажутся сначала в отдельной, подчиненной округу, Лепсинской комендатуре, а потом — в составе Бахтинского пограничного отряда. И встретятся они лишь дома, на берегах Енисея. А на память о совместной службе в учебном

эскадроне Джаркентского пограничного отряда у них останется одна фотография, сделанная после объявления приказа о назначении на заставы.

На фотографии бывшего первого взвода в центре — комэск с тремя кубиками на петлицах. Рядом с ним — взводный Казаков с двумя кубиками. Позади командиров стоит смуглый, обветренный, чуть скуластый молодой пограничник. Это Константин Устинович Черненко. Старая фотография — память о боевой молодости.

Хоргос от Джаркента — тридцать километров по старинному Кульджинскому тракту. Автору не раз доводилось ездить по нему через много лет после войны. Широкое, обсаженное пирамидальными тополями шоссе словно многокилометровая аллея. Журчит летом вода в придорожных арыках. А за тополями — бескрайние поля кукурузы, сады. Это земли колхоза «40 лет Октября», много лет возглавляемого ветераном границы, бывшим старшиной погранзаставы Хоргос, дважды Героем Социалистического Труда Николаем Никитичем Головацким, человеком, известным всей стране высокими урожаями зерновых, особенно кукурузы на поливных землях. Вода для полива берется из пограничной реки Хоргос, той самой, на берегах которой нес службу кавалерист, красноармеец и комсомольский вожак заставы Константин Устинович Черненко.

После Великой Отечественной войны неузнаваемо изменились эти места. И все же память о прошлом живет. Здесь нередко можно встретить человека, который служил в далекие теперь тридцатые годы в пограничном отряде. Боевая закалка на границе помогла недавним бойцам и в годы войны. Среди защитников Москвы, служивших в восьмой гвардейской стрелковой дивизии под командованием легендарного генерала Ивана Васильевича Панфилова, были и бойцы бывшего Джаркентского пограничного отряда.

А в начале тридцатых годов Кульджинский тракт был узким, пыльным почти в любое время года, так как снег в южном Семиречье зимой держится недолго.

Пыльным был он и в конце марта 1931 года, когда из Джаркента в Хоргос ехали по нему пограничники на пополнение заставы и контрольно-пропускного пункта. Среди этого пополнения был и красноармеец Черненко. Дорога была ему знакома. По ней он десятки раз под командованием Головина или взводного Казакова скакал на выполнение очередного боевого задания, а потом возвращался после боя.

С историей этой старейшей пограничной заставы Константин Черненко познакомился еще в учебном эскадроне. Поставлена она была вскоре после заключения 12 февраля 1881 года договора, который уточнил линию государственной границы между Россией и Китаем. В Семиречье в начале тридцатых годов еще жили бывшие царские солдаты топографической службы, занимавшиеся в свое время установкой пограничных знаков на линии границы.

Они-то и рассказывали пограничникам, как это все происходило.

На Кульджинском тракте в селе Хоргос была выстроена укрепленная и вполне надежная по тому времени крепость. Обе ее башни с бойницами были обращены в сторону границы. Внутри крепости были оборудованы артиллерийские позиции. В случае необходимости это фортификационное сооружение могло противостоять большим силам противника хотя бы до подхода подмоги из Джаркента, где дислоцировались два стрелковых и два кавалерийских казачьих полка регулярной армии.

Вероятным противником хоргосцев были не соседи-китайцы и не уйгуры из провинции Синцзян. Англия и Турция давно зарились на богатые земли Туркестана, в том числе и Семиречья. Они хотели если не захватить Джетысу, то хотя бы распространить свое влияние на него. Хоргосская пограничная застава должна была не только противостоять врагу, но и бороться с ростом такого влияния. Бороться в том числе и с контрабандой.

Но в борьбе с контрабандистами царская пограничная стража явно не преуспевала. Среди таможенников процветало взяточничество, благо контроля за русской и китайской пограничной стражей из-за отдаленности от центров практически не было.

Само собой разумеется, что в обстановке полной бесконтрольности и взяточничества с обеих сторон вместе с контрабандистами в Россию могли проникнуть, да наверняка и проникали, агенты разведок всех стран, заинтересованных в получении информации из глубины России. Так же свободно могли они с этими сведениями уйти за кордон, в Кульджу, где сидело множество резидентов самых различных спецслужб от английской и кайзеровской до японской.

В октябре 1917 года в России свершилась социалистическая революция. Но в Семиречье борьба за установление Советской власти шла до начала 1920 года.

В Джаркенте она была провозглашена в марте 1918 года, но после белогвардейского переворота Туркестан, включая Семиречье, долгое время был отрезан от революционной России.

28 ноября 1919 года командующий Туркестанским фронтом Михаил Васильевич Фрунзе подписал приказ о подготовке военных операций по освобождению Семиречья от белогвардейских

банд. Одна за другой под напором частей Красной Армии падали белогвардейские твердыни. 24 января 1920 года над крепостью в Хоргосе было поднято красное знамя. На этот раз навсегда.

Все, что происходило на этом участке границы в двадцатые — начале тридцатых годов, было по сути дела продолжением гражданской войны. Только несколькими иными средствами.

Первое время государственную границу в Семиречье охраняли части Красной Армии, освобождавшие эти края. Но уже в 1921 году здесь были выставлены особые пункты ВЧК. По приказу ОГПУ 21 января 1924 года был сформирован седьмой пограничный отряд со штабом в Алма-Ате. А 24 апреля того же года была создана Хоргосская пограничная застава Джаркентской комендатуры.

Такие сведения Черненко, как и другие бойцы учебного взвода, получил на занятиях по политической подготовке при изучении боевых традиций отряда.

Потом, пятьдесят лет спустя, 23 февраля 1984 года Константин Устинович Черненко пришлет командованию Восточного Краснознаменного пограничного округа телеграмму: «Сердечно поздравляю вас, личный состав с шестидесятилетием образования округа. Искренне желаю крепкого здоровья, счастья, успешной службы по защите границ нашей социалистической Родины».

А в августе 1979 года, за пять с половиной лет до этого знаменательного события, он сам побывает в Семиречье, в местах, где прошла его боевая молодость. И вручит прославленному пограничному отряду орден Красного Знамени. Посетит и ту заставу, служить на которую ехал мартовским днем 1931 года.

К этому событию в жизни отряда и заставы мы еще вернемся...

Кони шли резво и споро. Миновав аул Верхний Пенджим, группа молодых пограничников въехала в село Хоргос, застроенное глинобитными и саманными домиками. Крепость на их фоне казалась весьма примечательной. Особенно две башни, которые старшина давно приспособил под хозяйственные нужды.

Во дворе крепости пополнение встретили начальник заставы Аржановский и начальник контрольно-пропускного пункта Рудниченко.

Отделенный командир, сопровождавший пополнение, доложил о прибытии без происшествий в пути.

— Ба, знакомые все лица! — воскликнул Рудниченко, который со своими бойцами не раз взаимодействовал сразу со всем учебным эскадром Головина или с отдельными взводами, в том числе и первым.

В партийном бюро Черненко сказали, что застава и КПП — два самостоятельных подразделения, выполняющие разные задачи. Теоретически это было правильно. Личный состав заставы охранял конкретный участок государственной границы. Бойцы и командиры КПП следили за соблюдением действующих законов при переходе и переезде границы в обе стороны. Вместе с таможенниками они досматривали перевозимые транспортом грузы, проверяли документы пересекающих границу и так далее. Но в напряженной обстановке тридцатых лет пограничникам КПП частенько приходилось вместе с воинами заставы, маневренной группой и учебными подразделениями отряда вступать в вооруженные схватки с «пересекающими границу» не у моста через пограничную реку, а там, где были обнаружены банды или откочевки.

Но если пограничники контрольно-пропускного пункта прекрасно знали, чем занимались на заставе, то бойцы заставы о работе КПП были осведомлены куда меньше.

Разумеется, в учебном эскадроне курсантов теоретически знакомили с задачами контрольно-пропускного пункта. Но только теоретически. Обстановка в те месяцы учебы не позволяла познакомиться с работой КПП на практике.

Константин Черненко, как и его товарищи по эскадрону, знал, что через КПП Хоргос за кордон и из-за кордона везут товары, которые наша страна импортировала из Синцзяна и экспортировала в Китай. Знал, что под руководством Наркомата внешней торговли «Совсинторг» вел товарообмен с провинцией Синцзян через советские пограничные пункты Вахты и Хоргос и частично через пристань Дубуньскую на реке Или. Но как была организована торговля, какие товары экспортировались, а какие ввозились через Хоргос из Кульджи, Черненко не знал. И решил непременно узнать в самое ближайшее время.

Мало ему было известно и о провинции Синцзян, о хозяйстве, населении, взаимоотношениях народностей, ее населяющих, мере зависимости от собственно Китая. Он знал лишь, что на сопредельной стороне — логово бандитов-антисоветчиков всех мастей и что власти Синцзяна не

препятствуют этому. Но хотелось знать куда больше. И для себя, и для проведения политико-воспитательной работы в комсомольской ячейке и среди местной гражданской молодежи.

Но на первом плане, конечно же, оставалась служба по охране государственной границы.

Начальник заставы встретил Константина приветливо.

— Ты, парень, показал себя неплохо у Головина. Он мне рассказывал. Да и сам я видел тебя в бою. Участок, особенно на правом фланге, ты знаешь хорошо. И хотя обычно новички у нас начинают с младших наряда, для тебя хочу сделать исключение. Надеюсь, не подведешь.

— Не подведу, товарищ командир! — ответил молодой пограничник. — Участок я действительно знаю. Только вот с тактикой действия наряда, дозора и так далее вплоть до дежурного по заставе и часового знаком только теоретически. И мне бы не хотелось, чтобы для меня делалось исключение. Пусть хоть на первое время меня посылают в наряд и дозор младшим.

— Что ж, — ответил, подумав, Аржановский, — в этом есть свой резон. Согласен.

Через несколько дней состоялось собрание комсомольцев заставы и контрольно-пропускного пункта. Черненко по рекомендации ответственного секретаря комсомольского бюро отряда был единогласно избран секретарем ячейки.

— С чего начнешь, Костя? — спросил отсекр у вновь избранного комсомольского вожака.

— Со службы. Надо получше изучить участок, перенять опыт тех, кто давно служит на Хоргосе.

— Неужели ты не знаешь участка? Ведь сколько раз выезжал сюда на полевые занятия и на помощь заставе.

— Так я ж не один и не вдвоем выезжал, а под командованием Головина или взводного Казакова. А в наряде придется действовать вдвоем-втроем.

— Разве Головин и Казаков не учили вас этому?

— Учили. Но теоретически. Практически больше действовали взводом или всем эскадроном. Так что я ничем не лучше новичка.

— Что ж, тебе виднее, — согласился отсекр.

— И еще хочу в свободное время изучить службу на КПП. Как же я буду работать с комсомольцами-контролерами, если о их делах знаю только понаслышке? А секретарь ячейки, да еще партиец, должен знать службу лучше других. Иначе откуда у него авторитет возьмется?

— Тоже правильно!

Прощаясь, отсекр напомнил:

— Не забывай и местную гражданскую молодежь.

— Не забуду и об этом. Но сначала надо войти в заставскую семью. Потом буду знакомиться с местными товарищами.

— Желаю успеха!

— Спасибо!

— В случае чего, звони, советуйся.

— И вы меня не забывайте!

— Не забудем! — И вождь комсомольцев Джаркентского пограничного отряда крепко пожал руку молодому секретарю комсомольской ячейки.

Так началась пограничная служба Константина Черненко на заставе Хоргос. Он быстро изучил охраняемый участок, и скоро сам стал возглавлять наряды и дозоры. На его счету появились первые задержанные нарушители границы. Правда, это были в основном жители Семиречья, не знавшие, что переходить границу без соответствующего разрешения нельзя. Обыкновенные труженики. Не шпионы и не контрабандисты. Но для пограничника любой человек, нарушивший границу, требовал проверки. Ведь под личиной заблудившегося чабана или жителя аула, пошедшего за кордон на свидание со своими родственниками, мог скрываться и шпион, и диверсант, и агент банды. Любой нарушитель должен быть задержан и препровожден на заставу, где с ним разбирались местные органы ОГПУ.

Случались и вооруженные стычки с мелкими бандами. И тогда на заставе на помощь наряду поднимали «в ружье» тревожную группу. Стычек с крупными бандитскими формированиями в первые дни службы Черненко на заставе не было.

В свободное время Константин направлялся на КПП. Канцелярия и казарма контрольно-пропускного пункта располагались в той же крепости. Начальник КПП Рудниченко и другие товарищи знакомили комсорга со спецификой службы, с методикой досмотра грузов, перевозимых через границу, и имущества тех, кто пересекал ее на вполне законном основании. Ведь контрабандистами могли оказаться и водители транспорта «Совсинторга», и реэмигранты из Синцзяна, и другие граждане. Были зафиксированы попытки ввоза в нашу страну и антисоветской

литературы, листовок той же пресловутой «Всероссийской крестьянской партии» и ее «черной армии», пропагандистских материалов националистической организации Алашорда, главари которой тоже сидели в Синцзяне на иждивении империалистических спецслужб.

Листовки недобитых колчаковцев и анненковцев были напечатаны на русском языке, но с дореволюционной орфографией: «ером» и буквой «ять». Буржуазные националисты издавали свою «продукцию» арабской вязью.

Но куда чаще эта антисоветчина попадала в Семиречье другим путем. Ее везли бандиты, направляемые через кордон тайными тропами.

Когда девятнадцать пограничников заставы наголову разгромили банду бывшего казачьего есаула Дягилева, у захваченных бандитов нашли немало листовок «Всероссийской крестьянской партии», подписанных ее «вождями»: ярыми антисоветчиками, бывшими колчаковцами Вяткиным, Попенгутом, Саяновым, вышвырнутыми из Советской России. Впоследствии, когда эти «вожди» были схвачены и обезврежены, выяснилось, что все они состояли на службе «Интеллидженс сервис», а фактическим хозяином и «партии» и «армии» был английский вице-консул в Синцзяне Вотс.

Однажды, когда на заставу в очередной раз приехал комсомольский отсекр, Черненко поинтересовался:

— Скажи, а где найти какую-нибудь литературу о современном Синцзяне?

— Не к отпочковке ли хочешь примкнуть? — пошутил тот.

— Хочу знать, что это за страна, чем занимаются ее жители.

— Не видишь разве, что бандитизмом! — ответил отсекр.

— Бандитов — сотни, ну, тысячи. А население занимается мирным трудом, как и во всякой другой стране. Ведь есть же какая-то справочная литература в политчасти. Если можно, найди и пришли мне с попутчиком.

— Вряд ли...

— Тогда хотя бы в энциклопедии обязательно должна быть хоть небольшая справка о Синцзяне!

— Хорошо, посмотрю и у нас, и в отрядной библиотеке.

— Не забудь! И как можно скорее.

— Договорились. С местными налажил связь?

— Понемножку налаживаю. Ходил знакомиться в клуб. Молодежи немало, но что-то скучновато. Не то, что в клубах у нас, в Сибири! Там и комсомольские диспуты, и споры о прочитанных книгах, и беседы на самые различные темы. А здесь посмотрели кинопередвижку и разошлись по домам.

— Вот и организуй молодежь. Готовь диспуты, читательские конференции...

— А кто за меня службу на границе нести будет? Пушкин?

— Ну при чем тут Пушкин? — не понял комсомольский секретарь.

— А при том, что много сделать я там просто не смогу, хотя, конечно, попробую помочь сельской ячейке. А материал по Синцзяну ты мне все-таки подбери.

Через несколько дней начальник заставы, ездивший в отряд по делам службы, привез комсору седьмой том Малой Советской энциклопедии. Его страницы еще пахли свежей типографской краской. Название было оттиснуто серебром на первой странице синей коленкоровой обложки и на корешке переплета. Начинался том со слова «прямая» и заканчивался «скулами». Пролистав страницы, Черненко обнаружил сразу две очень нужных ему статьи: «Семиречье» и «Синцзян». Правда, обе были не так велики по объему, но кое-какие важные сведения, особенно по сопредельной стороне, они содержали.

Хотелось начать знакомство с энциклопедией немедленно, но подошло время заступать в наряд, и времени на чтение статей не оставалось. Пришлось, вздохнув, на время отложить том в сторону...

— Приказываю выступить на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик! — прозвучали слова приказа начальника заставы. — Вид службы — дозор до стыка с соседней заставой. В случае обнаружения нарушения границы принять меры к преследованию нарушителей. Если наряд обнаружит банду, то младший наряда немедленно сообщает об этом на заставу, а старший принимает меры к ее остановке. Старший наряда — красноармеец Черненко.

Черненко, как положено, повторил приказание, и через две минуты оба пограничника на рысях помчались по правому берегу Хоргоса на юг, в пески, граничащие с зарослями камыша.

На стыке с заставой Алтынкуль Черненко и его напарник встретили пограничников — правых соседей. Съехались, поздоровались.

— Иван Семенович Головин еще не вернулся из отпуска? — поинтересовался Константин.

— Ждем. Только вот жить у нас ему с семьей будет негде. Все мы пока ютимся в сарае, переоборудованном в казарму. Пол каменный, а мошкары — тьма. Круглые сутки жжем костер прямо на полу у входа, отпугиваем мошкар, иначе не заснешь, как бы ни устал на службе. Невозможно представить, куда Головин поселит жену. Да ведь, говорят, она еще и ждет ребенка. Разве можно там жить с новорожденным?

— Иван Семенович говорил перед отъездом, что поселит жену в Хоргосе, снимет комнату у местных.

— И правильно сделает.

— А как на участке? Спокойно?

— Сегодня тихо. А вчера банда хотела переплыть через Хоргос, да ее вовремя обнаружили. Открыли огонь. Отогнали бандитов обратно.

— Откочевок не было?

— Уже неделя, как тихо. И когда только на границе тишина наступит? Замирение хоть бы какое с этими бандами сделать...

— Замирение с классовым врагом невозможно. — Константин хотел добавить головинское «с агентами гидры капитализма», но воздержался. Поговорив еще немного о том о сем, наряды разъехались в разные стороны. Через два-три часа Черненко докладывал помощнику начальника заставы:

— Во время несения службы на границе нарушений не обнаружено.

— И следов подозрительных не заметили?

— Кажется, нет.

— Пограничнику ничего не должно казаться. Он должен уметь читать следы, как письмо от невесты или матери. И даже еще лучше.

— Ясно, товарищ командир!

Надо признать, что в учебном взводе бойцы практически не учились искусству следопытов, и теперь Константину приходилось наверстывать упущенное. Это было крайне нужно. Ведь в те годы на заставах не было ни служебных собак (они появились в середине тридцатых годов), ни тем более инженерных заграждений.

Читать следы молодой пограничник учился у своих товарищей по оружию. На Хоргосе были опытные следопыты, и Черненко старался с их помощью достичь настоящего мастерства. Иначе какой же он комсомольский вожак и коммунист!

А в свободное время комсорг со всей старательностью штудировал статьи из энциклопедии о Семиречье и сопредельном Синцзяне.

Статья о Синцзяне по объему была невелика, но очень емкая по содержанию. Из нее Константин узнал, что Синцзян — автономная провинция Китая, отрезанная от него пустыней Гоби. Территория — 1425 тысяч квадратных километров, население — три миллиона двести тысяч человек. В основном уйгуры, казахи, дунгане, узбеки, киргизы, таджики и другие народности мусульманского вероисповедания. Китайцев мало, но государственный язык — китайский. И китайцы занимают все важные государственные посты. От центра провинции Урумчи до ближайшей железнодорожной станции Китая — две с половиной тысячи километров. Основа хозяйства — земледелие на орошаемых землях и скотоводство. Все посевные площади не достигают и миллиона гектаров. Оросительная система развита слабо. Лишь в Кашгарии, где сосредоточены две трети посевных площадей Синцзяна, сельское хозяйство развито значительно больше, чем в других районах. Если в целом по Синцзяну в среднем на хозяйство приходится меньше одного гектара посевов, то здесь — от 6 до 18 гектаров. В той же Кашгарии развито садоводство.

Что касается животноводства, то оно находится в лучших условиях, нежели зерновое хозяйство, благодаря обилию лугов, в том числе и горных, альпийских. В частных хозяйствах имеется от 8 до 15 миллионов голов мелкого скота, полтора миллиона голов крупного рогатого скота, 650 тысяч лошадей, 50 тысяч верблюдов.

Очень слабо развитая промышленность практически никакой роли в экономике Синцзяна не играет, хотя в недрах края обнаружены промышленные запасы угля, нефти, железные, свинцовые и оловянные руды, даже золото. Но разработка этих месторождений ведется примитивным кустарным способом. Относительное развитие получила лишь легкая промышленность: производство хлопчатобумажных и шелковых тканей, ковров, кожи.

К сожалению, статья в энциклопедии ничего не говорила о политическом положении на сопредельной стороне, о борьбе трудящихся за свои права, о решении национального вопроса. А это очень интересовало Черненко.

Из книги он почерпнул кое-какие сведения о внешней торговле провинции, но решил, что более подробные и, главное, самые последние данные он сможет получить у старых таможенников, с которыми нужно было обязательно познакомиться поближе.

Такое знакомство и разговор очень скоро состоялись. И оказались очень полезными для молодого пограничника. Как много нового узнал он о жизни наших соседей там, за кордоном!

— Очень отсталый край, этот Синцзян — говорил Константину пожилой таможенник. — И в хозяйственном и в политическом отношении. Почему тамошние купцы торгуют с нами? Да потому, что им это выгодно! Везти товары в Китай через великую пустыню Гоби слишком накладно. Выходит, за морем телушка — полушка, да рубль перевоз. Вот купцы и стараются сбыть товар тем, кто поближе. И нам выгодней закупать то, что нужно, у ближних соседей, а не за морями-океанами. Торговля взаимовыгодная.

— Как же так? — решил уточнить Черненко. — Имеют выгоду от соседей и в то же время занимаются политическим бандитизмом, контрабандой?

— Что поделаешь? Купцы, как правило, в политику не вмешиваются. Им главное — побольше ланов. Деньги такие в Синцзяне ходят. Каждый лан равен по курсу двум нашим пятиалтынным, но в золотом паритете.

— Значит, тридцати копейкам? — уточнил Черненко.

— Вот именно. Только золотом. За ланы купец не только контрабандой будет заниматься, а и отца родного продаст. Бывал я в Кульдже, знаком с некоторыми торгашами. Торгуют они с нами честно, тут ничего не скажешь в упрек, какую-нибудь заваль не подсовывают. Но и с контрабандистами поддерживают дружбу, поскольку контрабанда приносит им дополнительную прибыль. А какой купец от нее откажется? А где бандиты возьмут продукты и одежду, как не у купцов? Так что синцзянские торгаши действуют по принципу: ласковое теля двух маток сосет.

— А что они нам продают? — поинтересовался пограничник.

— Шерсть, хлопок, кожевенное сырье, пушнину, скот на убой, шелк-сырец.

— А мы им продаем...

— Ткани, металлы, силикаты, бензин, керосин, спички и многое другое.

— Но я недавно прочитал в нашей энциклопедии, что Синцзян имеет свое производство тканей, в том числе и шелковых.

— Есть фабрики в Урумчи и Кульдже, и довольно крупные. Только на всех собственных тканей все равно не хватает. Вот они и покупают у нас.

— А со своей метрополией Синцзян тоже торгует?

— Какой метрополией? — не понял таможенник.

— Ну, с собственно Китаем, — пояснил Черненко.

— Тут я точно сказать не могу. Скорей всего. А как и чем — не имею понятия. Мое дело — досмотр того, что идет в Кульджу и из Кульджи к нам...

Зачем все это потребовалось знать рядовому пограничнику заставы Хоргос? Ведь его дело — охранять границу, не пропускать через нее нарушителей, защищать от бандитского террора и угона на сопредельную сторону население пограничных районов Семиречья. Так ли уж важно, что творится на этой самой сопредельной стороне? Ведь наша страна не вмешивается в дела своих соседей. Только если соседи идут, как это было в случае на КВЖД в 1929 году, на вооруженные провокации, то получают надлежащий отпор.

На одном из политзанятий еще в учебном эскадроне лектору политчасти отряда был задан такой вопрос:

— Почему наше правительство не обратится к китайскому правительству с протестом по поводу постоянных нарушений границы со стороны Китая в провинции Синцзян?

— На сегодняшний день в Китае централизованной власти не существует, — последовал ответ. — После поражения революции 1925—1927 годов в этой соседней с нами стране утвердилось многовластие военных губернаторов. Формально они должны подчиняться Гоминьдану, но и он распался на несколько группировок, каждая из которых борется за государственную власть. Смутное время, одним словом, переживает наш сосед. Этим и пользуются антисоветчики, свившие свои гнезда в Синцзяне и других пограничных с нами китайских провинциях.

Не ради одного любопытства и не только в целях собственного самообразования стремился познать все это Константин Устинович Черненко. Как комсомольский вожак, он намерен был передать все узнанное не только бойцам заставы, но и местной молодежи. Советские люди, охраняющие границу и живущие вблизи границы, должны были знать о том, чем и как живет сопредельная сторона. И поэтому долгие разговоры комсорга с таможенниками продолжались.

Особенно полезным в этом отношении стало для Константина знакомство со старшим таможенником.

Старший таможенник частенько бывал на заставе и КПП по своим делам. Он знал, когда ожидается проход через границу автоколонн и гужевых караванов с грузами «Совсинторга». Знал множество историй о поисках контрабанды и о повадках контрабандистов.

От старшего таможенника Черненко узнавал новые подробности советско-синцзянской торговли и торговли соседей с другими сопредельными государствами. Когда Константин обратился к нему впервые, таможенник поинтересовался:

— Не хочешь ли ты, вьюнош, в нашу систему после службы перейти? Мы бы пограничников охотно в таможенники взяли. Дотошный вы народ.

— Да нет, пока таких планов у меня нет, — ответил Константин. — Просто интересно.

— Любознательность, вьюнош, тоже должна быть поощряема, ибо ведет к познанию нового. Попытайся в меру своих сил содействовать этому.

Старший таможенник, далеко не молодой человек, говорил несколько витиеватым языком.

— По последним данным, коими я располагаю, в экспорте всего Китая наша страна составляет немногим больше восьми процентов, а в импорте и того меньше — чуть больше двух процентов. Но если мы возьмем автономную провинцию Синцзян, то тут картина несколько иная. В 1929 году внешняя торговля соседей с нашей страной составила почти тридцать миллионов рублей. В то же время с собственно Китаем — раза в четыре-пять меньше. Причем следует отметить, что объем торговли Синцзяна с Китаем и Индией, Монголией и другими странами имеет тенденцию к сокращению.

— Неужели китайские купцы в Синцзяне пылают такой любовью к нашей стране? — спросил пограничник.

— Вовсе нет. Они, как ты правильно сказал, любовью пылают, но не к нам, а к своим собственным прибылям. До Китая везти далеко и накладно. До Индии ближе, но нужно преодолевать перевалы Каракорума. А это возможно лишь три-четыре месяца в году. Мало того, власти Синцзяна разрешили нам самим заготавливать на их стороне некоторые виды импортируемого нами сырья. Сейчас, когда мы построили Турксиб, торговые связи еще более возросли. Ведь железная дорога проходит в относительной близости от границы. Особенно в районе китайского Чугучака и наших Бахтов. По Чугучакскому тракту и проходят основные грузы в Синцзян и обратно. Наш Хоргос пока имеет второстепенное значение.

— А что можно сказать о внутренней торговле в самом Синцзяне? Вы там ведь бывали?

— Разумеется. И не раз. Но торговли как таковой там нет. Или, точнее, почти нет. Там и банк-то открыт только в прошлом году. Население довольствуется доисторическим товарообменом. Бай купцу — два барана, а тот ему — два корана. Книга это такая у них, вроде нашей библии. Но это я, вьюнош, для рифмы сказал. Крестьяне-хлеборобы меняют зерно на ткани, садоводы — яблоки на хлеб, скотоводы — мясо и шкуры на то, что им необходимо для жизни. Так было и сто, и двести лет назад. Даже в опиокурительных и в кабаках можно расплачиваться не ланами, а чем угодно, мануфактурой, чаем, насваем...

— А что это такое?

— Табак. Только его не курят и даже не нюхают, а кладут под язык и сосут, как леденец ландрин. Этот обычай бытует и по нашу сторону границы, особенно у казахов. Без насвая у многих голова болит, как у запойного пьяницы с похмелюги. Вот так-то, вьюнош. А может, надумаешь в нашу контору поступать? Скоро, говорят, мы форму получим, не хуже пограничной. И оклад повысят. Покажешь усердие в деле — на курсы пошлют. И не куда-нибудь, а в самую белокаменную Москву. Ты еще молодой, можешь больших высот достичь, даже самым народным комиссаром внешней торговли стать. Подумай!

— Хорошо, подумаю. А за беседу — спасибо.

— Не стоит благодарности, вьюнош. Мне самому весьма приятно было побеседовать со столь любознательным и интеллигентным человеком. В нашем медвежьем углу таковых чрезвычайно мало. Что-то я тебя ни разу на досмотре на площадке не видел?

— Так я на заставе служу.

— А я думал, у Рудниченко, из пополнения.

— Что из последнего пополнения, тут вы правы. Только я у начальника заставы в подчинении. Но если он разрешит и будет свободное время, то я приду к вам вместе с контролерами.

— Милости прошу, вьюнош. Успехов тебе в службе!

Через несколько дней Черненко побывал на досмотровой площадке. Караван привез из Кульджи тюки с шерстью. Контролеры КПП тщательно осмотрели каждую арбу, специальными щупами проверили каждый тюк и пространство между ними, но ничего подозрительного не обнаружили.

Когда караван после проверки тронулся по дороге на Джаркент, Черненко спросил одного из контролеров:

— И всегда у вас так спокойно проходит досмотр?

— Нет, случается, что внутри тюков с шерстью, а то и между ними оказывается контрабанда. Но чаще всего это случается у возчиков и сопровождающих грузы приказчиков тамошних купцов, а не у наших людей. У нас в «Совсинторге» работают сознательные люди. Бывает, правда, что любопытства ради какой-нибудь наш человек пытается провезти бутылку-другую ханши — китайской рисовой водки.

— И что тогда?

— Изымаем и уничтожаем по акту, а виновного предупреждаем, что за такие «мелочи» его могут лишиться права выезда в Синцзян.

— А зачем тогда ему ланы платят, валюту дают?

— Сколько там этой валюты?! На питание и на оплату грузчикам, которые товар грузят. Для этого по взаимной договоренности существуют твердые расценки. Так что на эти ланы пары бутылок ханши не купишь. Значит, на обмен пошел тот, кто решил и сам попробовать, и дружков хорошо угостить.

Старые пограничники еще в отряде рассказывали, что в первые годы существования наших застав у китайских купцов приходилось закупать даже продовольствие для питания пограничников, ибо плановое снабжение подразделений границы не было организовано. Свежее мясо можно было закупить на нашей стороне у местных жителей, но ведь человеку для нормального питания нужны и другие продукты. Кроме того, ни одна застава, расположенная вдали от сел, не имела места для хранения летом скоропортящихся продуктов. Поэтому пограничные снабженцы вынуждены были закупать у китайских купцов мясные и рыбные консервы, соленое сало, даже муку для выпечки хлеба и многое другое.

К началу тридцатых годов положение со снабжением пограничной охраны даже в самых отдаленных местах Казахстана стало в основном нормальным, и надобность в прямых контактах с китайскими торговцами отпала сама собой...

Приближался Первомайский праздник. К начальнику заставы пришел секретарь сельской партийной ячейки и сказал:

— Помоги, товарищ начальник!

— В чем именно?

— Доклад надо в клубе сделать о Первом мае. И про то, как у нас в стране выполняется пятилетка. Молодежь просит. Пошли своего бойца Черненко. Наши комсомольцы просят. Говорят, что он на язык остер и начитан. Не по бумажке глаголет, а рассказывает.

— Что ж, мы всегда рады помочь друзьям. Черненко так Черненко. Прикажу, чтоб приготовился как следует.

— Вот рахмет, аксакал!

— Дежурный! — крикнул начальник заставы. — Где Черненко?

— Во дворе, что-то со старшиной делает по хозяйству.

— Вызови его в канцелярию.

— Есть!

Дежурный крикнул в открытое окно:

— Черненко, быстро к начальнику!

Через несколько секунд красноармеец стоял перед начальником заставы.

— Садись, Константин, — сказал тот. — Вот товарищ секретарь Хоргосской партиячейки просит, чтобы ты сделал для сельской молодежи доклад на собрании по случаю Первого мая. Сможешь?

— Я готовлю на эту тему, правда, не доклад, а беседу с молодыми пограничниками заставы и КПП.

— Значит, сделаешь и для молодежи села. Когда у вас собрание, аксакал?

— В полдень первого.

— А у тебя, Константин, на какое время намечена беседа?

— На 19.30 тридцатого, сразу после боевого расчета.

— Хорошо, при планировании нарядов приму во внимание. Черненко, аксакал, не придет на ваше собрание, если вся застава будет поднята по боевой тревоге. Но если все будет нормально, мы с помощником так спланируем службу, чтобы ваш докладчик до вечера первого числа был свободен. Чем сейчас занят, Константин?

— Со старшиной приводим в порядок заставский двор.

— Можешь продолжать!

— Есть! — и Черненко, покинув канцелярию, присоединился к старшине заставы.

Кстати, на этот раз он выполнял не приказание старшины, а решение последнего комсомольского собрания, постановившего провести субботник по приведению к празднику в образцовый порядок внутреннего двора расположения заставы и контрольно-пропускного пункта.

По условиям службы пограничники не имели возможности провести массовый субботник, так как граница не знала ни выходных, ни праздничных дней. Более того, в праздники вводился усиленный режим охраны. И поэтому в счет субботника воины трудились в свободное время по двое, трое, реже по четверо, а то и в одиночку, как в тот день красноармеец Черненко.

Заступить на службу Черненко должен был в полночь. А вечером он побывал у секретаря сельской комсомольской ячейки и договорился, что перед самым праздником тот организует местных девушек для побелки внешних стен бывшей крепости.

— Они могут побелить и внутри двора, и даже комнаты в казарме, — предложил вожак сельской комсомолки.

— Хорошо, поговорю с начальством! — ответил Черненко.

Сам он не мог решать подобного вопроса. Ведь тут дело было связано с пропуском в расположение воинского подразделения по сути дела посторонних лиц.

— А известь у вас есть? — спросил сельский комсорг. — А то у нас трудно с ней.

— Известь старшина найдет, а вот кистей...

— А кисти найдем мы. Они есть в каждом дворе. У нас же все дома беленые.

— Вот и договорились. А ты не станешь возражать, если в праздник я приду в клуб не один, а с ребятами? Если, конечно, начальники заставы и КПП разрешат и обстановка позволит.

— О чем речь! Будем только рады. Особенно девчата. Они всегда, я замечаю, на пограничников заглядываются, когда вы скачете на границу или с песней проходите по селу. Аж глаз не отводят.

— Хлопцы у нас лихие! Джигиты!

— Джигитами вас и зовут девчата-уйгурки, а русские — орлами.

— Правильно! Наши ребята заслужили это. Скажи, а почему бы у вас в клубе не создать оркестр? А то танцуете под старенький граммофон, он хрипит, скрипит, ничего не слышно.

— Есть у нас небольшой оркестр. Исполняет уйгурскую национальную музыку. Только под нее фокстрот или вальс не станцуешь.

— А национальные народные танцы?

— Их не все умеют.

— Так учить надо. Вот уйгурские ребята и девчата умеют танцевать не только вальс и фокстрот, но и плясать «барыню», а мы не знаем ни одного уйгурского танца. Давай договоримся, что вы подготовите для пограничников небольшой концерт уйгурской музыки и танца. И дадите концерт прямо на заставе. Двор у нас большой, есть где расположиться.

— Это можно. Только побоятся наши, особенно девчата, на заставу идти.

— Почему? — удивился пограничник.

— Уйгурок дома в строгости держат. Сколько мы сил потратили, чтобы родители разрешили своим дочерям в клуб ходить! А некоторые и до сих пор не пускают своих. Это тебе, Костя, не Сибирь. У нас еще так называемые феодально-байские пережитки в полном ходу. И справиться с ними куда труднее, чем банды громить. К вам, как к пограничникам, как к нашим защитникам, недоверия нет ни у кого из жителей Хоргоса. А вот как к мужчинам... Вдруг какая-нибудь юная уйгурка влюбится в такого парня, как ты?

— Ну и что? Отслужит парень, женится на ней.

— Вот-вот. Это уже для мусульманки грех. А если промежду ними случится другой грех?

— Понимаю...

— Так позор не только на девушку, ее семью, но и на весь род. Вот почему и не согласятся родители отпустить своих дочерей на заставу.

— А белить?

— Тут я, главным образом, на русских девчат и молодых женщин рассчитываю. Уйгурки тоже пойдут, но будут белить наружные стены, внутри крепости их и силком не затащишь.

— Надо разьяснять им, что кзыласкеры — не бандиты, не насильники. И не соблазнительницы девчат.

— Ведем соответствующую работу. Но ведь не бездействуют и наши враги. Кто-то распространяет злобную клевету, распускает слухи, что где-то кто-то из русских красноармейцев опозорил уйгурскую девушку, а потом застрелил ее.

— Если бы такое случилось, мы бы знали об этом из приговора военного трибунала, а сам преступник давно бы был расстрелян. Такие преступления по советским законам считаются тягчайшими и караются высшей мерой...

Начальники заставы и КПП охотно разрешили местным комсомолкам помочь пограничникам привести в божеский вид не только наружные, а и все внутренние стены и потолки в расположении части. А Рудниченко приказал старшине:

— Приготовь хороший обед и накорми девчат в нашей столовой.

— А что сварить?

— Что-нибудь национальное. Лагман, к примеру.

— Дунганскую лапшу? — уточнил старшина.

— Вот именно. И пусть специй не жалеет. А потом каждой — двойную порцию какао со гущеным молоком.

— Мало у нас его...

— Возьми у заставского старшины. Ведь гости-то наши общие.

— Будет сделано!

— И чтоб гашеной извести и мела было в достатке, ведер и всего прочего для работы.

— Ясно, товарищ командир! Мы с заставским старшиной уже договорились.

Жители Хоргоса на заставе были не такими уж редкими гостями. Многие из мужчин были членами комотряда и приходили сюда по делам, связанным с охраной границы, сообщали о появлении подозрительных людей, приводили задержанных, получали задания и инструктажи.

Но чтобы на заставу приходили женщины — такого не помнили даже ветераны. Конечно, жены командиров не в счет. Они жили напротив заставы, часто бывали в бывшей крепости, и все пограничники считали их своими, заставскими.

В назначенный день секретарь сельской комсомольской ячейки привел к воротам заставы с красным флагом, словно на демонстрацию, около двадцати девушек и молодых женщин. Начальники заставы и КПП встретили их у входа в бывшую крепость.

— Принимайте, товарищи командиры, добровольных помощниц. Решили провести субботник у вас.

— Милости просим, дорогие товарищи! — приветствовал прибывших начальник заставы. — Будем очень благодарны, если вы поможете нам к Первомаю навести порядок и красоту.

— За этим и пришли. Десять человек будут белить стены снаружи, остальные готовы работать внутри крепости.

— Ясно! Наружной побелкой будет руководить старшина заставы, а внутри — старшина контрольно-пропускного пункта. Старшины, принимайте пополнение!

Десять молодых черноволосых и черноглазых уйгурок отошли в сторону. А остальных старшина КПП увел в крепость, расставил по рабочим местам, выделив им в помощь бойцов, свободных от службы. И дело пошло!

С уйгурками у стен крепости остался секретарь сельской комсомольской ячейки. Старшина заставы предложил было прислать на помощь бойцов, но тот отказался:

— Не надо, а то еще разбегутся. Ведь если по селу пойдут разговоры, что девушки-уйгурки работали вместе с русскими кзыласкерами, пойдут разные сплетни. А я — уйгур. Вот и буду с ними.

Константин Черненко вернулся со службы на границе около полудня и увидел, что стены бывшей крепости стали чистыми, как свежий снег. И лишь две башни, смотревшие в сторону реки, не были тронуты кистями. И от этого казались еще темнее, чем были на самом деле.

Вскоре Константин вместе с другими бойцами, взобравшись на высокие лестницы, начали белить башни, до которых не могли дотянуться девушки. Черненко быстро и умело, словно всю жизнь только этим и занимался, действовал кистью. Все окна в казармах были распахнуты настежь, и из них доносились песни, распеваемые девушками вместе с пограничниками.

Уйгурки сначала работали молча, но потом тоже запели что-то по-своему.

— О чем они поют? — поинтересовался Константин у комсорга.

— Про любовь. В эти годы девушки всего мира на всех языках поют только про любовь. Каждая мечтает о своем суженом. Ничего, скоро мы научим их петь и революционные песни. И не только по-уйгурски, а и по-русски.

Константин Черненко был уже немного знаком с историей комсомольской организации Джаркентского района. По статьям в молодежной казахстанской газете «Ленинская смена» и по разговорам с коммунистами и комсомольцами Джаркента и Хоргоса.

Первая комсомольская ячейка в Джаркенте была создана 8 декабря 1919 года, а 14—17 декабря того же года в Верном на организационном собрании казахской, киргизской, уйгурской и дунганской молодежи возник Первый Тюркский район Коммунистического Союза Молодежи. Семиреченская областная газета напечатала программу РКСМ.

После полного изгнания белогвардейцев с территории Семиречья комсомольская работа приняла широкий размах. Состоявшийся в конце января 1920 года первый краевой съезд комсомола Туркестана особое внимание уделил вовлечению в комсомол молодежи местных национальностей. В феврале было образовано Семиреченское областное бюро РКСМ. В марте — апреле того же года прошла «неделя красной молодежи», в ходе которой в Джаркенте вступили в комсомол тридцать юношей и девушек. В селах и аулах стали создаваться комсомольские ячейки.

В первое время создавались самостоятельные комсомольские ячейки: русские и тюркские. Это было вызвано отнюдь не национальной рознью, а тем, что большинство молодых казахов, уйгуров, дунган и киргизов совершенно не знали русского языка. Но по мере того как языковой барьер стирался, ячейки объединялись, и это объединение помогало воспитанию интернационализма молодежи Семиречья.

Очень много для укрепления комсомольской организации Семиречья сделал Дмитрий Фурманов, легендарный чапаевский комиссар. В 1920 году он был уполномоченным революционного военного совета Туркестанского фронта в Семиречье. Большое внимание местной молодежи уделял и член реввоенсовета Туркестанского фронта Валериан Владимирович Куйбышев.

За десять лет, минувших с тех пор, комсомольская организация Джаркентского района выросла и организационно окрепла. И все-таки ячейки были далеко не в каждом селении. И в них почти отсутствовали девушки местных национальностей. Видимо, борьба с феодально-байскими пережитками в сознании людей велась недостаточно упорно и настойчиво.

Во время субботника мимо заставы неоднократно проходили местные жители. При виде работавших девушек некоторые одобрительно улыбались, другие оставались равнодушными. Но вот один старый уйгур что-то прокричал по-уйгурски и плюнул в сторону заставы.

— Что он сказал? — спросил Черненко у комсомольского секретаря.

— Нечестивцами назвал, — ответил тот. — И пригрозил карой аллаха и его пророка на земле Магомета.

— За что? Разве коран призывает лодырничать? Что-то я не слышал этого ни от кого. Уйгуры, как и казахи, очень трудолюбивые люди, — возразил Константин Черненко.

— Прогневили аллаха девушки тем, что якшаются с иноверцами и работают на них. Думаешь, Костя, национальный вопрос так легко решить? Легче совершить революцию, изгнать белогвардейцев и интервентов с нашей земли, чем воспитать из этого старого уйгура интернационалиста. А таких, как он, и в Хоргосе, да и во всем Семиречье, еще немало. Работы здесь нашему брату — коммунисту и комсомольцу — непочатый край!

Из ворот вышел начальник КПП Рудниченко. Глянул восхищенно на преобразившиеся стены крепости и сказал, обращаясь сразу к обоим комсоргам:

— Молодцы девушки! Молодцы парни! А мы там для всех такой обед приготовили — пальчики оближешь! Я разрешил взять из НЗ какао, сгущенку и дать каждой девушке по плитке шоколада. В награду за помощь.

Откуда на складе у старшины КПП оказался шоколад, Черненко не знал. Наверное, когда-то изъял его у контрабандистов и приберег на всякий случай. Заставский старшина тоже имел кое-что в своем НЗ, но шоколад...

— Мы с начальником заставы, — продолжал Рудниченко, — решили устроить совместный обед наших помощниц со свободным от службы личным составом. Вынесем столы во двор, чтобы всем хватило места, и начнем. Так что приглашай, комсорг, девушек, как только закончат работу. Там они и умоются, и себя в порядок приведут.

— Уйгурки не пойдут, — угрюмо ответил сельский комсорг. — Во всяком случае, сегодня. В будущем, возможно, даже наверняка, а сейчас...

— Ну, неужели вы, два комсомольских вожака, не сможете уговорить их? — не поверил Рудниченко.

Одну уйгурку, молодую женщину, чей муж погиб во время недавнего нападения банды Мергембая, удалось уговорить. Остальные сразу же после окончания побелки, даже не сполоснув испачканных известкой и мелом рук, мигом разбежались по домам.

Русские девчата с шутками и смехом рассаживались за столами рядом с пограничниками. Константин Черненко сел рядом с единственной уйгуркой. С другой стороны сел комсорг сельской ячейки.

Пришли на обед и командиры — начальники заставы и КПП с женами.

Повара принесли целый таз лагмана — дунганской лапши, любимого блюда не только дунган, уйгуров, казахов, киргизов, а и русских, много лет проживших в этих краях. Блюдо так ароматно пахло, что у многих, как говорится, слюнки потекли.

Местные девчата весело смеялись, видя, как неумело справляются пограничники с лапшой немислимой длины, давали советы:

— Так ее, ребята, надо не накалывать на вилку, а накручивать, а то все равно сорвется.

Смеялись и пограничники, воюя с непокорным лагманом. Большинство из них впервые пробовали это острое, но очень вкусное блюдо.

Черненко знал, что его соседка говорит по-русски, и похвалил дунганскую лапшу:

— Очень вкусно! У нас в Сибири такой вкусной лапши готовить не умеют.

— В Хоргосе все любят лагман, — ответила соседка. — И мы, и казахи, и русские.

— А как его готовить? Скажите рецепт, я запишу и пошлю своим в Сибирь. И там тоже научатся готовить такую вкуснейшую вещь.

— Лагман готовить трудно и долго, — ответила молодая женщина. — Я не знаю столько русских слов, чтобы правильно сказать, как делать тесто, раскатывать его, вытягивать, скручивать... Нужна пшеничная мука, растительное масло, мясо, но только коровье, а не свиное, лук, чеснок, красный перец, уксус. Лапшу варят отдельно от соуса, промывают холодной водой, смазывают растительным маслом. Соусом лапшу поливают перед тем, как есть...

— А соус из чего делают?

— Сначала нарезают тонкими брусочками мясо, потом обжаривают его вместе с шинкованным луком, посыпают солью, красным перцем, мелко нарубленным чесноком и поливают уксусом. Все это смешивают с сурпой — мясным бульоном. Можно добавлять в соус баклажаны или капусту, но мало-мало.

— Постараюсь запомнить.

— У нас, уйгуров, тоже есть свои вкусные кушанья.

— А какие?

— Манты, ет-хошан, май-хошан... Манты — как русские пельмени, только большие, и варятся не в воде, а на пару. А ет-хошан и май-хошан — как русские пирожки, только вкусней.

— Вы тоже знаете, как их готовить?

— Конечно! Как и каждая уйгурка. Ведь меня мать учила готовить еще тогда, когда я была совсем маленькая. Кому нужна жена и мать, не умеющая вкусно накормить мужа и детей!

Из глаз молодой женщины брызнули слезы. Видимо, вспомнила она своего мужа, недавно погибшего от бандитского ножа...

— Не расстраивай себя, женщина! — дотронулся до ее руки секретарь сельской ячейки. — С Мергембаем наши красноармейцы еще не до конца и не за всех рассчитались. Рассчитаются и за твоего мужа.

— Это джигит верно говорит! — поддержал Константин. — Мергембай что-то давненько не появлялся по эту сторону границы. Но если появится — отомстим за все его злодеяния. В этом будьте уверены, уважаемая!

Понемногу молодая женщина успокоилась, и в глазах ее появился потухший было блеск.

Когда гости и хозяева покончили с лагманом, повара принесли большие эмалированные кружки с дымящимся какао.

— Что это? — тревожно спросила соседка Черненко. — От этого напитка не опьянеешь?

— Не беспокойтесь! Это напиток, сделанный из бобов дерева, растущего в жарких странах. Мы покупаем за границей эти бобы, чтобы угощать таким вкусным и питательным напитком маленьких детей и таких славных женщин, как вы и ваши подруги.

— Наверное, только очень богатые люди пьют это... какао?

— До революции действительно пить его имели возможность только богачи. А сейчас, как видите, пьют и мы, простые красноармейцы. Скоро, наверное, этот порошок появится и в магазине нашего Хоргоса. И тогда вы будете пить его каждый день.

Сюрпризом для всех девушек и молодых женщин стало вручение каждой подарка — плитки шоколада, завернутой в красивую цветную бумажку с надписями на каком-то чужом языке.

На прощание спели хором «Конную Буденного» и «Ты, моряк, красивый сам собою», а потом проводили гостей до ворот. Едва девушки успели отойти на несколько шагов от заставы, как раздались зычные команды старшин:

— Застава, выходи строиться на боевой расчет!

— КПП — на боевой расчет!

Кончились одни пограничные сутки, начались другие.

На боевом расчете Черненко узнал, что ему предоставляется свободный от службы день. Помощник начальника заставы пояснил:

— Выходной тебе дается для подготовки доклада о Первом мае, с которым будешь выступать в сельском клубе перед гражданскими. Надо подготовиться получше, чтобы не ударить в грязь лицом.

Впервые Константин Черненко освободили от несения службы ради общественных дел. О Первом мае он делал доклады не раз, еще когда жил в Сибири, сначала в родном селе, а потом в Новоселове. Тогда его слушателями были школьники, молодые крестьяне. О значении этого пролетарского праздника Константин мог рассказать без особой подготовки и молодым пограничникам, и молодежи Хоргоса. Но ведь не из одной парадной части должна состоять праздничная речь. Надо рассказать, с какими достижениями подошла к празднику вся страна, Казахстан, пограничный отряд, застава, КПП, колхоз в Хоргосе. Конечно, неплохо было бы поведать о том, как отмечают Первомай трудящиеся Китая, границу с которым берегут воины в зеленых фуражках. Только где взять такой материал? Центральные журналы приходили в Джаркент с большим запозданием. Нужно было делать упор на местные факты.

Достижения и недочеты в своих подразделениях Черненко были хорошо известны. А о колхозных делах он решил подробнее расспросить секретаря сельской комсомольской ячейки. Связать местные дела с общеполитическими событиями молодой пограничник считал необходимым. Так он всегда делал дома, работая заведующим агитпропом в райкоме комсомола.

Собрав все необходимые факты, Константин не стал писать обширного доклада. Просто набросал краткие тезисы. Надеялся на свою молодую память, а она его никогда не подводила.

Аудитория на заставе была немногочисленной, так как в канун Первомая граница была переведена на усиленный режим охраны. И даже многие пограничники КПП вышли в наряды и секреты. Комсорг рассказал собравшимся о рождении первомайских торжеств, о их значении в борьбе мирового пролетариата за свои права, о достижениях, с которыми пришел к празднику советский народ, борющийся за выполнение плана первой пятилетки за четыре года, в том числе и в Казахстане. Коснулся он и некоторых сторон жизни и службы на заставе, призвав товарищей к усилению бдительности, укреплению боеготовности подразделений, примерности в службе, дисциплине, политической учебе.

Более подробно о служебных делах и конкретных задачах на летний период охраны границы рассказали сами начальники заставы и КПП. Выступившие вслед младшие командиры и красноармейцы заверили своих товарищей и командование, что будут служить еще лучше, если потребуется, жизнь положат, а врага через границу не пропустят.

Ночью застава была поднята «в ружье». На левом фланге, между Хоргосом и Баскунчи, неизвестная банда пыталась прорваться в тыл. Разгорелся бой. Горстка пограничников сумела задержать бандитов огнем до прихода помощи с соседних застав. Общими силами бойцы Хоргоса и Баскунчи отбросили банду за кордон. В этой схватке участвовал и Константин Черненко. Во время тревоги за оружие брались все, в том числе и те, кому было положено отдыхать...

А к утру Хоргос принял праздничный вид. Украшенные флагами и лозунгами, чисто выбеленные дома выглядели еще чище. Буйное цветение садов придавало праздничному дню особую красоту. Бело-розовая душистая кипень заполонила все дворы и улицы.

Хоргосцы принарядились по-праздничному. По дороге в сельский клуб Черненко и его товарищи встречали пожилых и молодых мужчин и женщин в нарядных уйгурских и казахских национальных одеждах. И все же многие предпочитали костюмы европейского покроя. Некоторые щеголи надели галстуки и шляпы.

Секретарь сельской комсомольской ячейки радостно встретил пограничников на пороге клуба:

— А я думал, аксакал, что ты не придешь, — обратился он к Константину. — Ночью слышал стрельбу на границе, решил, что снова банда появилась.

— Отогнали. А чего это ты меня аксакалом зовешь? Мне еще и двадцати нет, а ты меня уже белой бородой окрестил.

— Так ведь у нас аксакалами всех уважаемых людей называют. Вот я и...

— Зови меня лучше джигитом, а то девушки подумают, что я древний старец. — И комсорг заставы весело рассмеялся. — Смотри, как много народу собралось: и молодежь, и настоящие аксакалы. Как жаль, что я ни по-казахски, ни по-уйгурски ни бельмеса не знаю. А то бы выступил на родном языке этих аксакалов.

— Так учи, — посоветовал комсорг. — Я тебе помогу.

— Некогда, друг хороший! Да и не так часто я общаюсь с местными жителями. А учебников и русско-уйгурских словарей не видел ни в Джаркенте, ни здесь.

— Нету, — согласился собеседник. — А надо бы издавать такие учебники и словари. Ведь если все люди, живущие в нашей стране, будут хорошо знать язык Ленина, то уйгур может поговорить хоть с грузином, хоть с чувашом. А приедет в наши края армянин — и он найдет собеседников в Хоргосе. Надеюсь, будет такое время. А скажи, Костя, сколько всяких народов живет в нашей стране? Наверное, много?

— Много, друг, очень много. Я недавно прочитал в одной книжке, что в СССР проживают люди ста восьмидесяти пяти различных народностей. Всех и не упомнишь! Я ведь сам до недавнего времени не знал, что есть такая народность — уйгуры. А вот ты слышал что-нибудь о хакасах?

— Нет. А что это за нация?

— У нас на Енисее живут. И тоже, как и уйгуры, принадлежат к тюркской группе. Наверное, уйгур и хакас поймут друг друга, как понимает украинец белоруса. А ты даже не знаешь о том, что в Сибири, на берегах Енисея, живут твои дальние родичи.

— А правда, Костя, говорят, что дунгане — это помесь турок с китайцами?

— Что-то не слышал.

— Уйгурские старики говорят, что когда-то очень давно китайский император взял у турецкого султана несколько тысяч турецких солдат и заставил их охранять границу своей империи. Турки поженились на китайках. И получился такой народ — дунгане. Живут они и у нас в Джетысу. На китайцев совсем не похожи, а говорят по-китайски.

— Разве нет дунганского языка? — удивился Черненко.

— Нет. Они говорят и по-уйгурски, но своего собственного языка не имеют.

— Вот не знал. Слышал только, что дунгане — окитаившаяся часть уйгуров и что в наши края они переселились в прошлом веке из-за гонений китайских властей. Однако за точность сведений не ручаюсь. Надо бы посмотреть в справочники...

Стены сельского клуба пестрели лозунгами на русском и уйгурском языках.

— Ты, Костя, проходи прямо на сцену, — подсказал сельский комсорг. — А товарищи пограничники, что с тобой пришли, пусть садятся в первом ряду как самые почетные гости.

Участники собрания быстро заняли места в небольшом зрительном зале. Но ни одного из пограничников в первом ряду Константин не увидел. С тревогой он стал всматриваться в полутемный зал и с трудом отыскивал в самых разных его уголках то одного, то другого своего товарища. У всех оказались знакомые среди местных жителей, а вернее жительниц юного возраста. Юность всегда остается юностью.

Секретарь сельской партийной ячейки открыл собрание. Поздравил всех с Первомаем и сказал:

— Сегодня мы попросили выступить у нас докладчика с пограничной заставы. Сейчас уважаемый товарищ красноармеец Черненко расскажет о праздновании Первомайского праздника в СССР и в странах капитала.

Константин подошел к трибуне, откашлялся для солидности и начал:

— Сегодня пролетариат всего мира в сорок первый раз празднует Первое мая — праздник международной солидарности трудящихся. Установлен он Парижским конгрессом II Интернационала в память о грандиозной стачке рабочих американского города Чикаго, жестоко подавленной полицией, верной прислужницей буржуев. Впервые Первомай стал международным праздником через четыре года после кровавых событий в Чикаго. Первая маевка в России была проведена сорок лет назад — в 1891 году. Потом пролетариат России, несмотря на полицейские расправы, тюрьмы и ссылки, каждый год отмечал День международной солидарности трудящихся.

После Великой Октябрьской социалистической революции Первомай стал одним из главных праздников советского народа. Сегодня советские люди вновь отмечают его, демонстрируя свои достижения в борьбе за построение социалистического общества. И нам есть что показать еще не сбросившему цепи рабства и насилия пролетариату капиталистических стран. Строятся металлургические заводы на Урале и в Сибири, новые шахты в Донбассе и Кузбассе. Нефтяники страны выполнили свою пятилетку за два с половиной года. Недавно выдал первый кокс завод в

Днепродзержинске. Недалеко отсюда — в Ташкенте — начал выпускать сельскохозяйственные машины новый завод. Эти машины скоро придут и в Джаркент, Хоргос, в другие села Семиречья.

А возьмем наш Казахстан. Как он преобразился за годы Советской власти! Построен Турксиб, связавший Семиречье с центральной Россией и Сибирью, строятся заводы-гиганты во многих городах автономной республики. Вернее, города вырастают рядом с будущими заводами. Нет пока на карте страны города Балхаша на берегу бухты Бертыс. Но он будет, как будет построен и крупнейший Балхашский медеплавильный завод.

Обратим свои взоры на поля и пастбища Казахстана. Недалек тот день, когда на смену сохе и кетменю придут машины. Уже организованы первые машинно-тракторные станции. До революции казахи, уйгуры, крестьяне других национальностей и понятия не имели о тракторах. А сейчас их в республике больше тысячи. А будут десятки тысяч железных тулпаров. Грузовая автомашина сейчас еще редкость в наших местах. Во всем Джаркентском районе на селе нет ни одной. А когда заработают на полную мощность наши автозаводы в Москве и Нижнем Новгороде, основным видом транспорта станет автомашина, а не лошадь, не верблюд, не ишак, как сейчас.

В ноябре прошлого года ЦИК нашей республики утвердил устав товарищества по совместной обработке земли и уставы производственных товариществ для животноводческих районов Казахстана, а сейчас уже создаются первые МСС — машинно-сенокосные станции. И у нас социализм наступает на всех фронтах — индустриализации промышленности, коллективизации и механизации сельского хозяйства, образования, культуры, здравоохранения. Это все мы ощущаем на себе. Жить становится все лучше. Наша партия, Советское правительство делают все, чтобы народ жил все лучше и лучше.

— Смотри-ка, — прошептал секретарь партиячейки своему соседу — комсомольскому секретарю, — без бумажки говорит, а как по писаному. Молодой, а ученый.

— Читает он много, вот и знает.

— Мулла тоже много читает, а твердит каждый раз одно и то же.

— Так то мулла, а это — большевик. Молодой, правда, но партиец. Я слышал, он и в бою храбр. Настоящий джигит!

А докладчик продолжал:

— Совсем в другой обстановке вынужден праздновать Первомай пролетариат капиталистических стран. Несмотря на жестокие репрессии со стороны властей, пролетариат демонстрирует сегодня свою решимость бороться за права трудящихся и в Америке, и в Германии, и во Франции, и в других странах. Он выходит на демонстрации с красными знаменами и лозунгами своих коммунистических партий. Не стоит в стороне от классовой борьбы и пролетариат Китая. Как правило, перед этим праздником в городах Китая проводятся массовые аресты коммунистов. Но это не останавливает рабочих, выходящих на демонстрацию.

Черненко очень сожалел, что ему так и не удалось ничего узнать о праздновании Первомая в китайской провинции Синцзян. Работники «Совсинторга» и таможи, бывавшие на сопредельной стороне, ничего конкретного по этому поводу рассказать не смогли.

Свой доклад молодой пограничник закончил призывом:

— Братский привет пролетариату капиталистических стран, борющемуся за свои права! Да здравствует социализм!

После доклада выступали другие ораторы. Говорили они на казахском и уйгурском языках. И хотя сельский комсорг и пытался пересказать Константину, о чем они говорят, тот все равно многого не понял. И еще раз пожалел, что не знает этих языков.

После всех речей, вручения премий ударникам коллективного труда председатель собрания сказал:

— Джаркент обещал нам прислать кино. Но пока кинопередвижка еще не прибыла, давайте потанцуем.

Известию о предстоящем кинофильме все обрадовались. Еще бы! В то время на весь Казахстан было немногим больше ста передвижек. И лишь в Джаркенте имелась стационарная киноустановка. А звукового кино не было даже в Москве. Но если в больших городах немые фильмы демонстрировались в музыкальном сопровождении аккомпаниаторов, то «передвижникам» в казахских селах и аулах нередко приходилось либо переводить субтитры на местный язык, либо просто комментировать содержание фильмов.

И все-таки каждый редкий приезд передвижки становился подлинным праздником.

Так было и 1 мая 1931 года в Хоргосе.

Пока подвода с аппаратурой и коробками с пленкой ехала где-то по Кульджинскому тракту, молодежь вынесла из клуба граммофон. Пластинки были заиграны, да и иголки затуплены до того, что музыки из-за хрипов и треска почти не было слышно. Но это ничуть не смущало немногочисленных, правда, любителей танцев. Ими были парни, отслужившие в Красной Армии, и там, в далеких городах, приобщившиеся к полькам, краковякам, вальсам и фокстротам. Они тянули девушек за собой в круг, те отчаянно сопротивлялись, визжали, смеялись, но в конце концов соглашались.

Ребятишки, которые ждали кино с самым большим и вполне понятным нетерпением, отправились «в головной дозор», на околицу села, чтобы первыми заметить приближение фургона, со всех сторон обклеенного пестрыми афишами кинокартин, как правило, тех, которые предстояло посмотреть еще года через два-три. В начале тридцатых годов кинофабрики были не так мощны, чтобы обеспечивать в достаточном количестве копиями новых фильмов растущую киносеть. И в далекие районы Казахстана попадали уже изрядно потрепанные копии. Лента при демонстрировании то и дело рвалась. Но зрители не выражали возмущения, не ругали киномеханика. Они терпеливо ждали. Возможно, потому, что считали все это чудом, а механика если не самим аллахом, то его представителем на грешной земле. А скорей всего потому, что никогда не были в нормальном кинотеатре, где фильм идет без перерывов на замену частей, где не рвется лента.

Фургон кинопередвижки подъехал к клубу. Тощей клячей правил сам киномеханик, но с таким величественным видом, словно на римской колеснице вез самого Гая Юлия Цезаря. Его колымагу окружал почетный эскорт мальчишек, босоногих, одетых во что попало. Если жители Хоргоса сами принарядились, то одеть как следует своих Ниязов, Аметов, Аскаров не сочли нужным: на них одежды не напасешься. Все равно порвут где-нибудь, а мануфактура в магазине бывает не так часто. Впрочем, так в то время рассуждали родители не только в далеком Хоргосе, но и в любом другом селе или деревне России, Белоруссии, Украины.

По указанию киномеханика молодые парни вытащили из фургона и установили в зрительном зале оборудование: движок, проектор, массивную треногу-штатив, коробки с пленкой, еще какие-то ящички. Сам механик и пальцем ни к чему не прикоснулся.

— Какую картину привезли? — спросил Черненко у сельского комсорга.

— Амет-ага сам скажет перед началом, когда пустит нас в клуб. Таков порядок.

Пограничник удивился этому порядку, но промолчал.

Наконец один из добровольных помощников «аги» открыл дверь и позвал жаждущих редкого зрелища занять места.

И Константин снова удивился тому порядку, какой соблюдался в церемонии заполнения зрительного зала. Никакой толчеи. Первыми вошли аксакалы. Вошли степенно, как входят в мечеть. Следом за ними — руководители сельских организаций, учителя, остальные взрослые люди. Ребятишки вошли лишь после того, как сельская молодежь заняла последние места. Хоргосские мальчишки, те самые, что встречали передвижку на Кульджинском тракте, без криков и гвалта расселись на полу у самого экрана.

В полной тишине переполненного зрительного зала застучал движок. Потом застрекотал аппарат, бросив на экран белый прямоугольник.

Пошли титры на русском языке. Киномеханик, видимо, не первый и даже не десятый раз крутивший эту ленту, стал комментировать по-уйгурски:

— Этот фильм — о русской матери, сын которой, Павел, стал бороться с буржуями за свободу и счастье всего народа...

Когда пошел сам фильм, механик не переводил титры, а рассказывал о содержании происходившего на экране. Делал то самое, что делают в наши дни телекомментаторы во время трансляции футбольных или хоккейных матчей, причем комментировал весьма оригинально. Он сравнивал отдельных персонажей фильма с известными всему Хоргосу людьми. Так, тучного трактирщика, появившегося на экране, сравнил с баем Малекком, удравшим за кордон.

— А этот царский жандарм похож на бывшего волостного управителя Дягилева, — сказал Амет-ага, увидев на экране могучего, как чугунная тумба, пристава.

И зрительный зал каждый раз соглашался с киномехаником.

Константин Черненко еще дома видел фильм, снятый по знаменитому роману Максима Горького «Мать», и считал его одним из лучших в небольшом репертуаре советской кинематографии. Бывший комсомольский агитпроп помнил, как в Новоселове воспринимали эту ленту земляки. Там никому не нужно было комментировать действие, разворачивавшееся на экране. Прочсть титры могли все, а многие были знакомы и с самим романом. Зрители же села Хоргос, во всяком случае большинство из

них, просто ничего бы не поняли без комментатора. Во-первых, языковой барьер. Во-вторых, незнакомая обстановка русского промышленного города в дореволюционное время, сложные взаимоотношения людей, непонятный бытовой уклад и многое другое. Ведь уйгурскому, казахскому и другим народам Семиречья, всей Средней Азии предстояло при Советской власти от феодализма шагнуть сразу в социализм, минуя капитализм.

Подумалось еще Константину, что товарищи из Джаркента, отвечающие за культурно-массовую работу на селе, очень правильно поступили, направив в Хоргос именно «Мать», фильм о борьбе пролетариата за свободу, а не какой-нибудь голливудский боевик из жизни ковбоев Техаса.

Подумалось пограничнику и о том, что Амет-ага правильно делает, вот так, на первый взгляд, примитивно, но очень доступно и доходчиво комментируя фильм. Простой перевод титров зрителям мало что бы дал.

Часто рвалась потрепанная лента. Подолгу приходилось ждать замены бобин. Нередко барахлил сам аппарат, но никто не свистел, не топал ногами, не кричал: «Сапожник, рамку!». Зрители терпеливо ждали, пока Амет-ага наводил во всем порядок. И ему, и его потрепанной, чиненой-перечиненой аппаратуре можно было все это простить, и прощалось. А к движку стояла очередь желающих покрутить рукоятку.

В те два-два с половиной часа демонстрации фильма ленинские слова о том, что из всех искусств для нас важнейшим является кино, для комсорга заставы и контрольно-пропускного пункта, молодого коммуниста Константина Черненко приобрели особую значимость.

На экране мелькнуло слово «Конец», но зрители не торопились покидать клуб. Аксакалы позвали к себе киномеханика и стали о чем-то расспрашивать, а все остальные, включая детвору, терпеливо ждали, когда закончится этот разговор.

Черненко знал, что аксакальство в Туркестане — уважение не просто к старости, а к уму и жизненному опыту стариков, к их мудрости. Старейшины были часто не только советчиками, но и вершителями людских судеб. И судьями. К сожалению, не всегда праведными, поскольку новых законов они не знали. Но ослушаться их никто не смел. К тому же аксакалы охотно принимали дары от людей, и далеко не самым крупным из таких даров был десяток-другой баранов или ящик столь любимого в этих местах кирпичного чая.

— Так ведь это самое настоящее взяточничество! — возмутился однажды Черненко, узнав о старинном обычае от сельского комсорга. — За это у нас в Сибири под суд бы отдали и того, кто взял баранов, и того, кто дал.

— Понимаю, ты прав, Костя, — согласился тот. — Только у нас все сложнее, чем у вас в Сибири. Таков обычай предков, освященный веками. И не так просто его отменить. Возьмем, к примеру, калым — плату за невесту. Закон его запретил. А все равно ни одна женитьба не обходится без калыма. Только если раньше его везли открыто, даже хвастались, у кого больше, то теперь все делается тайно.

— Почему же вы не боретесь с этими феодально-байскими пережитками? — возмутился пограничный комсорг.

— Мы и боремся, только не с помощью суда и милиции. Всех не арестуешь и не осудишь. Конечно, серьезные преступления не остаются безнаказанными. И все же на многое мы пока закрываем глаза. Стараемся убеждать словом, а не привлечением к суду. Сам понимаешь, все-таки аксакальство приносит куда меньше вреда, чем политический бандитизм, откочевки и прочее. И если мы сейчас начнем судить каждого, кто принес дар аксакалу за мудрый совет, кто тайно заплатил калым за невесту, то банд и откочевки станет больше. Так думают и уважаемые товарищи в райкоме партии: на первом месте убеждение, а не принуждение! Возьмем, например, участие женщин и девушек в общественных делах. Пока это наш пассив. Особенно уйгурки и казашки. Мало их и в комсомоле. Это плохо, сам знаю. Но ведь если я за косы приведу какую-нибудь Марьям в клуб, то опозорю не только себя и нашу ячейку, а весь комсомол. Здесь тебе не Сибирь!

— Не говори так, друг! — возразил Черненко. — И у нас в Сибири немало трудностей. Попробовал бы ты поработать со староверами. У них обычаи тоже доисторические. И никуда не денешься. Ведем разъяснительную работу, посылаем агитаторов в кержацкие поселки, на дальние заимки.

— Вот видишь! Долгая песня! А у нас хочешь все сразу сделать: и бандитизм уничтожить, и откочевкам дорогу за кордон закрыть, и аксакальство отменить, и с калымом покончить.

— Так ведь у нас кержаков не так и много. А у вас — весь народ.

Только много позже, обдумав этот спор во всех деталях, Константин Черненко понял, что национальный вопрос куда сложнее, чем он представлял себе раньше. И что знаний у него, молодого коммуниста, явно недостаточно, чтобы высказываться столь категорично...

После завершения киносеанса пограничникам нужно было спешить на заставу и готовиться к заступлению на службу. Праздник праздником, а охрана границы не знает ни выходных, ни праздников, ни отпусков.

Наряд ушел в сторону Алтынкуля близко к полуночи. Возглавил его красноармеец Черненко.

На песчаном берегу озера, заросшего камышом, наряд заставы Хоргос встретил пограничников Алтынкуля. Обменявшись паролями, всадники сблизилась, и в первом из них Черненко узнал Ивана Семеновича Головина.

— Здравствуйте, товарищ командир! — обрадованно приветствовал он его. — Давно возвратились из отпуска? Как отдохнули?

— Это ты, Константин? Уже старшим ездешь в наряд?

— Давно.

— Молодец! Как на участке?

— Вчера было шумно на левом фланге. Сегодня тихо.

— У нас тоже. С Украины я вернулся недавно. Отдохнул хорошо, хотя и намаялись порядком с Клавдией Ивановной в дороге.

— А где ее оставили?

— Пока в Джаркенте у родителей. Днями выберусь в Хоргос, найду для нее жилье. Здесь ей сейчас никак нельзя. А когда ребенок будет — тем более. Как вы в Хоргосе май отметили?

— Нормально. На заставе был праздничный ужин, а в селе — торжественное собрание, потом кинофильм «Мать».

— Не познакомился еще с хорошей дивчиной?

— Да нет, они какие-то пугливые все. Я об уйгурках говорю. А красивые среди них есть.

— Есть красавицы, это точно. А пугливые... Так ведь их родители с раннего детства к затворничеству приучают. А чуть ослушается девка — отец берет в руки камчу и...

Черненко знал, что камча — это кожаная плеть с несколькими концами. И ходит эта камча не только по спинам упрямых ослов, норовистых лошадей или ленивых верблюдов.

— Пригласил бы я тебя, Константин, в гости, — продолжал Головин, — да понимаю, что ты на службе и не имеешь права без разрешения начальника заставы поехать на соседнюю. Да и нам пока нечем похвастаться. Живем в сарае. Надо бы строить, а пока некому и не из чего. Боюсь, летом ребята будут болеть малярией. Ведь здесь полно болот и комарья, от которого вот-вот спасения не будет.

— А сетки? — спросил Черненко.

— Они тоже не спасают. Единственный способ — дым, окуривание.

— У нас пока не зудят.

— Будут и у вас. Комарья здесь на всех хватит. Я-то служу в этих местах пятый годик, а так к ним и не привык.

— А я думал, вам все нипочем, Иван Семенович!

— Я такой же человек, Константин, как и ты, как и все другие. Ну, поговорили, а теперь пора разъезжаться. Передавай привет начальнику. Скажи, Головин вот-вот нагрянет в гости.

И наряды соседних застав разъехались в разные стороны. Служба по охране государственной границы продолжалась...

Началось жаркое туркестанское лето. Но оно принесло изменения только в природе, а не в службе. Так же на границу уходили наряды, дозоры и секреты, так же в 19.00 в подразделениях проводились боевые расчеты, на которых каждый пограничник узнавал, чем ему придется заниматься в предстоящие сутки.

Этот твердый распорядок могла нарушить лишь боевая тревога. И почти каждая из них предвещала бой, причем с численно превосходящим противником.

На очередном боевом расчете начальник заставы сказал:

— Красноармеец Черненко, вам приказано выехать завтра в восемь ноль-ноль в штаб отряда на сборы политработников застав.

— Есть! — ответил боец.

Он обрадовался такому обороту дела вовсе не потому, что минимум на сутки будет избавлен от несения службы на границе. Служба стала привычной, и сибиряк давно втянулся в ее ритм. Поездка в

штаб давала возможность повидаться с земляками. Ведь многие из них, как и он, возглавили комсомольские ячейки.

Константин в ту ночь славно выпался. Рано утром позавтракал. Тщательно вычистил и оседлал коня. Перед выездом зашел к начальникам заставы и КПП узнать, нет ли поручений в отряд. Поручений не было.

— Разрешите выезжать? — спросил боец своего начальника.

— Давай, комсорг, давай. Только в дороге смотри в оба. Сам понимаешь, могут и бандиты напасть.

— Ясно, товарищ командир!

Черненко знал, предупреждение о бдительности сделано не ради пустой формальности. Были случаи нападения на советских активистов, партийных работников, пограничников прямо на Кульджинском тракте. Но пограничник привык к опасности, и она не портила радостного настроения. Его конь тоже хорошо отдохнул за ночь и бежал по дороге весело и быстро. Мелькали мимо подводы, всадники. Константин внимательно оглядывал все, что встречалось на пути, — ничего подозрительного.

Чем ближе к Джаркенту, тем оживленнее становился Кульджинский тракт. В город спешили жители ближних и дальних аулов. Теперь бандитского нападения можно было не опасаться. Только безумец напал бы на советского бойца в присутствии такого количества людей!

У коновязи комсорг Хоргосской заставы встретил сразу нескольких знакомых. На сборы были вызваны Петр Жуковский, Яков Кириченко, Иван Складниченко и другие сибиряки. Многие джигиты с берегов Енисея за несколько месяцев службы на заставах стали комсомольскими и даже партийными активистами. Да иначе и быть не могло: ведь сибирский призыв 1930 года в пограничные войска состоял из комсомольцев-добровольцев, участников коллективизации и борьбы с кулачеством и бандитизмом.

Земляки обрадовались друг другу. Еще бы! Вместе много дней добирались из родных мест до Джаркента, чуть ли не полгода учились в одном эскадроне, жили в одной казарме, плечом к плечу дрались с бандитами, а во время многодневных рейдов спали под одними шинелями, ели из одних котелков, делились хлебом и пайковой селедкой, последней щепотью махорки. Одни и те же бандитские пули свистели над их головами.

Говорят сейчас, что самая крепкая дружба — фронтовая. С этим никто не спорит. Но дружба пограничная — фронтовой под стать.

Политработники, парторги, комсорги застав и комендатур быстро заполнили зал клуба. На трибуну поднялся помощник начальника отряда по политической части.

— Мы собрали вас, товарищи, для того, чтобы проинформировать о недавнем постановлении Казкрайкома ВКП(б) и Совнаркома республики по вопросам коллективизации сельского хозяйства Казахстана. Казалось бы, этот вопрос прямого отношения к нашей пограничной службе не имеет. Ведь наша с вами задача — охранять границу, делать все, чтобы никакие враги ее не нарушали. А колхозное строительство — дело местных партийных, советских, комсомольских органов. Но тот, кто так думает, глубоко ошибается. Вопросы коллективизации сельского хозяйства и охраны границы на участке нашего отряда и в целом всего пограничного округа взаимосвязаны...

Оратор отхлебнул из стакана несколько глотков желтоватой и наверняка теплой воды и продолжал:

— Коллективизация в Казахстане набирает темпы, и ее уже не смогут остановить никакие происки наших врагов, как внутренних, так и внешних. Если на декабрь прошлого года в колхозах республики состояло свыше 415 тысяч бедняцких и середняцких хозяйств, то на март нынешнего — более 525 тысяч. Это в целом по автономной республике. Вас, разумеется, интересует положение в Семиречье, в приграничных районах, где вы несете службу. Доложу и это. К сожалению, здесь до сплошной коллективизации далеко. В Талды-Курганском районе в колхозы вступило только 42,4 процента хозяйств. Несколько лучше положение в Лепсинском районе. Товарищи из Лепсинской комендатуры и ее застав, запишите такие цифры. На вашем участке создано 42 колхоза. Коллективизацией охвачено 72 процента казахских и 61 процент русских хозяйств.

— Вот видишь, Костя, как на нашем-то участке! — шепнул комсорг Лепсинской комендатуры Петр Жуковский своему соседу. — По коллективизации на первое место в отряде выходим.

— Так ведь не вы колхозы организуете!

— Зато мы их лучше других от банд бережем.

— Не хвастай, Петро, хоть ты и с самим Блюхером ручкался! — пошутил Черненко.

На шептавшихся зашикали соседи, и они замолчали. А помполит продолжал:

— Что мешает колхозному строительству в пограничных районах? На причинах внутреннего характера я останавливаться не буду. Казкрайком и Совнарком республики называют их прямо и указывают пути устранения. Но есть еще одна причина, устранить которую наша с вами прямая задача. Это политический бандитизм на границе и в пограничных районах. Это откочевки, с которыми до сих пор не покончено. Это проникновение из-за кордона вражеских агентов, которые не только ведут злобную антисоветскую, антиколхозную агитацию, но и запугивают людей, угрожая им расправой в случае вступления в колхоз. Каждая банда, сумевшая из-за рубежа прорваться в наш тыл, каждый вражеский лазутчик, проползший, как ядовитая змея, мимо наших нарядов и постов в аулы и ведущий там агитацию, запугивающий бедноту и середняков, — на нашей с вами совести, товарищи пограничники! Значит, надо усилить революционную бдительность, еще лучше нести службу, смелее сражаться с бандами. Я хорошо знаю, что вы проявляете отвагу и беспримерное мужество в схватках с бандшайками, превосходящими по численности порой во много раз наши наряды, дозоры, группы. Народ говорит вам спасибо за это. Но народ вправе потребовать от нас с вами большего. Я не знаю ни одного труса или паникера среди бойцов и командиров нашего славного Джаркентского пограничного отряда. Таким не место среди пограничников. Но народ хочет, чтобы каждый из вас и все вместе были героями. Я обращаюсь к вам, партийные и комсомольские активисты застав и комендатур. Ваш долг мобилизовывать личный состав подразделений не только на примерную, но и на беспримерную службу. Беспримерная бдительность, беспримерное мужество — вот что сегодня требуется от каждого пограничника. Разъясняйте это своим товарищам, сами будьте примером беспримерной отваги в боях с басмачами, бандитами, другими нарушителями границы, со всеми врагами Родины.

Есть еще один вопрос, на котором я хочу остановиться, — продолжал докладчик. — Это ваше личное участие в агитационно-пропагандистской работе на селе и в ауле. Мне недавно рассказывали в Джаркентском райкоме партии, как ведет работу среди местного населения секретарь комсомольской ячейки заставы Хоргос и КПП красноармеец Черненко, которого мы в феврале нынешнего года приняли в ряды ВКП(б). Он совместно с сельской ячейкой организовал субботник по благоустройству заставы, выступил с докладом на праздничном собрании жителей села и вообще многое делает для укрепления связей подразделений с местным населением. Этот опыт надо распространить на все заставы отряда. Чем крепче у нас будет дружба с местным населением, тем прочнее граница. А чем прочнее граница, тем быстрее будет проводиться в жизнь все, что наметила наша партия, в том числе и коллективизация сельского хозяйства...

После выступления помполита объявили перерыв. Сибиряки направились к пруду, берега которого утопали в зелени пирамидальных тополей и ветвистых дубов. Здесь, в тени деревьев, можно было укрыться от нещадно палящего солнца, поговорить.

— Интересный доклад сделал комиссар, — начал первым Жуковский. Помощников начальников отрядов по политчасти, помполитов застав большинство пограничников по-прежнему называли комиссарами и политруками. — Интересно бы узнать, как у вас в крае идет коллективизация. Раньше, в учебном эскадроне, Костя получал газету из Красноярска, а сейчас...

— Точно, — поддержал Складниченко. — Я своих прошу о деле писать, о колхозе, а они поклоны от родни в письмах передают да о всякой домашности пишут. Деревня и есть деревня!

— Ты на родных не обижайся, — вступил в разговор Черненко. — Для них главное, чтобы ты знал, что дома все в порядке, братья и сестры, кумовья и зятевья тебе поклоны быют. Ведь у них политическая-то сознательность пониже твоей будет. Пишут мне друзья из Новоселова, да и по центральным газетам я за ходом коллективизации слежу. Так что могу сообщить последние данные на этот счет. Если помните, к концу 1929 года в коммунах и товариществах по совместной обработке земли в Красноярском округе состояло меньше пяти процентов всех хозяйств. Когда мы уезжали на границу, в колхозы входило больше половины всех дворов. Сейчас этот процент еще выше. Но сами должны понимать, колхозы без машин ничего не изменят, не сыграют большой роли в развитии сельского хозяйства. Еще Ленин говорил об этом. Так вот, в те самые дни, когда мы ехали сюда, в Боготольском и Назаровском районах края были созданы первые машинно-тракторные станции. А сейчас их свыше тридцати. У нас на Енисее с сопротивлением кулачества практически покончено. А здесь все это сложнее, труднее, кровопролитнее. Вторая половина тридцать первого года, а на границе каждый день схватки с бандами. Басмачи на участке заставы Нарынкол, алашордынцы — у нас на Хоргосе и у соседей, недобитые белогвардейцы — на левом фланге, на участке Лепсинской комендатуры. Но все они направляются одной рукой — гидрой капитализма, как любит говорить наш бывший комэск Иван Семенович Головин. А как у вас, Петро, обстановка на участке? Ты ж должен лучше других знать, не заставскую, а комендантскую ячейку возглавляешь.

— Тоже беспокойно. Какой-то бай Исманкулов ведет откочевку аж из Чубартавского района Семипалатинской области... Наши нарядами перекрыли ей дорогу и, конечно, за кордон не выпустят. А у вас, Костя?

— То же самое. Откочевки, барымта, бандитские налеты, контрабандисты. Редкая ночь без боевой тревоги. Население у вас русское?

— Большинство в Лепсинске и окрестных селах — русские. Есть немного казахов.

— Как настроены?

— По-всякому. Контры в основном из семиреченского казачества. Привилегии у них отняли, земли оставили ровно столько, сколько полагается по закону. Вот они и злобствуют. Некоторые пока выжидают, а кое-кто и за кордон подался, в «черную армию». Слышал о такой?

— Слышал. Эсеровская демагогия, а нутро — кулацкое. Заставы у вас от линии границы далеко? Я слышал, километрах в семидесяти.

— Есть и такие. Линия границы проходит, как правило, по горам, а заставы — в предгорье. На самую границу наряды выходят редко, да и нет в этом нужды. Все пути вероятного движения нарушителей нам известны. Вот мы и перекрываем их нарядами и секретами. Это у вас на Хоргосе хорошо — местность ровная, граница рядом, сопредельная сторона хорошо просматривается...

Договорить земляки не успели: перерыв кончился.

После всех сообщений и докладов ответственный секретарь комсомольского бюро отряда Черкашин собрал у себя в маленькой комнатухе комсоров подразделений границы.

— Впервые вижу весь свой актив вместе, — радостно сказал отсекр. — Шутка ли: со всего отряда собрались. Такого при мне не бывало. Ну, главная задача вам ясна из доклада. А собрал я вас, чтобы поговорить об укреплении связей наших ячеек с местными сельскими. Помполит отряда похвалил Костю Черненко за ценную инициативу. Вот ты, Черненко, и расскажи нам сейчас, как подобрал ключик к сельской молодежи и влияешь на нее. А мы послушаем и попробуем сделать то же самое.

— Нет у меня никакого опыта, товарищи! — начал Константин. — И делиться пока нечем.

— Так выходит, помполит отряда неправильно проинформировал актив?

— Все, что сказал товарищ помполит, было. И субботник мы организовали в канун праздника, и я с докладом в клубе выступил 1 мая. И если приглашают и есть возможность, бываю на собраниях сельской комсомольской ячейки, подсказываю товарищам кое-что. Но назвать все это ценным опытом язык не поворачивается. Мы делаем только первые шаги, а опыт нужно нам сообща вырабатывать. Я вот сам не знаю, чем помочь, чтобы сельская ячейка росла за счет женщин, девушек. Ни языка, ни обычаев не знаю, подхода не имею.

— Уйгурки — не сибирячки! — пошутил кто-то из комсоров.

— Вот именно! — вполне серьезно ответил Черненко. — С сибирячками мне было бы легче. Но шутки в сторону. Иногда меня даже отчаяние берет: хочется помочь сельской ячейке, колхозу, а не знаешь как. А мы в ответе и за охрану границы, и усиление нашего партийного, комсомольского влияния на население пограничья. Все это звенья одной цепи — укрепления Советской власти. Но вот как за это звено уцепиться?

— Слышь-ка, Костя! — вдруг обрадованно воскликнул отсекр. — Есть у меня одна идея... Ты Головина Ивана Семеновича знаешь?

— Разумеется. Полгода он был нашим комэском.

— А его жену Клавдию?

— Видел пару раз, но лично не знаком.

— Так вот, слушай! Головин сегодня или завтра выезжает с ней в Хоргос. Там он поселит жену у Рудниченко. Ты вовлечешь Клавдию Ивановну в комсомол, поставишь ее на учет в своей ячейке и поручишь работу среди девушек-уйгурок и казашек вашего села. Договорились?

— А она знает местные языки?

— А как же, дорогой Костя-Константин! Ведь Клавдия родилась в Джаркенте, а местные русские свободно говорят и по-уйгурски, и по-казахски! Свободного времени сейчас у нее все равно навалом. Женщина она общительная, авторитетная. Лучшей помощницы ты в Хоргосе не найдешь. Есть вопросы?

— Вопрос в Головине. Как он сам — возражать не будет?

— О чем говорить! Иван Семенович сам комсомольцем был, а сейчас коммунист.

— Это все так. Вот только не помешает ли Клавдии Ивановне сейчас «интересное положение»?

— Так ведь ты не мальчик и знаешь, что оно продолжается не вечно.

— Хорошо. Когда Головины уезжают в Хоргос?

— Точно не знаю. Только Иван Семенович должен приехать за женой и вещами сегодня. Задерживаться здесь не будет, ведь его ждет застава. Да и на устройство жены в Хоргосе ему потребуется время. Сейчас позвоню адъютанту отряда. Он должен быть в курсе.

И закрутил ручку полевого телефона.

Поговорив с адъютантом, отсекар доложил:

— Головин здесь, в штабе. Сейчас зайдет сюда.

И буквально через минуту в кабинет комсомольского секретаря вошел начальник заставы Алтынкуль.

— Здравствуйте, товарищ командир! — приветствовал его Черненко. — Вот тут мы решили, что вашу жену нужно обязательно привлечь к комсомольской работе в Хоргосе...

— Дайте ей сначала родить, а потом и привлекайте! — весело ответил Головин. — С моей стороны возражений нет.

— А вы когда едете в Хоргос? — спросил отсекар.

— Сейчас. Клавдия с вещами уже на подводе. Сам я в седло — и в путь.

— Тогда, Костя, иди, седлай. Поедешь вместе с Иваном Семеновичем. А мы все остальное без тебя обговорим.

— Ясно. Не возражаете, Иван Семенович?

— Какие могут быть возражения! Вдвоем в дороге веселей да и безопасней. Твой конь где, Константин?

— На коновязи за штабом.

— И мой там же. Пошли.

Дом, в котором жили родители Клавы, жены Ивана Семеновича, был недалеко. Константин предполагал, что придется какое-то время подождать, пока молодая женщина соберется, попрощается и все такое прочее. Но им даже не пришлось спешиваться. Нехитрый скарб начальника заставы Алтынкуль был уже погружен на подводу. Лошади запряжены. На передке сидел возница, а сама Головина — в телеге на узлах.

— Все? — спросил Иван Семенович жену и, получив утвердительный ответ, командовал:

— В путь! Долгие проводы — лишние слезы. Да и времени у нас в обрез.

Подвода тронулась. Родители Клавы замахали вслед дочери и зятю руками, что-то кричали, но расслышать их напутственные слова было невозможно.

Ехали неспоро. Конечно, не будь подводы, пограничники быстро бы добрались до Хоргоса. Подвода с пожитками связывала их, не привыкших тащиться чуть ли не со скоростью пешехода. Да ничего не попишешь: не бросать же женщину посередине Кульджинского тракта!

Головин и Черненко ехали чуть позади подводы и негромко беседовали.

— Нелегкая доля у жен пограничного комсостава, — говорил Иван Семенович. — В каких только условиях не приходится им жить! В Хоргосе еще ничего. Как-никак большое село, дома добротные. А возьми нашу заставу Алтынкуль. Или даже старую — Кайерган, где сейчас Калоев командует. Ни одного приличного дома для жилья! До ближайшего населенного пункта десятки верст. Зимой морозы, летом комарье. Трудно привыкнуть к такой жизни. И всегда рядом опасность. Бывали случаи, когда бандиты захватывали командирских жен, зверствовали, чтобы отомстить мужьям.

— Да, трудно будет Клавдии Ивановне. Ведь когда-то ее все равно придется перевозить на Алтынкуль. Не век же вам врозь жить. Двадцать верст, конечно, не расстояние, а все-таки лучше быть вместе.

— Конечно, Константин, лучше вместе. Сколько еще ей придется помотаться со мной по границе, если, конечно, жив останусь! Сегодня я на Алтынкуле, а завтра могут перебросить куда-нибудь в Арасан или еще дальше — на монгольскую границу. Красный командир места службы не выбирает, едет туда, куда приказывает командование. Я ведь, когда учился в Харьковской кавалерийской школе имени товарища Буденного, даже понятия не имел, что такое Туркестан, Семиречье, Хан-Тенгри. Пришлось познакомиться. А могли после школы послать и на Дальний Восток, и в Карелию.

— А вы довольны своей жизнью, Иван Семенович? — неожиданно для самого себя поинтересовался Черненко.

— А как же? Самая мужская работа — пограничная наша служба. У всех на виду и по эту и по ту сторону границы. Народ нас любит. Враги ненавидят и боятся.

— А вы когда-нибудь испытывали чувство страха?

— Разве я бездушный какой? Это человек без души не боится. Или меланхолик какой-нибудь. Но надо подчинить этот страх себе, преодолеть, загнать куда-нибудь подальше, чтобы не мешал дело делать. Взял страх тебя в плен — ты трус, сумел победить его — храбрец!

— А я думал, вам страх неведом.

— Это, Константин, только в песнях. Кому хочется умирать от бандитской пули или шашки? Сдуру я свою голову никогда не подставляю. Но бояться в нашей жизни приходится не только шашки и пули. Я вот сейчас больше малярии боюсь. На заставе уже есть случаи заболевания. Такая здесь малярия зловредная, даже хинин не помогает. Как гидра капитализма, даже хуже. Банду можно если не уничтожить, то хотя бы рассеять, а с малярией никакого сладу! И какой дурак назвал наше озеро золотым?! Я бы его малярийным нарек. Не за себя боюсь: я заболею, другого начальника заставы пришлют. А если весь личный состав сляжет, кто будет границу охранять?

— А что врачи советуют?

— Хину принимать. А если она не помогает? Я так думаю, от малярии мы не избавимся до тех пор, пока эти проклятые болота не осушим. А ты, Константин, привлекай мою Клавдию к работе, не стесняйся. Она женщина неглупая, с людьми сходится быстро, добрая и отзывчивая. С местными быстро найдет общий язык. У ней в девках много было подружек среди уйгурок и казашек. Она ж здесь родилась и выросла. Не только язык, но и обычаи знает. И ей не так скучно одной будет. Я ж каждый день из Алтынкуля приезжать не смогу, сам понимаешь: служба. Она у нас не от сих до сих, а круглые сутки.

— Знаю, Иван Семенович. Вижу каждый день. Даже удивляюсь: когда наш начальник заставы спит и спит ли вообще? В ночь-полночь он либо в канцелярии, либо на конюшне, либо на границе. Да и Рудниченко тоже дома почти не бывает. Его жена Даша частенько обед ему на КПП носит, хотя их квартира — через дорогу.

— Вот у Даши моя Клавдия и будет пока жить. Продукты будет получать на КПП, как мы договорились с нашим начпродом. Ты уж, Константин, проследи, чтобы ее не обижали. А то она у меня такая: просить не пойдет.

— Возьму в этом отношении над ней шефство, Иван Семенович!

— Вот-вот. Ведь и продукты для всей заставы Алтынкуль тоже сейчас хранятся у вас в Хоргосе. Там ледник есть, а у нас хранить негде.

— Знаю. Как только наряд отправляется на стык с вашей заставой, везем вам паек. На стыке и передаем.

— Иначе никак не получается. А ведь будут когда-то пограничные заставы как чудо-городки, дома с ванными, холодильными установками. Может, даже плавательные бассейны будут. Широкие окна, повсюду цветы, паровое отопление. Нет, наверное, к тому времени произойдет мировая революция, с гидрой капитализма будет окончательно покончено и никакой надобности в пограничных заставках не будет...

Тут автор прервет повествование и глянет на 1931 год из года 1968-го. Пограничная застава радостно встречала своего первого начальника — полковника в отставке Ивана Семеновича Головина. Он приехал из Харькова вместе с пионерами двух отрядов своего имени — харьковского и алма-атинского. И увидел то, о чем мечтал по дороге из Джаркента в Хоргос почти сорок лет назад: просторные казармы с центральным отоплением, дома с широкими окнами, цветами на подоконниках, ванными и всеми другими удобствами. Трудно было поверить современным пограничникам, что их предшественники в тридцатых годах с помощью дымных костров спасались от комарья, жили в сарае.

Автор был свидетелем и участником поездки ветерана по заставам прославленного пограничного отряда и видел слезы на глазах первого начальника заставы у Золотого озера. Слезы радости.

Но вернемся в лето тридцать первого года.

В Хоргос пограничники и Клавдия Головина прибыли поздним вечером. А ровно в полночь Константин Черненко уже заступал в наряд. Прозвучали привычные слова команды.

— Приказываю выступить на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик... Вид наряда — конный дозор. Старший — красноармеец Черненко. Задача: проследовать вдоль линии границы до стыка с заставой Алтынкуль, ведя наблюдение за местностью. В случае обнаружения... До стыка наряд будет сопровождать начальник заставы Алтынкуль Головин.

Иван Семенович сам вызвался ехать вместе с нарядом: торопился к месту службы. Обстановка на заставе была беспокойной.

А вокруг было тихо. Речка Хоргос неслышно несла свои воды, и казалось странным, что в верховьях, в Тышканских горах, она играючи передвигает огромные валуны. Здесь, на равнине, она словно замирала. Легкий ветерок шелестел камышом, как сухой бумагой. На сопредельной стороне не было видно ни огонька, хотя прямо за кордоном располагались небольшие поселки. Бедно жили

люди в Синцзяне. Даже не керосин экономили, а лучины. Да и зачем им было по ночам держать огонь? Не дай бог, поспешит на огонек недобрый человек. Бандиты нередко грабили мирное население пограничных аулов Синцзяна.

Мрак и безмятежная тишина не расслабляли пограничников. Ведь этим легко могли воспользоваться лазутчики. Поэтому трое воинов границы ехали осторожно, прислушиваясь к каждому шороху, треску, скрипу. Уметь слушать тишину — тоже искусство не из последних. Эта тишина внезапно могла оборваться выстрелами из камышей или с той стороны реки. И тогда бой! Бой в любом случае, даже если против трех советских пограничников пойдет многочисленная и хорошо вооруженная банда.

Изредка пограничники, держась стремя к стремени, вполголоса переговаривались между собой:

— От Лушника письмо получил, — вспомнил Головин. — Учится он на курсах оперативников ОГПУ. Когда закончит, непременно сюда будет проситься.

— Хороший из него оперативник выйдет, — ответил Черненко. — Парень он толковый, отважный. Знает местные языки и обычаи...

— И людей, что не менее важно, — подхватил Головин. — У него в каждом ауле, в каждом селе — верные друзья. А оперативнику-чекисту без людей никуда. Это закон жизни. На чекистской работе недолго продержится тот, кто в каждом местном жителе видит вражеского лазутчика или пособника. Бдительность необходима, настоящая революционная бдительность. К ней призывали еще Ленин и Дзержинский. Но нельзя всех стричь под одну гребенку. Ведь в массе-то население приграничья радо Советской власти и всему, что она делает для народа. Но среди этой массы затаились враги. Найти их и обезвредить, не обидев напрасно ни одного честного человека, — такая задача встанет перед Лушником, когда он вернется. Но у него, я бы сказал, чутье на людей...

В камышах послышался шум, треск иссохшихся стеблей. Пограничники замерли. Головин подтянул поближе свой маузер. Красноармейцы взяли за винтовки.

— Кабан прошел, — заключил Головин. — Их тут много. Старожилы уверяют, что в этих местах встречаются даже бенгальские тигры. Правда, лично я не видел, но вполне возможно.

— А что? — откликнулся Черненко. — Мне говорили, на южном берегу Балхаша, в камышах, тоже попадаются тигры. Видимо, пришли они туда из Индии через Синцзян...

— А снежные барсы встречаются часто. Особенно на горных и предгорных заставах. Красивый зверь!

— Видели, Иван Семенович?

— Приходилось.

— А медведи здесь водятся?

— Есть. Только не на нашем участке, а севернее, в Джунгарском Алатау, или южнее, на Тянь-Шане.

До стыка застав и встречи с нарядом соседей хоргосцы добрались без происшествий.

— Вот я и дома! — удовлетворенно констатировал Головин. — Счастливого возвращения! Так, Константин, не забудь позаботиться о Клавдии Ивановне! Напоминай старшине о продуктах.

— Сам получу и принесу, Иван Семенович! Будьте за нее спокойны.

— Надеюсь...

Головин со своими уехал в сторону заставы, а наряду Черненко предстояло еще два с лишним часа нести службу дозора на участке. Но на этот раз никто и ничто не нарушило летнего покоя тихой речки, поросших камышом берегов озера Алтынкуль.

Колхоз, созданный в Хоргосе в начале тридцатых годов, назвали «Труд хлопкороба», хотя никогда и никто не вырастил здесь ни одной коробочки хлопка. Просто при планировании товарищи из краевого земельного отдела и крайколхозсоюза почему-то решили, что раз Хоргос лежит на географической широте Узбекистана, то там необходимо выращивать именно хлопок, а не что-нибудь еще. И имя колхозу дали сверху. Однако хлопок не пошел с самого начала. Колхозники перешли на выращивание других культур, а название осталось.

Сейчас на всю страну славится колхоз «40 лет Октября», который много лет возглавляет бывший старшина пограничной заставы Хоргос Николай Никитич Головацкий, награжденный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 января 1985 года второй Золотой медалью «Серп и молот». Доход колхоза за 1984 год перевалил за пятьдесят миллионов рублей.

Прославила это пограничное хозяйство кукуруза. Чуть ли не по сто центнеров кукурузного зерна с гектара ежегодно берут здесь колхозники. В августе 1979 года по полям этого хозяйства проезжал высокий гость из Москвы Константин Устинович Черненко. И радовался всему, что видел на полях,

когда-то бывших полями сражений с бандами. В хозяйстве работали и продолжают работать по сей день бывшие пограничники застав Хоргос, Баскунчи и Алтынкуль, бывшие комотрядники, помогавшие в начале тридцатых годов громить банды. Некоторые из старожилов Хоргоса хорошо помнят те времена, помнят и комсорга заставы Константина Черненко, много сделавшего для привлечения сельской молодежи Хоргоса к общественной жизни.

Лучшая звеньевая колхоза, Герой Социалистического Труда Мариам Ниязовна Ниязова рассказывала автору этой повести:

— Моя мать была одной из тех уйгурок, которых вовлекли в общественную жизнь пограничники. Мой отец Аскар Ниязович уже был колхозником и все чаще подумывал о вступлении в партию, а его невеста боялась выйти из дома и показаться людям на глаза. Если бы не пограничники, то она с отцом, пожалуй, и не встретилась бы, не познакомилась. А они нашли ключик к сердцу моей матери и к таким же, как она, молодым уйгуркам. Старики говорят, что все началось с субботника на заставе. А потом и пошло... К свету, к новой жизни потянулись женщины нашего рода-племени.

А чтобы это пошло, тому же комсorghу заставы и КПП Черненко, его помощникам Дарье Рудниченко и Клавдии Головиной пришлось немало потрудиться. Одному комсorghу трудно было бы поколебать вековые обычаи. Но русские женщины, выросшие на этой земле, сделали все, чтобы поднять своих уйгурских и казахских подруг.

Комсорг заставы часто беседовал с девушками прямо на поле во время перерыва. Найти общий язык с ними помогла ему Клавдия Головина. К ней, молодой матери, юные уйгурки сразу прониклись доверием. И уже к осени, к празднованию четырнадцатой годовщины Октября, в активе сельской комсомольской ячейки было более тридцати девушек коренных национальностей.

Об этом, возможно, следовало бы рассказать поподробнее, но ведь автор пишет не только и не столько об этом, сколько о службе молодого сибиряка на границе. А в этой службе главное — служба. Все остальное — приложение к ней. Полезное, подчас необходимое, но приложение.

А между тем Мергембай, разгромленный летом 1930 года учебным взводом курсантов, вновь поднял голову. Почти год он отсиживался в Синцзяне, зализывал раны, накапливал силы, добывал оружие для своих головорезов. На этот раз бандитский главарь задумал масштабную операцию — внезапным ударом с тыла захватить Джаркент. Перейдя Казан-перевал, он намеревался спуститься к Кульджинскому тракту не по руслу реки Усек, а по соседней реке Барахудзир и с рубежа, где река пересекала тракт, намеревался атаковать город.

Чекистам стало своевременно известно о бандитских замыслах. Они решили заманить Мергембая в ловушку, захлопнуть капкан с таким расчетом, чтобы из него не выскочил ни один бандит. Пограничники застав Хоргос, Баскунчи, Алтынкуль должны были прикрывать границу со стороны нашего тыла на случай, если банде или ее остаткам удастся прорваться из кольца. Им на помощь выделялись коммунистические отряды пограничных сел и аулов.

Концентрация всех этих сил проводилась открыто, на глазах местных жителей и на виду у наблюдателей сопредельной стороны. Подобная демонстрация должна была сбить Мергембая с толку, заставить поверить, что чекисты и пограничники в ожидании нападения перекрыли границу на степном и предгорном участках, стянув для этого силы даже из Джаркента.

Константин Черненко попал в ту десятку бойцов, которая направлялась в наш тыл.

Конечно, будь тогда у пограничников современные средства связи и нынешняя боевая техника, осуществить задуманное было бы значительно легче. Но не было в распоряжении начальника отряда ни раций, ни бронетранспортеров, ни вертолетов. Не было и телефонной связи между маневренной группой, кавдивизионом ОГПУ и другими группами чекистов и пограничников, привлеченных к операции.

И все-таки она удалась.

Все шло по намеченному плану. Головные дозоры Мергембая прошли место слияния Большого и Малого Усека, не заметив ничего подозрительного. Не доходя до аула Енбекши, бандиты свернули на восток и перевалили Междуречье, выйдя к берегам Барахудзира.

Следом за головными дозорами шли главные силы банды — человек двести хорошо вооруженных головорезов. Мергембай категорически запретил своим людям появляться в аулах, а тем более заниматься там привычным для них делом — грабежом. Он не хотел, чтобы пограничники узнали заранее о его появлении в советском тылу.

Когда междуречье миновал и арьергард банды, чекисты кавдивизиона ОГПУ перекрыли все пути отхода бандитов в горы Тышкан. На высотах были установлены пулеметы. Теперь уже и мышь не могла бы проскользнуть здесь незамеченной.

Мергембай все ближе подходил к Кульджинскому тракту...

В это время с сопредельной стороны сразу в двух местах — между Баскунчи и Хоргосом и у озера Алтынкуль бандиты нанесли отвлекающий удар, пытаясь среди бела дня перейти нашу границу, но были отброшены за кордон. Через полчаса вылазка была повторена, но снова не принесла успеха. Да бандиты и не стремились к успеху. Им просто нужно было сковать как можно больше сил пограничников на самой линии границы. Поэтому после неудачи разбитые бандиты не скрылись в глубине сопредельной территории, как обычно, а остались на виду.

А китайских пограничников вообще не было видно. Так бывало почти всегда. Чирики исчезали, словно проваливались сквозь землю, когда та или иная банда переходила нашу границу или возвращалась после разгрома. Это говорило, в первую очередь, о зависимости властей сопредельной стороны от тех сил, которые содержали банды, координировали и направляли их кровавую деятельность.

Когда кольцо окружения захлопнулось, в бой вступила маневренная группа. Она ударила по банде Мергембая с юга. Главарь сразу понял, что командование пограничного отряда перехитрило его. И все же он был уверен, что сумеет уйти в горы. Когда же в предгорьях бандиты попали под пулеметы, расставленные на высотах бойцами кавдивизиона ОГПУ, Мергембай решил прорываться в пески через хутор Шоколай, смяв заслон мангруппы.

Однако пограничники маневренной группы держались стойко. К ним на помощь подошел сводный отряд ближайших погранзастав. В нем были и хоргосцы.

Бой длился часа полтора, пока с гор не спустился кавалерийский дивизион ОГПУ. Он обрушился на банду в лихой конной атаке. И оставшиеся в живых бандиты стали поднимать руки.

Мергембай с верными людьми сделал последнюю отчаянную попытку прорываться в пески как раз в том месте, где дрались пограничники застав. Попытка не удалась. Остатки банды были остановлены метким огнем пулеметов и карабинов.

Когда сводный отряд вышел на Кульджинский тракт, мимо в окружении советских конников провезли человека со связанными руками, в дорогом халате и белой чалме.

— Сам Мергембай! — сказал кто-то из командиров.

Через несколько месяцев стал известен приговор советского суда. Главарь националистической банды за все свои злодеяния был приговорен к высшей мере социальной защиты — расстрелу. Такая же кара постигла и нескольких его приближенных.

Приговор был приведен в исполнение. Но оставались другие банды. До полной ликвидации политического бандитизма в Семиречье оставалось еще три года. Три года боев, тревог, потерь, подвигов.

Если бы автор взялся подробно описывать все схватки на границе и в пограничье, в которых в 1931 году участвовали пограничники заставы Хоргос, в том числе и ее комсорг, потребовалось бы несколько объемистых томов. Но уже из рассказанного ясно, как смело и решительно в сложнейшей обстановке того сурового времени действовали воины Джаркентского пограничного отряда. И каждый боец и командир в отдельности.

Поздней осенью началось увольнение в долгосрочный отпуск пограничников, отслуживших положенное время. Вместе с другими готовился к отъезду в родные места и секретарь партийной ячейки заставы Нарынкол, самой правофланговой и, пожалуй, самой трудной в отряде. Начальник заставы Алексей Иванович Шалдин предупредил секретаря партийного бюро отряда Евминова:

— Остаюсь без парторга, Иван Григорьевич!

— Как так? Свято место пусто не бывает. Выдвигайте кого-нибудь из коммунистов заставы.

— Некого, честное слово! Есть коммунисты, конечно. И авторитетные, и отважные. Но вот с грамотой у них того... Мы и так прикидывали с помполитом, и этак — никто из младших командиров и бойцов не потянет. Нужен человек, который может не только отважно драться, но и в политике разбираться больше других. Слышал я, на Хоргосе есть такой парнишка. Комсомол там возглавляет.

— Кого ты, Алексей Иванович, имеешь в виду? Уж не Черненко ли?

— Именно его. Человек авторитетный не только на заставе, а и среди местного населения. Нам и нужен такой парторг, чтобы и с сельской партийной ячейкой связь имел. Мы без местных — никуда. Трудный у нас участок — горы. В наряд людей отправляем на неделю сразу, а не на восемь часов, как на равнинных заставах.

— Черненко — парень хороший, политически зрелый. Но как партиец еще молод. А у вас на заставе есть коммунисты со стажем побольше.

— Примут они Черненко, Иван Григорьевич! — заверил Шалдин.

— Хорошо, я посоветуюсь с помощником начальника отряда по политчасти, с другими политработниками. Да и с самим Черненко нужно поговорить. Как красноармейца мы можем

перевести его приказом по отряду на какую угодно заставу, не спрашивая согласия. Однако выдвигать на выборную партийную работу без учета мнения самого выдвиженца в партии не принято.

— Хорошо! Надеюсь, что к мнению начальника заставы вы тоже прислушаетесь.

— Безусловно...

Помощник начальника отряда по политчасти, узнав о просьбе Шалдина, сказал Евминову:

— Согласен, Константина Черненко пора выдвигать на партийную работу.

— Не молод? — спросил Евминов.

— У Черненко, кроме молодости, есть еще и умение работать с людьми. Его комсомольская ячейка — самая боевая в отряде. Вы сами неоднократно об этом говорили, да и я не раз бывал в Хоргосе, видел. Думаю, пора выдвигать Черненко на выборную партийную работу. Начальник отряда того же мнения.

На следующий же день комсорга заставы Хоргос Константина Черненко вызвали к помощнику начальника отряда по политчасти.

— Как служба? — таким вопросом встретил помполит красноармейца.

— Кажется, все в порядке.

— А как общественная работа?

— Все поручения выполняю.

— Как смотришь, если мы переведем тебя на другую заставу?

— Служба везде служба.

— Это правильно. Боец места службы не выбирает. В Нарынколе бывал?

— Не приходилось. Знаю, там служить труднее, чем у нас, но интереснее. Горы, ледники.

— Этого достаточно, даже слишком. А не жаль расставаться с Хоргосом?

— Жаль, но ведь вы сами говорите, боец места службы не выбирает.

— Привык там?

— Конечно. Народ хороший, командиры тоже. И местное население.

— А если на новой заставе тебя изберут по нашей рекомендации секретарем партийной ячейки?

— Постараюсь оправдать доверие партийцев. Только прежде нужно бы на новом месте побыть рядовым коммунистом, чтобы люди узнали...

— Тоже правильно мыслишь. Но тут, понимаешь, какое дело? Партийная ячейка заставы Нарынкол осталась без секретаря. Начальник заставы Шалдин просит перевести тебя туда. Знаком с ним?

— Нет. С Нарынколом наша заставка никогда не взаимодействовала. Далеко друг от друга.

— Придется познакомиться. Будем рекомендовать тебя парторгом Нарынкольской заставы.

— Спасибо за доверие. Постараюсь оправдать.

— Приказ по отряду будет на днях. А пока советую связаться со своим бывшим командиром учебного эскадрона Головиным. Он теперь у нас в штабе — адъютантом отряда. Переведен с заставы Алтынкуль по болезни: малярия замучила. Впрочем, ты наверняка и сам об этом знаешь. В Нарынколе Иван Семенович долгое время был помощником начальника заставы. Знает условия службы, участок, людей. Поговори с ним. Поможет сориентироваться на первых порах. В позапрошлом году Головин сопровождал к пику Хан-Тенгри группу ученых из Украинской Академии наук. Выдержал в горах настоящее сражение с бандитами. И выстоял. Ему есть что рассказать о тех местах. Я ему позвоню.

И тотчас поднял трубку.

— Головин? Есть к тебе просьба. Именно просьба, а не приказ. Мы решили перевести твоего питомца Черненко на заставу Шалдина и рекомендовать секретарем партиячейки. Одобряешь? Знаю, ты за своих ребят горой. Так вот найди время ввести его в курс дела. Когда? Только ночью? Ладно, ночью так ночью. Оставим Черненко в отряде до утра. Сам и позвони об этом в Хоргос.

Положив трубку телефона, помощник начальника отряда обратился к Константину:

— Слышал? Иди теперь к Головину сам и договаривайся, когда сможете поговорить. Дел у него, как всегда, невпроворот.

Встреча красноармейца Черненко с адъютантом отряда Головиным (была такая должность в то время — именно адъютант отряда, а не его начальника) состоялась только после отбоя. Весь день Константин провел в библиотеке, за чтением журналов и газет. Только поздно вечером, когда все командиры, закончив дела, ушли из штаба, Черненко постучался в кабинет адъютанта отряда. С этого разговора, можно сказать, и начался новый этап биографии красноармейца. В его жизнь вошла заставка Нарынкол.

ВЛАСТЕЛИН НЕБЕСНЫХ ГОР

Иван Семенович встретил своего бывшего курсанта приветливо:

— Заходи, Константин! Кажется, все уgomонились. Теперь можно и побалакать, как говорят у нас на Украине.

Черненко сел на предложенную табуретку.

— Значит, тебя в Нарынкол переводят? Это неплохо. Узнаешь, что такое Тянь-Шань и с чем его, как говорится, едят. Места красивейшие. На участке заставы есть и предгорья, и альпийские луга, и ледники, и такие вершины, что задерешь вверх голову, чтобы посмотреть, а фуражка сваливается. Многое там тебе будет в диковинку.

За время службы в Нарынколе, — продолжал Головин, — мне довелось участвовать во многих операциях. Обо всех не расскажешь, да и не стоит. Расскажу я тебе, Константин, лишь о том, что в августе 1929 года мне с группой пограничников было поручено охранять научную экспедицию, которую возглавлял Михаил Тимофеевич Погребецкий. Кстати, в сентябре нынешнего года Михаил Тимофеевич вновь побывал там. И первым из альпинистов мира поднялся на вершину Хан-Тенгри.

— И в этом году его тоже сопровождали пограничники? — спросил Черненко.

— Обязательно. Ну, а экспедиция двадцать девятого года и не ставила перед собой задачу подняться на вершину Властелина небесных гор — так называют Хан-Тенгри местные жители. Но буду говорить по порядку.

К моменту прибытия экспедиции в Нарынкол Головин уже пообвык в горах. Не раз водил наряды и к перевалу Тюз, и к реке Иньльчек, и к ледникам. Конечно, на вершины Тянь-Шаня подниматься не приходилось. Для этого требовались специальная подготовка и альпинистское снаряжение. Граница же охранялась лишь в предгорьях Тянь-Шаня, и пограничники только тогда выезжали в горы, когда получали сведения о нарушителях.

Экспедиция Погребецкого прибыла на заставу в теплый августовский день, когда Головин собрался выехать в наряд на правый фланг заставы, в горы. Путь туда неблизкий. Приходилось преодолевать бурные горные реки, ледники, перевалы. Уходили на неделю, а то и на десять дней. И несли службу до смены. Связи никакой, только через посыльных. А пока боец доберется с донесением до заставы и вернется обратно, обстановка сто раз изменится. Так что больше приходилось полагаться на себя. Поэтому на правом фланге обязательно находился кто-нибудь из средних командиров — или сам начальник заставы, или один из его помощников.

Михаил Тимофеевич Погребецкий прибыл в Нарынкол тогда, когда начальник заставы Запевалов находился в наряде. Головин обрадовался приезду гостей: земляки, харьковчане. Но разрешить им выехать в пограничную зону не смог бы и сам начальник заставы. Это было в компетенции только начальника отряда и ОГПУ.

Одним словом, пришлось задержаться. А когда прибыл начальник заставы и было получено разрешение на пребывание ученых в пограничной зоне, Ивану Семеновичу приказали с группой бойцов отправиться с экспедицией.

Он взял с собой пятерых испытанных пограничников, с которыми участвовал не в одной схватке. Больше взять не мог, люди были нужны на заставе. Проводником пригласили Николая Васильевича Набокова, местного жителя из числа тех солдат, которые участвовали в уточнении границы в 1881 году. Набоков жил в Нарынколе полвека, знал язык, обычаи. И охотником был отменным. Еще до революции сопровождал экспедиции к Хан-Тенгри.

Утром двадцатого августа отряд двинулся в путь. Нельзя не отметить, что среди членов экспедиции оказалась девушка. И что еще более удивительно — уйгурка. Фатима Таирова училась в Москве в высшем техническом училище. И сразу пришла к Погребецкому, как только узнала о его намерении отправиться к Хан-Тенгри.

Через два дня знойного путешествия отряд попал в настоящую буранную зиму. На пути экспедиции встали сугробы, в которых пришлось пробивать снежные туннели. Особенно тяжелым оказался спуск с перевала. Каждый шаг давался ценой огромного напряжения сил. А снег был такой ослепительной белизны, что больно было на него смотреть. Даже солнцезащитные очки почти не помогали.

27 августа цель экспедиции была достигнута.

— Мы находимся сейчас на той точке, — сказал Погребецкий, — которой не достигала еще ни одна экспедиция. Благодаря нашему проводнику, уважаемому Николаю Васильевичу Набокову, мы нашли дорогу к вершине Хан-Тенгри. И пусть на этот раз мы не достигнем вершины, но обязаны сделать во имя будущего восхождения все, что сейчас в наших силах. Это наш долг перед наукой. Я предлагаю продолжить исследования и подняться по леднику Иньльчек еще выше. Мы оставим на месте лошадей и часть груза. Пусть пограничники и часть членов экспедиции останутся здесь на случай нападения бандитов. Они не минуют этого места. Так, Иван Семенович?

Головин ответил утвердительно. Другого пути к Хан-Тенгри не было. Конечно, при наличии альпинистских навыков и специального снаряжения можно было бы и найти его. Но ведь бандиты тоже не были альпинистами.

Погребецкий отправился выше в сопровождении шести членов экспедиции. Остальные вместе с пограничниками остались в лагере.

Принимая меры на случай бандитского нападения, пограничники оборудовали укрытия, ячейки для стрельбы. Укрыли в безопасном месте лошадей. Всю ночь дежурные несли охрану подступов к базовому лагерю. Но пока было тихо.

Утром два бойца отправились в разведку. Через некоторое время до лагеря донесся выстрел. Стало ясно: бандиты. Сами пограничники не стали бы стрелять ни с того ни с сего. И тут же к Головину подбежал наблюдатель.

— Товарищ командир, вижу около полусотни вооруженных всадников. Двигутся к нам.

Иван Семенович поднес к глазам цейс, и перед ним открылась такая картина. Рассыпавшись лавой по долине Иньльчека, большая группа всадников преследовала двух разведчиков. Причем один из них на рысях вел в поводу коня своего товарища, а тот, сидя спиной к голове лошади, беспрерывно палил по преследователям.

Разведчики сумели уйти от преследования и скоро соединились с отрядом.

Когда бандитская лава приблизилась до нескольких сотен метров, Головин скомандовал: «Огонь!». Залп получился не особенно стройным, но заставил бандитов спешиться и залечь. Один из них, видимо старший, закричал:

— Сдавайся, Головин, собака! Мы знаем, вас только шестеро, а нас в десять раз больше. Не сдадитесь — разорвем на части!

На ультиматум, как водится, ответили огнем. Бандиты отошли.

Наступила ночь. Басмачи не предпринимали новых попыток атаковать лагерь, но и не снимали осады. Пограничники оказались в тяжелом положении. Правда, укрепились они хорошо, надежно. Но запас боеприпасов был ограничен. На помощь заставы надеяться не приходилось — только на себя.

Когда стало светать, наблюдатель доложил, что на лагерь движется уже сотня головорезов. Видимо, пришло подкрепление. Весь день прошел во взаимной перестрелке. Выручало пограничников только то, что они занимали отличную оборонительную позицию, хорошо замаскировались, метко стреляли. Практически ни одна пуля не шла за молоком.

Помогали бойцам и члены экспедиции. У них были патроны, снаряженные картечью, даже жаканами. Готовились охотиться на крупную дичь, а пришлось тратить боезапас на двуногих зверей. Удивительно стойко вела себя Фатима Таирова. Стреляла метко, расчетливо. И даже успокаивала тех членов экспедиции, которые с испугу не могли дослать патроны в патронник.

К концу дня у осажденных осталось по восемь патронов на карабин и винтовку. Нового штурма они могли не выдержать. Ночью Головин отправил с одним из носильщиков записку Погребецкому с просьбой поскорее возвращаться, чтобы вместе прорываться в долину. И тот сразу же спустился с товарищами в лагерь.

— Будем прорываться! — решил «военный совет».

Бандиты были уверены, что рано или поздно пограничники сдадутся. Поэтому контрудар отрядников оказался для них полной неожиданностью. Нет, банда не была разгромлена. Бойцы просто пробились через ее боевые порядки вниз. И удачу принесла внезапность, помноженная на смелость каждого пограничника и члена экспедиции. Были вывезены и все научные приборы и материалы, собранные членами экспедиции.

— Вот и все, что я хотел рассказать тебе, Константин, о той операции, завершил разговор Головин. — Какой опыт можно извлечь из нее? Бой в горах имеет свои особенности. Нужно уметь выбирать выгодную позицию с таким расчетом, чтобы враг был постоянно в поле твоего зрения, а ты — в укрытии. И тогда можно драться с превосходящими силами. Главное — не дать возможности противнику подняться выше тебя. Если бы банда наступала не снизу, а сверху, мы бы не продержались и нескольких часов.

Экспедиция благополучно вернулась в Харьков. Фатима сообщила Головину, что Михаил Тимофеевич Погребецкий опубликовал первые результаты этой экспедиции и сейчас работает над большой книгой.

— Да, Константин, — вздохнул Иван Семенович, — красивые там места! Одна Мраморная стена чего стоит! А сам пик Хан-Тенгри?словно гигантская пирамида, устремленная в небо. Недаром в переводе с монгольского языка Хан-Тенгри означает «властелин неба». Это мне Михаил Тимофеевич Погребецкий рассказал. А с Фатимой я переписываюсь. Она будет первой женщиной Средней Азии, которая получит высшее образование и станет инженером.

Автору этих строк довелось встретиться в 1967 году в Алма-Ате с Иваном Семеновичем Головиным и той самой Фатимой Таировой, ставшей инженером-геологом. Она была в Алма-Ате проездом, как и Иван Семенович Головин. Ехала в отпуск в родные места, в район Тянь-Шаньских гор, а Головин вместе с харьковскими и алма-атинскими пионерами должен был на следующий день выехать на границу в пограничный отряд. Все эти годы они переписывались, но не виделись ни разу. И все-таки встретились, наконец.

Вспомнили, конечно, и Погребецкого.

Михаил Тимофеевич еще дважды приезжал с экспедициями на Тянь-Шань. Первым поднялся на пик Хан-Тенгри. А во время войны он возглавлял близ Алма-Аты военную школу по подготовке командиров горнострелковых подразделений. Это его питомцы воевали в горах Кавказа и сорвали фашистский флаг с вершины Эльбруса. Один из пиков неподалеку от Властелина неба носит имя Михаила Тимофеевича Погребецкого, а другой назван пиком Пограничник. Не забыто и участие Ивана Семеновича Головина в первой экспедиции к Хан-Тенгри: ему вручена грамота президиума Географического общества Украинской ССР.

Вернемся снова в конец 1931 года.

Ранним утром после ночной беседы с адъютантом отряда Головиным Черненко выехал на свою заставу Хоргос. Он уже знал, что возвращается ненадолго, что вот-вот будет приказ о дальнейшем прохождении службы красноармейцем Константином Черненко на пограничной заставе Нарынкол.

Жаль было расставаться с Хоргосом. Родной стала заставка, родным ее воинский коллектив. Много неоконченных дел оставалось здесь. Но Константин был уверен, что новый комсорг, активисты заставской и сельской комсомольских ячеек не дадут заглухнуть начатым делам.

И вот ожидаемый приказ был подписан. В соответствии с ним красноармеец Черненко отбыл в штаб отряда, чтобы оттуда направиться к новому месту службы.

В штабе Константину пришлось ждать почти двое суток. Отправлять в одиночку в такой дальний путь красноармейца было нельзя. Это не ближний Хоргос или Алтынкуль. В Нарынкол собиралось несколько человек. Один пограничник возвращался из отрядного госпиталя. Интендант из отдела обозно-вещевого снабжения должен был везти на самую дальнюю заставу новые седла и другую конскую упряжь. Снаряжали туда и подводу с боеприпасами.

Одним словом, собирался небольшой обоз. И все ехавшие в Нарынкол должны были охранять его в пути. Мало ли что могло случиться по дороге!

В ожидании отъезда Черненко не терял времени даром. С ним беседовали и помощник начальника отряда по политчасти, и ответственный секретарь партийного бюро, и даже комсомольский отсек, хотя Черненко уже выбывал из его номенклатуры.

Комсомольский отсек сказал:

— Там у нас комсоргом Гриша Конев. Знаешь его?

— Как же! Вместе прибыли в Джаркент. Вместе служили в учебном эскадроне у Ивана Семеновича, только в разных взводах.

— Это хорошо. Найдете общий язык. Гриша — парень хороший, исполнительный. Только инициативы у него подчас недостает. А ты в Хоргосе накопил кое-какой опыт по улучшению комсомольского влияния не только на жизнь заставы, но и на местное население. Поможешь Грише. Знаю, что у тебя и партийных дел будет достаточно, но и о комсомоле не забывай. Ведь комсомольцы — резерв партии, твой резерв на заставе. Уяснил?

— Уяснил, товарищ отсек. Обязательно помогу, чем смогу. Только, конечно, сначала мне нужно войти в курс дела, узнать людей, участок, специфику службы. Ведь там, мне рассказывали, в наряд уезжают на неделю, а то и на десять дней. Значит, надо думать и о том, как вести партийную работу не только на заставе, а и в таком длительном наряде.

— И комсомольскую тоже.

— А я не разделяю партийную и комсомольскую работу на какие-то самостоятельные части. И партийная и комсомольская организации работают с личным составом, мобилизуют его на бдительное несение пограничной службы, воспитывают мужество, находчивость, инициативу в сложной оперативной обстановке.

— Правильно мыслишь, товарищ парторг заставы Нарынкол!

— Ну, я еще не избран на этот пост. Пока я просто рядовой партиец-большевик.

— Желаю тебе, товарищ большевик, больших дел на новом месте!

Отъезд в дальнюю дорогу — дело хлопотливое. Это по тревоге можно махом одеться, схватить оружие, вскочить в седло — и в бой. А везти груз за сотни километров — дело другое. Кажется, все готово. И вдруг выясняется, что интенданты уложили на подводу ящик с гранатами, а запалы остались на складе боепитания. Их нужно выписать, получить, принести, уложить. В последний момент начпрод вспомнил, что не выписал чай, хотя на заставе он кончился три дня назад.

Одним словом, в намеченный день обоз выехал только в одиннадцать утра. Все сопровождавшие его были вооружены. Имелся даже ручной пулемет, отремонтированный ружейными мастерами отряда. Увидев его, Константин предупредил старшего группы:

— Могу взять пулемет на себя. Разрешите сейчас снарядить диски. Если нападет банда, будет поздно.

— Нет возражений. Снаряжай.

Нашли диски. И первые полчаса пути, сидя на подводе, Черненко занимался ими.

Верхом до Нарынкола можно было бы добраться сравнительно быстро. Но с подводами по болотам и горным перевалам не проедешь. И потому путь предстоял длинный: без малого двести семьдесят километров через Коктал, Чарын, Чунджу, Кеген и Сарыджас. Ночью ехать было категорически запрещено.

На первую ночевку остановились в Чундже. Завели подводы во двор сельского кооператива, выставили пост. Стоя на посту, Черненко вспомнил рассказ отделенного командира Павла Слесарева о том, как вот на таком же дворе, обнесенном глинобитным забором, всего полтора года назад группа пограничников шесть суток отбивалась от бандитов, поднявших восстание в самом сердце Семиречья. А вдруг и сейчас произойдет нападение? Нет, навряд ли. Никаких данных об оживлении банд в этом районе не поступало.

Чунджа, небольшое уйгурское поселение на берегу реки Чарын — левого притока Или, текущей из Синцзяна в озеро Балхаш, — почти ничем не отличалось от Хоргоса. Те же глинобитные домики с окнами внутрь дворов, высокие глухие дувалы, за которыми шла никому не ведомая жизнь уйгурских семей. Это в Сибири, на Енисее все на виду. Свадьба — так на ней вся деревня гуляет. Побьет муж жену — тоже всей деревне известно. А здесь не то...

— Пулемет у тебя, Черненко, в порядке? — спросил старший по команде, когда утром обоз снова тронулся в путь. — Скоро в предгорья въедем, там могут и бандиты потревожить.

— В порядке, товарищ командир!

Сразу же за Чунджой открылась панорама высоких гор.

— Какая красота! — не удержался от восторга Константин.

— Это хребет Кетмень, — откликнулся боец, возвращавшийся из госпиталя. — За ним и наш Нарынкол. Но Кетмень придется объезжать стороной, через Кеген. Там мы и живем: Кетмень с севера, Терской Алатау с юга, а между ними — наш Нарынкол.

— Граница далеко?

— Близехонько. С вышки хорошо видать. Долина, в которой стоит наша застава, очень узкая: всего десяток километров в ширину, если не меньше. Да и то половина ее принадлежит соседней заставе Сумбе. А наш участок — до самого пика Хан-Тенгри. Послужишь у нас — узнаешь, почем фунт лиха. А тебя к нам за провинность какую?

— Вроде бы нет... Я в Хоргосе служил раньше.

— Значит, на усиление. Ничего, ребята у нас хорошие, и начальник товарищ Шалдин — герой. Комсомолом Гриша Конев заправляет... А ты откуда родом?

— Из Сибири, с Енисея.

— Значит, должен знать Гришу.

— Знаю. Вместе служили в учебном эскадроне. А ты давно на заставе?

— Дослуживаю уже. Вот приболел, пришлось в госпитале поваляться две недели. К Новому году, думаю, отпустят домой.

— А сам откуда?

— Уралец. Из Перми. Слышал про такой город?

— Как же! На заводе работал?

— Токарил. Соскучился я по своему делу страсть как. А ты? Или еще не успел?

— Соскучился и я. Да что поделаешь, друг: служить-то за нас с тобой никто не будет. А в боях с бандитами участвовал?

— Еще бы! У нас на заставе нет такого бойца, который бы пороху не нюхал. Думаешь, только у вас в Хоргосе банды шалят? Слыхал, наверное, как пограничники под командованием Головина спасали научную экспедицию в горах?

— Рассказывал Иван Семенович.

— Это до меня еще было, но я хорошо знал всех участников того боя. Нынче летом экспедиция возвращалась в наши места, но в Нарынкол не заезжала. Я встречался с ними в наряде, когда на правый фланг посылали. Просили передать привет Головину и проводнику Набокову.

— А Николай Васильевич жив? — спросил Черненко.

— Крепок, как дуб. А стреляет лучше любого из нас. Еще и в наряды с нами ходит, когда проводник требуется. Ведь у нас такой большой участок — не успеваешь изучить. А Набоков здесь, почитай, всю жизнь прожил.

— А тебе в каких боях довелось участвовать? — поинтересовался Черненко.

— Самый большой бой был в июле нынешнего года сначала в щели Ала-Айгыр, а потом на берегу реки Койкентас. Тогда еще погиб мой дружок Астраханцев. Вместе призывались. Он тоже с Урала. Геройский был парень!

— Расскажи поподробней, если можно.

— Почему же нельзя? Времени у нас с тобой хватает. За хорошим разговором и дальняя дорога близкой покажется. Так слушай, если интересуешься. На вашем участке откочевки были?

— Да разве есть такая застава в отряде, где бы пограничники не задерживали откочевок!

— Так вот, с откочевки все и началось. Наш наряд обнаружил ее возле урочища Сарты. Громадная. Не откочевка, а целое переселение народов. Мы потом отправили по своим аулам около двадцати тысяч баранов, тысячу коров и быков, пятьсот лошадей, двести верблюдов. Представляешь, какое это стадо!

— Представляю. А людей сколько?

— Мирных больше двухсот, а бандитов — человек семьдесят, если не больше. Заставу подняли в ружье. Да много ли нас! Ведь как раз на правый фланг ушла новая смена, а старая еще не возвратилась. Всего девять человек смог взять с собой на операцию начальник заставы. Негусто...

— Головин с пятью пограничниками дрался с бандой в сто штыков, — напомнил Черненко.

— Знаю. Но и нам нелегко пришлось. В урочище Кескентас мы столкнулись с бандитским дозором. Вступили в бой. На помощь дозору подоспели основные силы банды. Бой длился весь день и затих лишь к ночи. Начальник заставы товарищ Шалдин послал на заставу гонца за подкреплением. По его расчетам, в Нарынкол должна была прибыть смена с правого фланга. Конечно, ребята устали, но что поделаешь!

Нас Алексей Иванович отвел скрытно к водопаду в щели Ала-Айгыр. Банда могла пройти за кордон только по этой щели.

Так оно и случилось. Под покровом темноты бандиты двинулись вперед. И нарвались на засаду. Снова разгорелся бой. Но теперь мы надеялись на помощь с заставы и держались стойко. Задержали бандитов до рассвета, а там подоспело подкрепление. Все вместе мы прижали банду к реке Койкентас и разбили ее. Почти никому не удалось спастись. Вот и все.

— А как погиб твой друг?

— Это было вечером, когда мы вдесятером держали щель Ала-Айгыр. Басмачам даже удалось нас немного потеснить. И тогда Астраханцев со штыком наперевес бросился в самую гущу бандитов. Мы, конечно, поддержали его, отбросили врага. Но парня спасти не успели. Несколько бандитских пуль попали ему в сердце и в голову. Конечно, мы отомстили бандитам за товарища сполна, только от этого не легче.

— Геройская смерть, — тихо произнес Черненко.

— Он и при жизни был настоящим героем. В каких только переделках не побывал, и всегда выходил победителем.

— А с соседними заставами приходится взаимодействовать? — после долгого молчания спросил Константин.

— Как же без этого?! Ближайшая застава Сумбе от нас в тридцати шести километрах.

— Ничего себе — ближайшая! — воскликнул Черненко. — У Хоргоса левый сосед в двенадцати километрах, а правый — в двадцати. И участок равнинный.

— Там служить легче. А у нас кругом горы, ущелья, ледники. Иногда на такую высоту заберешься — дышать трудно. Воздуха вроде много, а в груди колет и в голове какой-то туман.

— Воздух-то на высоте разреженный. А если подняться километров на тридцать, там его и вовсе нету. Но на такую высоту в земных условиях подняться невозможно.

— А аэропланы?

— Так ведь их в небе воздух и держит. Крыльями аэроплан опирается на массу воздуха. Если бы его не было, то аэроплан бы не поднялся с земли.

— А ты, как я посмотрю, человек образованный. Наверное, много книг прочитал дома?

— Почему только дома? Разве на заставу не привозят книги из отрядной библиотеки?

— Привозят. А что толку? Когда читать эти книги? Да и не шибко я грамотный, всего четыре группы и кончил.

— И с четырьмя группами можно читать. И нужно. У нас в Хоргосе все ребята пристрастились к чтению. А у вас разве никто не берет книг?

— Почему не берут? Берут.

— Наверное, их начальник заставы реже на службу посылает?

— Почему это реже? — боец даже обиделся за своих товарищей. — Как и всех.

— Видишь, они-то находят время для чтения, а ты нет.

Собеседник ничего не ответил.

Подводы въезжали в узкую долину, сжатую с севера и юга, словно тисками, горными хребтами. Сразу как-то похолодало. На многих горных вершинах лежал снег, хотя в долине его еще не было.

— Скоро проедем Сарыджас, а там и до дому рукой подать, — сказал умолкнувший было боец. — До темноты доберемся.

Поздним вечером обоз втянулся во двор пограничной заставы Нарынкол. Его встретил сам начальник Алексей Иванович Шалдин. Старший группы доложил, что пограничники доехали до места назначения без происшествий. Наступила очередь представляться и Константину Черненко:

— Товарищ командир! Красноармеец Черненко прибыл в ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы.

— Так вот ты какой, красноармеец Черненко! — Шалдин пожал руку пограничнику. — С прибытием, так сказать.

— Спасибо, товарищ командир!

— Как понравились наши места?

— Красивые. Я читал о Швейцарии, так очень похоже.

— Вот поедешь с нарядом на правый фланг, там налюбуешься такими красотами, что твоей Швейцарии и не снились. Сейчас старшина определит тебе место в казарме, а потом заходи в канцелярию, поговорить надо. Сегодня и партийное собрание проведем, благо, все коммунисты в сборе. Тянуть нечего. Будем брать быка за рога.

— Ясно, товарищ командир! Разрешите идти?

— Давай, устраивайся!

Казарма, куда старшина привел новичка, почти ничем не отличалась от той, в которой Черненко жил в Хоргосе. Такие же железные койки, матрасы и подушки, набитые сеном, грубошерстные темно-серые одеяла, тумбочки, изготовленные руками явно не столяра-краснодеревщика.

В комнате дежурного стоял полевой телефон, в сторонке — пирамида с винтовками и карабинами. Здесь же лежали подсумки с патронами. Обычный уставной порядок, к которому сибиряк привык за год с лишним службы на границе.

На устройство много времени не потребовалось. И уже через полчаса Черненко был в канцелярии.

— Садись, дорогой товарищ! — приветствовал красноармейца Шалдин. — Будем знакомиться ближе. Ведь сам знаешь, что направили тебя сюда не просто для прохождения службы, хотя опытным пограничникам все мы рады. В какой-то мере это я выпросил тебя в политчасти. Партийная ячейка у нас пока небольшая, зато крепкая. Дружен и сплочен весь личный состав заставы. Но его душой были и будут коммунисты. В Хоргосе ты был комсоргом. А какое партийное поручение имел еще?

— Отвечал за агитационно-массовую работу, проводил беседы с личным составом заставы и КПП, занимался наглядной агитацией.

— Значит, какой-то опыт партийной работы имеешь. Я не сомневаюсь в том, что сегодня коммунисты изберут тебя секретарем партийной ячейки.

— Постараюсь оправдать их доверие. Сделаю все, что смогу.

— Знаю. Иначе и не ставил бы вопроса о твоём переводе к нам. Парторг на заставе — заметный человек, хотя и не имеет командирской власти.

— Знаю, товарищ командир.

— Значит, ты должен влиять на личный состав не приказом и распоряжением, а большевистским словом, делом, личным примером. Это твое главное оружие. А за заставу ты несешь ответственность перед партией в равной мере со мной, с моим помощником по политчасти. Власти тебе не дано, а спрос велик. Коммунисты, избрав тебя своим секретарем, уже в силу этого избрания обязаны будут с тобой считаться и прислушиваться к твоему мнению. Но беспартийные бойцы и младшие командиры поверят в тебя только тогда, когда докажешь, что не только красивые речи говорить умеешь, а и охранять границу не хуже — лучше других. Конечно, на рожон лезть совершенно не нужно. Бойцы легко отличают браваду от настоящей храбрости. Да и погибать глупо — мало чести. Нам нужно драться так, чтобы бандиты гибли, а мы оставались живыми. А службу будешь нести, как все бойцы. На правый фланг пока посылать тебя не буду. Сначала изучи участок поближе и, главное, сойди с людьми, чтобы они сразу увидели в тебе товарища и друга.

— Понятно, товарищ командир!

— Ужинал?

— Нет еще.

— Тогда поужинаем в столовой после партийного собрания. Скоро соберутся наши партийцы. А пока время боевого расчета. Иди в строй.

Красноармеец Черненко вышел из канцелярии во двор, где старшина выстраивал бойцов и младших командиров, находившихся в расположении подразделения. Увидев новичка, указал:

— Вот ваше место в строю, красноармеец Черненко.

Из канцелярии вышел и начальник заставы Алексей Иванович Шалдин.

— Застава, смирно! — подал команду старшина. — Товарищ начальник, личный состав заставы построен на боевой расчет!

Шалдин поздоровался с пограничниками и сказал:

— На нашу заставу переведен с Хоргоса красноармеец Черненко. Он назначается старшим наряда. Прошу принять нового товарища в свою пограничную семью.

Потом начальник заставы огласил план охраны границы на следующие сутки, сказав, в частности:

— Наряд в составе красноармейцев Черненко и Конева в 12.00 выходит в район щели Ала-Айгыр. Старший — красноармеец Черненко.

— Есть! — ответил Константин.

После боевого расчета коммунисты собрались в канцелярии. Поскольку секретаря партячейки не было, собрание открыл сам начальник заставы.

— Сегодня у нас на повестке дня, — начал он, — всего один вопрос — организационный. Как вы все знаете, бывший наш партийный секретарь закончил службу и отбыл на родину. Убыло еще два коммуниста. Для укрепления нашей партийной ячейки политчасть отряда перевела к нам с заставы Хоргос красноармейца Черненко Константина Устиновича, члена партии большевиков с февраля 1931 года. Товарищ Черненко до службы в пограничных войсках работал в Сибири заведующим отделом пропаганды и агитации Новоселовского райкома комсомола. На заставе Хоргос он возглавлял объединенную с КПП комсомольскую ячейку и зарекомендовал себя политически зрелым партийцем, принципиальным и инициативным товарищем. Проявил себя там и в партийной работе. Партийное бюро пограничного отряда рекомендует избрать товарища Черненко секретарем нашей партийной ячейки. Какие будут вопросы?

Черненко поднялся с места и оглядел присутствующих. Ни одного партийца он не знал. Не знали и они его. А ведь вопрос ставился так, чтобы не кого-нибудь из них, а именно его, новичка на заставе да и партийца с небольшим стажем, избрать партийным вожаком.

Перед молодым красноармейцем сидели люди много старше его и по возрасту, и по времени службы в пограничном строю, и по стажу пребывания в большевистской партии. Доверят ли они ему столь ответственный пост? Ведь если кто-то из них, как начальник заставы Шалдин, и знает его, то лишь понаслышке. Ни с одним из коммунистов заставы Нарынкол он, Константин, не был вместе не только в настоящем бою, но и в обычном наряде на границе.

Если сейчас коммунисты выберут его, то не только возложат большую ответственность на партийца Черненко, но и примут такую же ответственность на себя. Присланного вышестоящим командованием красноармейца личный состав не вправе не принять. Но коммунисты вправе отвергнуть кандидатуру, даже если она рекомендована вышестоящим политорганом.

— А не молод? — высказал сомнение один из партийцев. — Впрочем, пусть расскажет нам о своей жизни: из какого рода-племени, как пришел в комсомол, а потом и в партию большевиков.

— Расскажите, товарищ Черненко, свою биографию! — официально попросил Шалдин.

— Роду-племени я чисто крестьянского. Можно сказать, от сохи. Родственники мои и по сей день крестьянствуют в сибирской деревне Большая Тесь...

— Единоличники? — перебил кто-то.

— Нет, колхозники. Вступили одними из первых. Еще в коммуну.

— Ясно. Дальше!

— Родился я 24 сентября 1911 года в той же деревне. Лет с семи-восьми начал помогать отцу по хозяйству. Тогда он, как сами понимаете, был еще единоличником, но Советскую власть принял, как и все бедняки-односельчане, безоговорочно. Все свои надежды выбиться в люди связывал именно с Советской властью...

— Из бедняков, значит? Это хорошо.

— Поскольку Советская власть дала всем нам, детям крестьян, возможность учиться, я и учился. Закончил школу крестьянской молодежи. Еще в школе, в 1925 году, вступил в комсомол. Во время летних каникул работал в поле, пахал, сеял, косил сено, убирал хлеб, ходил за скотиной, как и все крестьянские дети.

— Значит, не белоручка. Это тоже хорошо! — товарищ, попросивший рассказать Константина, из какого тот роду-племени, был явно удовлетворен ответом и выражал свое удовлетворение вслух...

— После окончания ШКМ меня выдвинули в райком комсомола на должность заведующего агитпропом.

— Смотри-ка, значит, башковитым был... А в коллективизации участвовал?

— Как и все работники районных организаций. Ездил по деревням, заимкам, рассказывал о преимуществах коллективного труда, о необходимости борьбы с кулачеством как с враждебным советскому строю классом. Мы тогда немного поторопились, начали агитировать за создание коммун. Партия нам разъяснила, что необходимо ориентироваться на колхозы.

— С кулачем драться приходилось?

— В дискуссиях — да, а за оружие браться не довелось, — честно признался Черненко.

— А если бы пришлось, не испугался бы?

— У меня были хорошие руководители — старые большевики. Они бы не позволили дрогнуть перед лицом любой опасности. У них мы, комсомольцы, учились и жить и работать по-ленински. И воевать тоже... В прошлом году я добровольно пошел служить в пограничные войска. Считал, что каждый советский юноша, а тем более комсомолец, обязан уметь защищать свою страну. Вот и оказался в Джаркентском пограничном отряде. Учили меня комэск Головин, взводный Казаков, отделенный Лушник и другие командиры.

— Головина все знаем. Учитель — что надо. А Лушник? Это не тот, что недавно закончил школу оперативников ОГПУ в Алма-Ате и сейчас работает в местных органах?

— Наверное, он, — согласился Черненко. — Его направили учиться в Алма-Ату в то самое время, когда меня послали на заставу Хоргос. Был бы рад с ним повстречаться.

— В деле повстречаешься! — заверил Черненко задававший вопрос партиец. — Мы с местными чекистами много дел делали и будем делать. Одна у нас задача. А в Хоргосе приходилось участвовать в боях?

— Приходилось. Сколько раз — точно не скажу, но часто. При появлении на нашем участке крупной банды против нее посылались все силы.

Наконец, товарищ, задавший большинство вопросов, сам сказал:

— Есть предложение вопросы прекратить. Вижу, Черненко — наш человек, настоящий большевик, хоть и молод. Так ведь и комиссары в гражданскую войну были не только двадцатилетними, а и еще моложе. А тысячи за собой вели. Скажу я так тебе, Костя: сегодня я проголосую за твое избрание нашим партийным секретарем, потому как поверил тебе. Но учти, если я хоть чуточку начну сомневаться в тебе, первым поставлю вопрос о твоем уходе с этой должности. Мы тебе не дадим никаких поблажек, не давай и ты нам. И в первую очередь не давай поблажек сам себе... Одним словом, есть предложение избрать Константина Черненко секретарем партийной ячейки заставы Нарынкол.

С места поднялся начальник заставы Алексей Иванович Шалдин.

— Итак, поступило предложение избрать секретарем нашей партийной ячейки члена ВКП(б) с февраля 1931 года красноармейца Черненко Константина Устиновича. Есть другие предложения? Нет? Тогда голосуем.

В соответствии с Уставом партии того времени выборы секретарей партийных ячеек производились открытым голосованием. Все коммунисты заставы Нарынкол единогласно

проголосовали за избрание Константина Устиновича Черненко своим вожаком. После голосования слово попросил новый секретарь ячейки.

— Товарищи коммунисты! Сейчас вы оказали мне огромное доверие, избрав секретарем партийной ячейки нашей заставы. Для меня это не только огромная честь, но и огромная ответственность. По сравнению с любым из вас я еще молод. Мне лишь недавно исполнилось двадцать лет. Невелик и мой партийный стаж. Да и на границе я служу чуть больше года. Но я сделаю все, чтобы оправдать ваше доверие. Меня воспитал Ленинский комсомол, воспитывают партия и граница. Я знаю, нелегко мне будет исполнять обязанности партийного секретаря. Но я надеюсь на вашу поддержку и помощь. Еще раз спасибо за доверие, которые вы мне сегодня оказали.

— Повестка дня исчерпана, собрание считаю закрытым, — объявил начальник заставы.

Однако еще долго после закрытия собрания не расходились коммунисты. Говорили о самом насущном, о том, что необходимо решать партийной организации сегодня, завтра, в ближайшем будущем. Проблем было немало. Больше всего беспокоил пограничников правый фланг заставы, район пика Хан-Тенгри. Правда, перевалы в сторону Синцзяна уже закрылись, выхода банд из урочища Кой-Кап можно было не опасаться. И все-таки бандиты еще не перевелись в приграничье.

— Наши люди говорят, — сообщил Шалдин, — что в предгорьях появились дружки Дары Садыкова. Значит, и сам он неподалеку.

— Алексей Иванович, не тот ли это Дары, что раньше действовал на участке застав Хоргос — Алтынкуль — Кольджат? — спросил Черненко. — Мы за его бандой гонялись еще тогда, когда служили в учебном эскадроне.

— Он самый, Константин. Хитрая бестия! В свое время он уже попадался нам в руки. Судили. Дали небольшой срок, как раскаявшемуся. Отсидел Дары, сколько положено, вышел. Вроде притих. Сапожничать начал. А потом снова взялся за старое. Только если раньше он политики не касался, занимался только контрабандой, то теперь примкнул к буржуазным националистам. Впрочем, те его, видимо, просто купили. А ему было нужно оружие, поддержка на сопредельной стороне. Такие, как Дары, готовы служить кому угодно, хоть самому дьяволу, лишь бы это приносило доход. И потому новые вести о старом знакомом весьма неприятны. Надо не дать ему опереться, завести новые связи.

— А что на этот счет думают местные чекисты? — спросил один из коммунистов.

— Они-то и сообщили мне о появлении агентов Дары.

— Почему же тогда они не арестуют их?

— Подозрение — еще не повод для ареста. Да и нет смысла их брать. Нужно выманить из берлоги самого Дары. Все равно с ним рано или поздно нужно кончать. На перевоспитание таких подлецов надеяться не приходится. Руки бандита в крови, и пощады ему не будет.

— А почему Дары выбрал этот участок? — спросил Шалдина Черненко. — Ведь раньше он действовал севернее. И его родина — Сюгатинская долина — тоже далеко отсюда.

— Да, родом Дары из аула Асы в Сюгатинской долине. Но родичи у него есть и в нашем районе. А родовые связи крепки. Видимо, Дары решил, что здесь ему легче будет хотя бы на первых порах. Здешнее население почти не осведомлено о его кровавых делах под Хоргосом и Кольджатом. Пусть наши комотрядники откроют людям истинное лицо Дары.

Во время ужина Константин встретил товарища по учебному эскадрону Григория Конева.

Начальник заставы заново представил друзей друг другу.

— Григорий Конев — наш комсомольский секретарь. Так что прошу не только любить и жаловать, но и направлять его, помогать, контролировать.

Потом он обратился к Коневу:

— С сегодняшнего дня Константин Устинович Черненко — твое партийное начальство. Только что мы избрали его парторгом заставы.

— Вот и хорошо! — обрадовался Конев. — С Костей, то бишь Константином Устиновичем, мы вместе учились скакать на лошадях и действовать шашкой, а потом и с бандитами воевать.

— Зови меня, Гриша, как и раньше, Костей, — сказал Черненко. — Ведь мы с тобой ровесники.

В казарме койки парторга и комсорга заставы оказались рядом.

— Я ведь, Костя, знал, что тебя к нам направляют. Отсекр комсомольский предупредил по телефону. И я попросил старшину, чтобы твою койку поставили рядом с моей.

— И правильно сделал, Гриша. Значит, завтра в полдень поедем с тобой в щель, как ее...

— Ала-Айгыр, — подсказал Конев. — Там в июле мы дали бой одной банде. Тяжело пришлось, однако за кордон бандитам прорваться не удалось.

— Слышал, рассказывали мне о вашей героической жизни. Ладно, давай спать, завтра поговорим, а то ведь подъем по распорядку.

Конев прикрутил до предела фитиль керосиновой лампы. И казарма погрузилась в темноту.

ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ ПАРТОРГА

Если бы кто-нибудь сказал когда-то Константину Черненко, что он не узнает при встрече своего бывшего помощника командира взвода учебного эскадрона Ивана Лушника, он бы ни за что не поверил. Однако именно так и получилось, когда Иван приехал, наконец, на заставу Нарынкол. Да и трудненько было бы узнать недавнего помкомвзвода в этом молодце в национальном халате и с малахаем на голове. Свой чапан он положил на скамью у дежурного по заставе. А дежурным как раз и оказался красноармеец Черненко.

— Где Шалдин? — спросил прибывший у Константина. И вдруг узнал его. — Кого я вижу! Ты ли это, Костя? А я думал, ты на Хоргосе. Ведь после выпуска тебя, помнится, туда назначили.

— Правильно, товарищ помкомвзвода. Служил там, а недавно сюда перевели. А как вы?

— А я так, как видишь! — рассмеялся Лушник. — И давно уже не помкомвзвода, а оперативный уполномоченный райотдела ОГПУ.

— Да я знаю, слышал, мне говорили. Просто по привычке вылетело, — начал оправдываться Константин. — Как увидел вас в этом халате — все в голове перемешалось!

— Да, такое теперь у меня дело. Так где твой начальник?

— Скоро будет. Пошел в райком партии. Если есть время, подождите.

— Есть, да и дело у меня к нему важное. А ты как живешь, как служба идет?

— Все в порядке. На Хоргосе был комсоргом, а здесь избрали секретарем партийной ячейки.

— Молодец, Костя! Я всегда говорил, что ты парень башковитый и далеко пойдешь, если не зазнаешься. Ну, раз ты тут партийное начальство, могу рассказать, зачем приехал. В случае чего, передашь Шалдину, если не дождусь.

— Обязательно передам.

— Дело вот какое. Ты помнишь, как наш эскадрон гонялся за бандой Дары-неуловимого?

— Еще бы не помнить! Только мы наступили ему на хвост, а он, как ящерица, хвост бросил и ушел за кордон. Говорят, его люди снова воду мутят где-то в тылу нашей заставы.

— Хуже, Константин: снова появился сам Дары. Где он перешел границу, пока неизвестно, но мои люди узнали, что видели его не в одном ауле. Бывать бывает, а нигде подолгу не задерживается. Значит, сколачивает новую банду. Нужно, чтобы и ваша заставка была начеку. Не исключено, что Дары с новой бандой попытается прорваться за кордон именно там, где его не ждут. Сейчас он где-то в районе аулов Актам, Дардамты и села Подгорное. Оттуда две дороги к границе — ближайшая через Кольджат, другая — через Кегень в урочище Нарынкол, то есть через ваш участок. Поговорю с Шалдиным и поеду предупредить в Кольджат. Надо быть готовым к встрече Дары. Пора ставить последнюю точку. Хватит, поразбойничал.

В это время распахнулась дверь, и вошел Шалдин.

— К вам, товарищ начальник! — доложил Константин.

— Здорово, опер! — Шалдин крепко пожал руку прибывшему. — Зачем пожаловал? Не на бешбармак, конечно? Да и нет у меня баранов на заставе для достархана в честь такого гостя. Щами и кашей могу накормить. Ну, пошли в канцелярию. Знаю, дело у тебя важное, иначе не приехал бы.

Лушник неторопливо прошел следом за начальником заставы. Уселся за стол и только тогда начал говорить.

— Дело у меня действительно важное. Ради него и приходится колесить по району. Дары ко мне на оперпункт сам не пожалует.

— Опять рыжий шайтан объявился? — заинтересовался Шалдин.

— Есть такие данные.

— Может, дезинформация?

— Нет, люди, которые это сообщили, заслуживают доверия. Искать Дары надо осторожно, чтобы не вспугнуть, а то он уйдет тем же неизвестным нам путем, которым и пришел. Я вот вашему парторгу кое-что рассказал. Он в курсе.

— И правильно сделал. Секретарь партийной ячейки — мой ближайший помощник.

— Ну, а вам, Алексей Иванович, повторю кратко: будьте готовы к встрече банды Дары, если он попытается уйти через урочище Нарынкол, что вовсе не исключено. Если мне что-то удастся узнать дополнительно, пошлю к вам гонца из комотрядников с предупреждением. Будьте готовы послать людей в указанное мной место.

— Ясно.

- Просьба информировать обо всем начальника заставы Сумбе.
- Будет сделано, связь с Сумбе у нас хорошая.
- Тогда счастливо оставаться!
- Счастливого пути!

К концу тридцать первого — началу тридцать второго года оперативная обстановка на участке, охраняемом Джаркентским пограничным отрядом, изменилась к лучшему. Политический и уголовный бандитизм пошел на убыль. И вовсе не потому, что сами организаторы бандитизма пришли к пониманию бессмысленности своих попыток помешать проведению в жизнь мероприятий большевистской партии и Советской власти. Спецслужбы западных стран продолжали тратить огромные средства на экипировку, вооружение и содержание бандитских формирований разного толка, единых лишь в паталогическом антисоветизме.

Смысл изменений заключался в том, что бандиты и их зарубежные хозяева потеряли всякую поддержку на нашей территории. Прошло раскулачивание, и богатые баи вместе с русскими мироедами были выселены с территории Семиречья. А простой народ все активнее освобождался от религиозных и родовых пережитков. Бандиты больше не могли рассчитывать на помощь своего многочисленного рода. Мало того, недавно такие покорные и послушные, сородичи могли связать и передать, не мешкая, своих «освободителей» пограничникам или оперативным работникам местных органов ОГПУ.

Советская власть убедительно доказала, что все ее мероприятия, включая коллективизацию сельского хозяйства и раскулачивание, направлены на пользу простого народа. Зачем же поддерживать врагов этой власти?

Помогала в укреплении власти Советов и доходчивая политическая агитация, которую вели среди населения местные коммунисты и комсомольцы, в том числе и большевики границы, такие, как Константин Черненко, быстро нашедший себе друзей среди населения Нарынкола и приграничных аулов. Убеждали конкретные дела, претворявшиеся в жизнь большевиками Семиречья. И банды из-за кордона все чаще оказывались на нашей территории в полной изоляции. И все чаще рядовые бандиты, поняв, что баи и муллы просто-напросто их обманули, бросали оружие и приходили с повинной.

Все реже стали откочевки, хотя вражеская агитация за уход в Синцзян велась по-прежнему.

И политический бандитизм все сильнее и заметнее приобретал окраску уголовного.

Снова обычным уголовником стал и Дары Садыков. Впрочем, он был им всегда. Просто на некоторое время надевал личину борца за веру против иноверцев вообще, а большевиков в частности.

Пробравшись на этот раз на территорию Семиречья с небольшой группой телохранителей, «неуловимый» быстро убедился, что большой банды ему не собрать, а о формировании откочевки, как того требовали его хозяева в Кульдже, не могло быть и речи. Но не с пустыми же руками возвращаться через кордон!

Иван Лушник находился в ауле Дарманды, когда поступило сообщение: Дары с сорока бандитами ограбил магазин в соседнем ауле и движется по дороге в Кольджат. Уполномоченный ОГПУ тут же известил об этом Шалдина («Встречай гостей!»), а сам скомандовал своим добровольным помощникам-комотрядникам:

— По коням, друзья! Выедем банде наперерез и закроем, если успеем, дорогу на Кольджат. Пусть Дары бросится в урочище Нарынкол. Там Шалдин встретит его как следует. Да и через Нарынкол труднее пробиться к границе...

Лошадь гонца от Ивана была вся в мыле, когда всадник влетел во двор заставы Нарынкол.

— Кагас от Лушника! — крикнул он дежурному по заставе.

Начальник заставы быстро пробежал донесение оперуполномоченного и скомандовал:

— Всех свободных от службы бойцов — в ружье! Черненко — ко мне. — И едва Константин появился, сказал: — Слушай боевую задачу. В нашу сторону движется банда Дары в сорок сабель. Лушник ее накрыл и гонит в ловушку, которую должны соорудить мы. Будешь старшим группы из десяти бойцов. Силы, конечно, не равны, но ведь мы пограничники, а ты не только коммунист, а и наш партийный секретарь. Покажи в этом неравном бою, на что способен. В твоей личной смелости не сомневаюсь. Надеюсь, сумеешь увлечь за собой и других.

— Ясно, товарищ командир! Разрешите выполнять боевую задачу?

— Давай! А я свяжусь с заставой Сумбе, чтобы вместе выставить второй заслон на пути к границе, если тебе и Лушнику не удастся справиться с бандой и она прорвется в урочище Нарынкол.

— Только через наши тела, Алексей Иванович! — заверил Черненко.

— Верю, Константин Устинович! Желаю удачи!

Группе Лушника удалось выскочить к дороге на Кольджат раньше, чем туда подоспела банда. Ведь Дары со своими головорезами двигался отнюдь не налегке. Лошади были навьючены награбленным добром: ящиками с чаем, тюками мануфактуры, мешками с крупой и сахаром.

— Огонь! — приказал Лушник, когда банда подошла поближе.

Ударил залп.

Бандиты остановились, а потом пошли напролом. Видимо, Дары увидел, что задержать их пытаются не пограничники, а гражданские люди, наверняка из комотрядников. И решил, что появились они здесь случайно и не смогут противостоять его сорока разбойникам.

Но он ошибся. Люди Лушника стреляли метко, отходить не собирались. И тогда Дары, как и надеялся Иван, повернул в урочище Нарынкол. Конечно, он мог и уничтожить заслон комотрядников. Как долго смогли бы противостоять шестеро штатских сорока вооруженным до зубов бандитам? Это был лишь вопрос времени. Но как раз времени у Дары и его головорезов и не было! А вдруг на помощь комотрядникам подоспеют пограничники? Стоило ли рисковать понапрасну?

И банда стала уходить в сторону аула Кегень.

Все складывалось так, как задумывал Лушник. Только одно беспокоило его — успел ли посланный им гонец предупредить Шалдина? Он вздохнул облегченно только тогда, когда увидел: из-за поворота навстречу «рыжему шайтану» вылетели конники Нарынкола во главе с Константином Черненко.

«Рыжий шайтан» тоже увидел кзыласкеров и лихорадочно осадил коня. Первая мысль: сколько их? Десять-двенадцать? И только потом душу опалило ощущение катастрофы. Если появились пограничники, значит, все заставы оповещены о его прорыве и путь через урочище Нарынкол на сопредельную сторону закрыт. И значит, теперь надо было забыть о добыче. Надо было спасать свои шкуры. Любой ценой.

— Бросайте лошадей с грузом! — хрипло закричал Дары. — Поворачиваем обратно. Будем пробиваться на Кольджат! Дави пособников кзыласкеров!

Группа Лушника снова приняла бой. А со стороны Сарыджаса на банду навалились пограничники во главе с партийным секретарем заставы Нарынкол Константином Черненко. Началась настоящая сеча. Сверкали на зимнем солнце клинки, ржали лошади, вылетали из седел бандиты.

Обычно в таких случаях Дары Садыков старался оторваться от банды и с группой телохранителей уйти незамеченным в сторону, чтобы бежать за кордон.

На этот раз такой возможности у него не оказалось. Пограничники взяли банду в клещи. И молотили изо всех сил. «Рыжего шайтана» обуял страх. Прорываться! Единственная надежда — прорваться сквозь жиденькую цепочку комотрядников, а там все решала резвость скакунов. А на своего коня Дары надеялся больше, чем на самого себя.

Лушник сразу узнал в скакавшем прямо на него всаднике кровавого главаря бандитской шайки. Узнал и мигом осадил жеребца, сказав себе: пора ставить последнюю точку. Над его головой свистели пули. Одна прошла совсем рядом, опалив ухо. Мимо, мимо! Бандиты стреляли беспорядочно, не целясь. И тогда оперативный уполномоченный поднял маузер, взяв чуть повыше рыжей бороды, и нажал на спуск.

Маузер дрогнул в его руке. Рыжебородый на всем скаку вылетел из седла и распластался на дороге. Послушный конь сразу остановился.

Увидев, что главарь убит, а сзади банду настигает красноармейская лава, басмачи стали бросать оружие и поднимать руки.

Через минуту группы Лушника и Черненко соединились.

Оперативный уполномоченный ОГПУ и парторг заставы Нарынкол вместе подошли к телу рыжебородого. Черненко спросил:

— Дары?

— Он самый.

— Это вы его?

— Кажется, я.

— Точно в глаз. В Сибири из вас большой бы охотник получился.

Действительно, пуля из маузера вошла бандиту в правый глаз.

— Допрыгался, рыжий дьявол? — выругался Лушник, как будто Дары мог его услышать. — Это тебе за Антона Онопко и за всех, кого ты погубил. — И, не удержавшись, плюнул в окровавленное, оскаленное лицо бандита. Потом повернулся к Черненко. — Спасибо, Константин, за помощь! Без твоей группы мы вряд ли бы сдюжили. Шестеро против сорока! Вернусь в Кетмень и сразу же

напишу в райотдел официальный рапорт о твоём героическом поведении в бою с бандой Дары Садыкова. Шалдину доложу лично. А сейчас попрошу тебя ещё немного помочь. Выючных лошадей нужно отвести в аул Удуты и все грузы сдать под расписку. Займись этим со своими людьми, а потом можешь возвращаться на заставу. Пленных бандитов мы отконвоируем на заставу Кольджат. Оттуда их заберут ребята из райотдела ОГПУ. А на прощание хочу тебе сделать подарок. Возьми на память маузер Дары Садыкова.

— Не имею права. Красноармейцу не положено иметь такое оружие. Да и вы, мне кажется, не вправе дарить его кому бы то ни было без разрешения начальства.

— Вообще-то ты прав. Просто захотелось сделать тебе приятное. Да ладно! Сдам я этот чертов маузер в райотдел.

И обе группы разъехались в разные стороны.

Так бесславно закончили свою жизнь «неуловимый Дары» и остатки его когда-то многочисленной банды. Правда, начальник районного отдела ОГПУ остался не вполне доволен действиями оперативного уполномоченного.

— Ты, Иван, погорячился, — выговорил он ему. — За каким чертом нужно было убивать Садыкова? Таких бандитов надо брать живьем, чтобы судить потом показательным судом на страх всем врагам Советской власти.

— Так ведь, товарищ начальник, — возразил Лушник, — Дары стрелять умел не хуже меня. И если бы я его не срезал, мог бы и не стоять сейчас перед вами. А гибель главаря и решила исход схватки. И к тому же пролетарский писатель Максим Горький говорил: «Если враг не сдается, его уничтожают».

— Ладно, Лушник. Хоть ты и перестарался с Садыковым, но операцию в целом провел удачно, за что заслуживаешь не только благодарности по райотделу, а и от более высокого начальства. Буду ходатайствовать перед Алма-Атой.

— Надо бы, товарищ начальник, поощрить и пограничников. Особенно Черненко с заставы Нарынкол. Я в своём рапорте все написал.

— Хорошо, товарищ Лушник. Рапорт я прочитаю и сам сделаю соответствующие выводы. Все трофейное оружие сдал?

— Все, товарищ начальник! Прошу выдать мне пять винтовок с боеприпасами для вооружения моих помощников, имена которых я привожу в рапорте.

— Надежные люди?

— С ненадежными связи не поддерживаю.

— Тогда вооружай.

Группа Черненко, выполнив поручение оперативного уполномоченного, поздней ночью возвратилась на заставу. Выслушав рапорт Константина, Шалдин похвалил пограничников:

— Молодцы! Значит, на банде Садыкова можно поставить крест. Надеюсь, недалеко теперь то время, когда мы вот так же поставим крест на последней из них.

На следующее утро, услышав рассказы участников боя, как вел себя в неравной схватке секретарь партийной ячейки, начальник заставы ещё раз похвалил Константина:

— Хорошо используешь, парторг, своё основное оружие!

— Какое именно? — не сразу понял Черненко.

— Личный пример в бою. Этот бой принесет тебе куда больше уважения товарищей, чем десяток докладов или речей с трибуны. Теперь ты вправе призывать пограничников не жалеть самой жизни в боях за Советскую власть. Жаль только, мало пришлось поработать с тобой. Скажу как парторгу, по строгому секрету: командование собирается переводить меня в другой пограничный отряд. Куда — пока сам не знаю.

— А кто на ваше место?

— Прочат Калоева с Кайергана. Начальником он будет хорошим.

— Это точно. Знаю его по боевым делам. Несколько раз взаимодействовали с его заставой ещё в учебном кавэскадроне у Головина. Да и потом, на Хоргосе. Он, кажется, откуда-то с Кавказа.

— Да, осетин по национальности. И как все кавказцы, храбр до безумия, хотя и горяч не всегда в меру. Впрочем, что я говорю? Ведь тебе служить под его командованием. Авторитет начальника заставы должен быть непререкаем. Хотя, сам понимаешь, весь наш разговор — тайна.

— Само собой разумеется.

Шалдин помолчал. Потом добавил со вздохом:

— Жаль только уезжать отсюда с чувством вины, не исправив до конца свои ошибки.

Константин Черненко хорошо знал, какой виной казнился начальник заставы.

Случилось это примерно за год до приезда Константина на заставу Нарынкол. Однажды здесь появился киргиз, изможденный, одетый в отрепья. Он попросил у часового пропустить его к начальнику.

— Какое у тебя ко мне дело? — спросил Алексей Иванович.

— Помоги, начальник! Я батрак у бая, который вместе со всем семейством и другими батраками ушел на ту сторону, а меня не взял. Никого из родных у меня нет. Все либо умерли, либо ушли за кордон. А я не хочу уходить в Синцзян, покидать родину моих предков. Но мне нечего есть, негде жить, не во что одеться. Я скитаюсь по аулам, как бездомная собака, и отовсюду меня гонят, как прокаженного. Помоги мне, начальник!

— Чем же я тебе могу помочь? Как твое имя?

— Я Мергембай, сын Жумагуза. Возьми меня на службу, начальник! Буду служить верой и правдой, делать все, что прикажешь. Я хорошо знаю горы и могу быть проводником. Буду помогать по хозяйству. Руки мои не будут знать усталости.

— Я не могу тебя взять, Мергембай, хотя и желаю тебе добра. Ведь ты — не пограничник.

— Я буду жить на конюшне и ухаживать за лошадьми.

— Что же с тобой, бедолага, делать? — И начальник заставы приказал старшине накормить пришельца, найти ему что-нибудь из старого, подлежащего списанию обмундирования. Ему просто стало жаль парня и захотелось помочь пострадавшему человеку.

Шалдин поговорил о пришельце с местными властями, и те заявили, что Мергембай Жумагузов действительно батрачил у сбежавшего за кордон бая, ни в чем плохом не замечен, трудолюбив, послушен. И тогда Алексей Иванович на свой страх и риск взял Мергембая вольнонаемным рабочим на заставу, чтобы использовать со временем в качестве проводника. По ходатайству местных властей Жумагузов был зачислен в коммунистический отряд, и через какое-то время сам начальник заставы вручил ему трофейную боевую винтовку.

Расторопный и услужливый, Мергембай быстро вошел в доверие к пограничникам. Он безотказно делал все, что ему поручали, не гнушаясь самой черной работой.

Настало время, когда Шалдин разрешил нарядам брать Жумагузова проводником на границу. И с этими обязанностями тот справлялся отменно. Местность знал, как свою собственную ладонь.

Одним словом, стал Мергембай Жумагузов своим человеком на заставе. Иногда даже боевые расчеты проводились при нем, и он слышал все, что говорил начальник заставы или его заместители. Он прекрасно изучил систему охраны границы, маршруты движения и места заложения пограничных нарядов.

Мало того, вместе с пограничниками он не раз бывал и на соседней заставе Сумбе. Знал ее численность, вооружение и многое другое. Секретов от этого человека практически не было...

Кончилось бы все это страшной бедой, если бы не органы ОГПУ, выяснившие по своим каналам, что Мергембай — вовсе не тот человек, за кого себя выдает и кем его считают пограничники и представители местных властей. Агент главаря банды Джантая Оманова, он по его указанию пришел на заставу, чтобы подготовить крупную операцию в урочище Нарынкол. Темной ночью он должен был убрать часового и дежурного по заставе, вырезать спящих в казарме пограничников и открыть Джантаю дорогу в Нарынкол.

Каким образом узнал Мергембай о своем разоблачении, осталось неизвестным, но узнал и, не теряя времени даром, скрылся. Чекисты, приехавшие на заставу арестовать агента Джантая, опоздали.

В результате Шалдин получил строгое взыскание за притупление революционной бдительности. На посту его оставили, учитывая высокую командирскую подготовку, опыт и личное мужество, не раз проявленное в боях с бандами. Однако самым строгим судьей для себя стал сам Алексей Иванович. Он поклялся любой ценой, даже ценой собственной жизни, исправить ошибку, обезвредить опасного врага.

Пограничники Казахстана и Киргизии долгое время считали банду князька урочища Кой-Кап Джантая Оманова чем-то единым целым. На самом деле у главаря киргизских басмачей было несколько групп, действия которых направлялись единым штабом. И самой опасной из них стала банда Мергембая Жумагузова. Удары его были дерзкими, молниеносными, а сама она — очень подвижной, хотя и не особенно многочисленной, и неуловимой.

Вскоре после разгрома Дары Садыкова банда Жумагузова вновь появилась в районе перевала Ашу-Тор.

Начальник заставы Нарынкол доложил об этом начальнику отряда. Тот предупредил:

— Один ты со своим «крестником» не справишься. Я прикажу начальнику заставы Сумбе выделить тебе в помощь группу бойцов. С Мергембаем надо кончать!

— Это дело моей чести! — ответил Шалдин.

Усиленный наряд пограничников двух застав под командованием самого Шалдина выехал на правый фланг, к месту возможного появления Жумагузова. В эту группу вошел и секретарь партийной ячейки Нарынкола Константин Черненко. Группу бойцов из Сумбе возглавил секретарь партийной ячейки заставы Волосевич.

Пограничники наткнулись на банду в щели Туук юго-западнее перевала Ашу-Тор. Басмачи закрепились на одном из ледниковых отрогов Хан-Тенгри, и выбить их оттуда не удалось.

Во время этого боя Черненко вспомнил ночной разговор с Иваном Семеновичем Головиным накануне отъезда в Нарынкол. Рассказывая об операции «Хан-Тенгри», бывший помощник начальника заставы Нарынкол так объяснял свою удачу:

— Бой в горах имеет свои особенности. Нужно выбирать выгодную позицию с таким расчетом, чтобы враг был в поле твоего зрения, а ты — в укрытии. И тогда можно драться с превосходящими силами. Главное: не дать возможности противнику подняться выше тебя.

В щели Туук Мергембай воспользовался не только своим численным превосходством, но и выгодной позицией. Он бил по наступающим пограничникам сверху. И этот огонь был губительным.

Обойти банду, чтобы оказаться выше ее, пограничники не имели никакой возможности. Для этого бы потребовались навыки альпинистов и специальное снаряжение.

Пограничники шли в наступление бесстрашно, готовые погибнуть, лишь бы покончить с бандой. Увы, одного только стремления было мало.

Поднимая бойцов в атаку, погиб под бандитскими пулями секретарь партийной ячейки заставы Сумбе Волосевич. Был убит красноармеец заставы Нарынкол Петров. Был тяжело ранен красноармеец Саенко.

Предприняв несколько неудачных попыток взять басмачей штурмом, Шалдин понял, что на этот раз выиграть бой не удастся. И приказал отойти.

Печальным было возвращение в Нарынкол и Сумбе с двумя погибшими и одним тяжело раненым товарищем.

После похорон красноармейца Петрова Шалдин сам сказал Константину:

— Давай, парторг, соберем коммунистов и поговорим об этом бое. Я готов нести партийную и любую другую ответственность за неудачу.

Выступая на партийном собрании, начальник заставы взял всю вину на себя:

— В неудаче виноват я один. Все остальные действовали отважно и решительно. Это я не учел того, что у Мергембая были выгодные позиции для обороны, а мы оказались на позициях, невыгодных для наступления. В результате потеряли людей и проиграли бой. Я готов нести всю полноту партийной ответственности.

Создалась неординарная ситуация. Коммунист признавал свою вину и даже требовал партийного наказания. И секретарь партийной ячейки несколько растерялся: как реагировать на заявление Шалдина? Однако среди коммунистов оказались более опытные товарищи и по времени службы на границе, и по стажу пребывания в большевистской партии.

— Не горячись, Алексей Иванович! — сказал один из них. — Бой есть бой. И не всегда он может быть выигран. Надо разобраться во всем спокойно. Самокритика, конечно, украшает настоящего большевика, но, как и критика, она должна быть объективной. Мы были обязаны вступить в бой с бандой Жумагузова при любых обстоятельствах. Разве бы нас похвалили, если бы мы отошли из этой чертовой щели без боя? Согласен, наша группа оказалась в менее выгодных условиях, чем Мергембай. Он успел занять господствующую высоту. Мы же не птицы, чтобы перелететь ледник и обрушиться на банду сверху. В конце концов, мы выбили бандитов, заставили их отойти глубоко в горы. Атаковать дальше в сложившихся условиях было бы не только бесполезным, но и гибельным. Я считаю, что большой вины начальника заставы в нашей неудаче нет. В свое время на партийном собрании мы указали Алексею Ивановичу на притупление революционной бдительности. Вы помните, в чем именно она выразилась. Но разве нельзя в этом было упрекнуть и нас, коммунистов заставы? Ведь и мы прохлопали Мергембая. Я скажу так: нам надо не ждать, пока Жумагузов снова даст о себе знать, а искать встречи с ним. Район, где он действует, нам известен. Нужно посылать туда усиленные наряды, закладывать их на господствующих высотах. Именно это помогло Головину выиграть бой с бандой Джантая у Хан-Тенгри и в других операциях. В охране границы не должно быть шаблона. Жумагузов — опытный противник, хорошо знающий возможности заставы, наши привычные методы, местность. И нам надо перехитрить Мергембая.

— А что скажет наш партийный секретарь? — спросил начальник заставы.

— Мне, Алексей Иванович, трудно советовать что-то конкретное вам и другим коммунистам. Мой опыт пограничной службы невелик. Но я тоже думаю, что не стоит ждать, пока Мергембай выйдет на нас и примет бой в выгодных для себя условиях, как вчера. Считаю совершенно правильным предложение высылать в район действий банды усиленные наряды.

— Людей маловато, — вставил Шалдин.

— Конечно, мы не можем оголять центр и левый фланг участка. Убедим пограничников в необходимости на какое-то время взять на себя повышенную нагрузку. Другого выхода не вижу.

— Что ж, — согласился начальник заставы, — есть смысл рискнуть. Но если Жумагузов не появится? Только напрасно потратим силы.

— Риск, думаю, оправдан.

На том и порешили. Усилили наряды, уходившие на правый фланг, в район пика Хан-Тенгри. Усилили, хотя ни одного бойца на заставе не прибавилось. Коммунисты заставы, в первую очередь секретарь партийной ячейки, убедили личный состав отдавать больше времени службе, пока не ликвидируют банду Мергембая. Больше стали помогать пограничникам и комотрядники. Коммунистический отряд в Нарынколе и ближайших к селу и границе аулов значительно пополнился.

Секретарь комсомольской ячейки Григорий Конев по совету Черненко, используя его хоргосский опыт, еще теснее связался с сельской комсомольской ячейкой, что и позволило вовлечь в коммунистический отряд новые молодые силы. И парторг заставы работал в тесном контакте с партийной ячейкой местного колхоза.

Сегодня мы говорим: «Границу охраняет весь народ». И это действительно так. Каждый житель пограничья чувствует свою ответственность за неприкосновенность государственных рубежей. На счету членов добровольных народных дружин и юных друзей пограничников немало задержанных нарушителей пограничного режима. А начало этому было положено именно в тридцатые годы.

Усиленные наряды, отправляемые на правый фланг заставы, к пику Хан-Тенгри, возглавлялись коммунистами. Так решило партийное собрание. Несколько раз во главе нарядов ходил Константин Черненко. И каждый раз пограничники выбирали для засад позиции на господствующих высотах, чтобы иметь преимущества перед бандитами в случае их появления в этом районе.

И однажды банда Жумагузова попала в засаду. Пограничники пропустили ее вниз, а потом ударили сверху. Именно так, как в свое время малыми силами ударил Иван Головин по банде Джантая Оманова. И банда Жумагузова была разгромлена, а точнее, расстреляна с высоты, занятой пограничниками.

Алексей Иванович Шалдин мог, наконец, снять со своей души тяжкий груз.

А через несколько дней после разгрома банды Мергембая Жумагузова в Нарынкол прибыл новый начальник заставы Калоев. Слава его гремела по всему Семиречью. За свои боевые заслуги он одним из немногих был награжден коллегией ОГПУ именным оружием.

Долгим было прощание Алексея Ивановича Шалдина с личным составом заставы. И особенно с секретарем партийной ячейки Константином Черненко.

— Есть у тебя, Константин, — сказал, расставаясь с ним, начальник заставы, — призывание к партийной работе. Чувствуешь ты людей, можешь влиять на их души и настроение. Конечно, парторг заставы — не бог весть какая большая партийная должность. Но ведь это только начало. А у тебя вся жизнь впереди. Хороший бы из тебя получился комиссар! Очень жалею, что приходится расставаться. Обещай так же помогать Калоеву, как помогал мне. Гриша Конев просил у тебя рекомендацию в партию?

— Просил.

— Ну, и как ты думаешь?

— Сказал, что дам с радостью. Комсомольскую работу он поставил хорошо. В боях смел, на службе бдителен. Уверен, что и наши коммунисты, и партийное бюро отряда примут его. Он станет настоящим большевиком.

— Я того же мнения. Ну, прощай, Константин Устинович! Всегда буду поминать тебя добрым словом.

— А я вас, Алексей Иванович! Много хорошего вы для меня сделали, многому научили.

Шалдин уехал, и новый начальник заставы приступил к своим обязанностям. С красноармейцем Черненко он встретился одним из первых.

— Рад тебя видеть, Черненко! — сказал он. — Старый друг лучше новых двух, как говорится в пословице. Помню твое геройство, когда били бандитов у Алтынкуля и на берегу Хоргоса. Шалдин

рассказывал мне, что и здесь ты неплохо действуешь и как боец, и как секретарь партийной ячейки. Большинство людей здесь я не знаю, а ведь мне придется не только командовать ими, но и вместе бить бандитов. Вот ты и дай партийную характеристику своим сослуживцам.

За полночь затянулся первый разговор секретаря партиячейки с новым начальником заставы. Беседу прервал только неожиданный сигнал «тревоги»: банда в двадцать сабель перешла границу.

Калоев тотчас поднял в ружье всех, кто оставался на заставе. И сам возглавил группу.

Помощник начальника заставы пробовал уговорить его:

— Разрешите поехать мне! Ведь вы еще недостаточно знаете местность, а время ночное.

— Ничего, со мной опытные бойцы, не дадут заблудиться. А в сложной обстановке я не привык отсиживаться под заставской крышей. По коням!

И тревожная группа усакала в ночь. Рядом с начальником заставы стремя к стремени ехал секретарь партийной ячейки Черненко.

По звукам стрельбы Калоев быстро определил место, где наряд вел перестрелку с бандой. Остановил коня, прислушался к хлопкам выстрелов и дал команду:

— Заходим банде в тыл, отрезаем ее от границы и занимаем какую-нибудь господствующую высоту. Знаешь дорогу? — обратился он к Константину.

— Знаю, товарищ начальник.

И отряд помчался дальше.

«Почему Калоев не поспешил сразу на помощь наряду? — подумалось Черненко. — Шалдин бы поступил именно так. Ведь три пограничника держатся из последних сил и могут не выстоять».

Между тем группа Калоева отрезала банде путь на перевал, а потом пошла на сближение с ней, держась гребня одного из отрогов хребта Терской Алатау.

Бандиты оказались зажатыми в ущелье с двух сторон. Спротивлялись они упорно, но вырваться из окружения не могли.

Бой длился более суток. Бой упорный, в котором обе стороны берегли боеприпасы. Но наши бойцы стреляли лучше. Да и нелегко было бандитам достать укрывшихся за камнями пограничников.

Не имея возможности вырваться за кордон, басмачи сражались до последнего. Когда, наконец, сопротивление прекратилось и красноармейцы спустились в ущелье, они насчитали тринадцать трупов. Семеро бандитов были ранены. Застава не потеряла ни одного человека.

До этого боя Константин Черненко много слышал об осетине Калоеве как о горячем командире, храбром до безрассудства. Но сейчас он увидел спокойного, расчетливого человека, который и сам не лез под пули, и других не посылал. С самых первых минут боя его исход был решен удачно выбранной командиром позицией. Бандитам оставалось либо сдаться, либо погибнуть...

На очередном партийном собрании рассматривался вопрос о приеме в большевистскую партию секретаря комсомольской ячейки заставы Григория Александровича Конева. Комсомольский вожак был принят единогласно.

А потом коммунисты избрали делегатов на первую партийную конференцию Джаркентского кавалерийского пограничного отряда ОГПУ. По норме представительства партийная ячейка должна была избрать двух своих представителей.

И первой коммунисты назвали фамилию Константина Черненко. Теперь он считался уже признанным всем личным составом партийным вожаком. Вторым делегатом был избран начальник заставы Калоев.

Открытие первой отрядной партийной конференции назначили на один из последних дней февраля 1932 года. Черненко и Калоев отправились в Джаркент верхом через Сумбе, Кольджат и Кайерган. И на каждой заставе к ним присоединялись новые всадники — делегаты конференции. Константин очень жалел, что не удалось заехать в Хоргос. Ему хотелось побывать и на своей бывшей заставе, и в селе, где осталось много друзей. Но дороги не выбирают. Надо было торопиться.

С основным докладом на конференции выступил помощник начальника отряда по политической части Евгений Нестерович Мураховский, старый чекист, один из организаторов советской пограничной охраны на юге страны, большевик с дореволюционным партийным стажем. Он рассказал о том, как успешно идет в стране выполнение плана первой пятилетки, как крепнет международный авторитет Страны Советов, как улучшается жизнь ее народов.

— Империалисты все еще лелеют мечту удушить нашу революцию, нашу страну. Но их потуги тщетны, — говорил оратор. — В слепой ярости враги бросают против нас различные банды из-за рубежа. Напрасно! Недалек тот день, когда и на нашем участке границы будет покончено с политическим бандитизмом, как покончено с ним на западных рубежах. И все-таки нам рано

успокаиваться. Граница всегда останется границей, пока существует капиталистическое окружение. И нашим главным оружием продолжает оставаться связь с народом, его широкая поддержка...

Делегаты конференции делились опытом работы, партийного влияния на личный состав и население пограничья. Молодой вожак коммунистов заставы Нарынкол записывал наиболее интересные мысли и факты, услышанные на конференции, в свою тетрадь.

Слушая более опытных партийных вожakov, Константин Черненко с удовлетворением отмечал, что, организуя работу партийной ячейки, делал все правильно, по-большевистски, как того требовала партия. Он чувствовал, что с каждым прожитым днем все лучше понимает партийную работу. И все большее стремление к ней испытывает.

Впереди его ждал почти целый год пограничной службы и партийной работы на заставе. И вся большая и целеустремленная жизнь, отданная партии, трудовому народу.

Алма-Ата — Рокишкис Литовской ССР

Мухин О. А.

М92 Служу трудовому народу Красноярск: Кн. изд-во, 1985. — 216 с.
30 000 экз.

Книга о боевой юности К. У. Черненко на пограничной заставе, где началась партийная биография будущего Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

М 4702010200—050 без объявл.—85
М 147(03)—85

Олег Андреевич Мухин

СЛУЖУ ТРУДОВОМУ НАРОДУ

Редактор В. П. Зыков. Художественный редактор Г. В. Соколова. Художник В. В. Егоров. Технический редактор Н. В. Попова. Корректоры: С. А. Васильева, И. В. Головина. Сдано в набор 4.03.85. Подписано к печати 30.05.85. АЛ07939. Формат 84×100¹/₃₂. Бум. тип. № 1 и № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,40. Уч.-изд. л. 11,09. Тираж 30.000. Зак. 93. Цена на бумаге тип. № 1 — 60 к.; на бум. тип. № 3 45 к. Красноярское книжное издательство. 660049. г. Красноярск, пр. Мира, 98. Типография «Красноярский рабочий», 660017, г. Красноярск, пр. Мира, 91.